

**ОБРАЗНЫЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ
ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ
КАК РЕСУРС
РАЗВИТИЯ
ТЕРРИТОРИИ**

МОСКВА
2020

Министерство культуры Российской Федерации
Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
Сибирский филиал

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского

Музейно-выставочный комплекс «Моя история»

ОБРАЗНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

*Материалы Всероссийской
научно-практической конференции
Омск, 1 октября 2020 г.*

Омск
2020

УДК 001.891+71+379.8+304+911.375+930.85(470)
ББК 19+63.3+60.0+71.0+85.1+87.85
О-23

Редакционная коллегия:
канд. ист. наук И. А. Селезнёва
канд. ист. наук Ю. Р. Горелова (отв. ред.)
канд. ист. наук О. В. Петренко (отв. ред.)
К. Ю. Смирных (тех. ред.)

*Публикуется по решению Учёного совета Российского
научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва*

О-23 Образные характеристики городской среды как ресурс развития территории : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 1 октября 2020 г.) [Электронное издание] / отв. ред. Ю. Р. Горелова, О. В. Петренко. — Омск : Сибирский филиал Института Наследия, 2020. — 392 с. — DOI 10.34685/НИ.2020.11.72.010. — ISBN 978-5-86443-334-8.

Сборник содержит тексты докладов участников Всероссийской научно-практической конференции из 28 городов РФ. Среди них — историки, социологи, филологи, искусствоведы, философы, культурологи, географы, архитекторы. В материалах рассматриваются проблемы методологии и историографии исследования образных характеристик, вопросы, связанные с репрезентацией образов памяти, формированием образов локальной культуры в рамках деятельности учреждений культуры и искусства, а также проблемы региональной культурной политики. Значительное внимание уделено отражению образов города в искусстве и архитектурно-ландшафтной среде как основе образного потенциала территории.

Материалы конференции будут интересны культурологам, работникам культуры и образования, историкам, краеведам, специалистам в области проектирования городской среды.

ISBN 978-5-86443-334-8

© Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва

СОДЕРЖАНИЕ

Образные характеристики городской среды: проблемы методологии и историографии	9
Горелова Ю. Р. Образные характеристики городской среды: к методологии исследования	10
Путрик Ю. С. Геокультурный матричный подход к вопросам изучения и формирования культурной среды малого города и сельского поселения	26
Митин И. И. Город как палимпсест: конструирование достопримечательностей, стимулирование идентичностей и культурная политика	32
Горнов В. А. Гидронимические маркеры ландшафта городских территорий.	40
Щекотуров А. В. Позитивные и негативные медиаконтексты Калининградской области в структуре образа региона. . .	46
Бережнова М. Л. Потенциал интернет-ресурсов как фактор коррекции образа Омска	52
Хусанбаева Э. Р. Гаджет — как инструмент потенциального развития системы «человек — среда города». Технологии проектного взаимодействия	58

Инфраструктура культуры как ресурс сохранения культурно-исторической памяти, поддержания позитивного образа территории и локальной культурной идентичности	64
Генова Н. М. Теоретико-методологические основы инфраструктурного детерминизма региональной культурной политики	65
Безродная О. А. К вопросу о роли провинциального музея в формировании локальной идентичности: на примере музеев Сибири.	70
Демьянов К. В. Место музея в процессе самоидентификации локальных культурных пространств: феномен музея повседневности» Новосибирского Академгородка	78
Ефимова С. Г., Меньшова С. В. Формирование исторической памяти обучающихся в виртуальном пространстве библиотеки ННГАСУ	84
Маркова Т. Б. Место библиотеки в городской среде. История и современность.	90
Андрянова Т. В. Учреждение культуры в условиях городской среды: вопросы локации и управления	98
Карнакова Н. Б. Воспитательный процесс социально-культурной активности молодежи в учреждениях культурно-досуговой деятельности.	105
Охотина Н. М. Трансформация образов городской среды Йошкар-Олы как ресурс развития туризма	112
Хилько Н. Ф. Отражение исторической памяти и брендовых мероприятий города в видеообразах малых городов Омского Прииртышья	117

- Бахтурин В. В.** Отражение интеллектуального и культурного облика Иркутска в зеркале коммемораций: столетний юбилей восстания декабристов 122
- Хлыщева Е. В.** Городское пространство как отражение культурной памяти гетеротопного региона (на примере Астраханского края) 128
- Красильникова Е. И.** Исследование мемориального пространства городов Новосибирской области как ресурс развития территории 134
- Наумов С. С.** «Научно-художественный» сегмент мемориального пространства городов в годы перестройки и постперестроечный период: увековечение деятелей науки и культуры в Омске и Новосибирске141
- Васина С. М.** Репрезентация истории приходского духовенства Марийского края XIX — начала XX вв. ... 150
- Павлова О. С.** Патриотическое служение православного духовенства Уфимской епархии в 1914–1918 гг.: по материалам церковной периодической печати. 154
- Аншакова А. А.** Сталинград — образ памяти народа и символ Победы.159

Архитектурно-ландшафтная среда города и ее отражение в искусстве	166
Крушлинский В. И. Генплан и образ сибирского города, на примере Красноярска	167
Прищепа А. И. Образ Сургута в проекте его первого генерального плана	174
Смирнова М. А. Устьевый порт Архангельск — «столица рек, лесов, болот»	182
Фельдт И. Н. Особенности культурного ландшафта Русского Севера и Арктики как региональный символический капитал (на примере Архангельска)	191
Беляева Н. Ж. Исторические и искусственно созданные города (на примере Республики Коми)	197
Бастров И. А. Сыктывкар, которого не было	203
Самченко Е. А. Развитие образных характеристик современных городов.	211
Воробьева О. Б., Филиппов И. С. Архитектурные решения современной Самары как основа формирования культурного единства и патриотизма населения	216
Пиляк С. А. Особенности интерпретации наследия фортификационной архитектуры	221
Шарманова Т. В. Храмовая архитектура Челябинска как ресурс видеоэкологии	227
Ольхин Ю. В., Селиверстов А. А. Природные и культурные образы Карелии в организации пространства объектов ландшафтной архитектуры. . . .	234

Дергачёва А. В. Архитектурно-ландшафтная среда как основа образного потенциала территории (на примере Ялты)	240
Высоцкая Н. В. Образ города в ландшафтных решениях.	245
Москаленко А. В. Архитектурно-ландшафтная среда как основа образного потенциала территории.	253
Чиркова Н. В. Современная урбанистическая архитектоника в креативных практиках городской среды	258
Гороховская Л. Г. Стрит-арт в визуальной среде Владивостока	267
Наливайко К. В. Street-art в пространстве современного города	274
Виниченко А. А. Скульптурные композиции и их роль в формировании современного городского пространства.	280
Уморина Ж. Э. Типовые модели бионической архитектуры.	286
Мохов И. Э. Рукотворный кристалл новой архитектуры.	297
Дикарева Е. А. К вопросу инновационной экореконструкции ландшафтно-градостроительных систем южных городов (на примере Волгограда)	303
Тегюцкая Е. А. Архитектура из вторсырья в контексте городской среды	308
Львова Н. С., Карпов Д. В. Структурная модернизация промзон	315

Мясникова Д. Д. Архитектурно-градостроительный облик зданий	322
Бордюгова Ю. А., Кукушкина В. А. Световой дизайн городской среды	326
Чашкина А. М. Звуковые инсталляции и музыкальные арт-объекты как средство преобразования городского пространства	330
Бордюгова Ю. А., Кукушкина В. А. Коммуникативный дизайн оступной среды для слепых и слабовидящих людей ...	335
Шевчук И. В. Образы территории и их отражение в искусстве (на примере Севастополя)	339
Бабикова Т. В. Основные тенденции в решении образа города в искусстве Омска второй половины XX в.	344
Петрова Ю. В. Образ Ф. М. Достоевского в пространстве символов Омска	349
Дождевых С. М. Реконструкция звукового образа города Вятки конца XIX — начала XX вв. на материале литературных текстов	355
Тимошевская А. С. Музыкальное наследие Самары как ресурс развития территории	362
Никитина А. В. Культурные ландшафты виртуальных пространств	368
Вильчинская-Бутенко М. Э. Публичное искусство в городской среде: визуальный ориентир или коллективная точка опоры?	374
Сведения об авторах	380

**ОБРАЗНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ: ПРОБЛЕМЫ
МЕТОДОЛОГИИ И ИСТОРИОГРАФИИ**

ОБРАЗНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ: К МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Горелова Ю. Р.

Омск, Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва

Аннотация. В статье определяется сущность образа, его содержательные характеристики и функции как методологического конструкта, позволяющего скоррелировать внешние визуальные характеристики облика среды с ее семиотическим наполнением и отражением в сознании реципиентов. Автор приводит результаты многолетних исследований образа города, выявляет ключевые проблемные зоны и «точки роста» в восприятии горожанами конкретных городских пространств. Предпринята попытка выделить ключевые параметры и черты города как ментального концепта. Перевод этих черт на язык визуальных маркеров позволяет автору выявить специфические черты города как особого визуального текста.

Ключевые слова: городская среда; образные характеристики; образ города; образный каркас города; методология исследования.

В понимании пространства как такового, и городского пространства в частности, намечаются основные грани модальности его существования (проявленности): аспект физический (реальное пространство), аспект перцептивный (пространство воспринимаемое), аспект

ментальный — существующие в индивидуальном и групповом сознании образы пространства, аспект концептуальный (умозрительное пространство абстрактных моделей и понятий). Современная культура, имеющая преимущественно аудиовизуальный характер, провоцирует исследовательский интерес к образным характеристикам пространства, так как именно посредством категории «образ» возможно соединение мира материальных вещей и явлений с миром идей. «Образ» выступает закономерным результатом рефлексии, переживания себя в окружающем мире.

В представленном контексте очевидна актуальность и востребованность теоретических и практических результатов осуществляемого коллективом Сибирского филиала Института Наследия в 2018–2020 гг. научного проекта «Образ города в восприятии горожан» (рук. Ю. Р. Горелова). Промежуточные этапы исследований апробировались на научных конференциях, теоретические и практические обобщения представлены в виде статей и монографии [1–4]. Цель проекта — выявление особенностей восприятия пространства современного города его жителями. Задачи — исследование сущности образа и специфики его формирования; выявление концептуальных черт образа города, маркирующих восприятие городской среды его жителями и воспроизводимых, в том числе в текстах искусства; исследование базовых характеристик образного каркаса современного города [1].

Образ всегда выступает посредником между сознанием человека и внешней реальностью. С одной стороны, он основывается на реальных явлениях, с другой, образ показывает больше не как это событие (явление, человек, вещь) существует в действительности, а как оно отразилось в сознании конкретного человека, социальной группы. При формировании целостного образа индивид всегда опирается не только на непосредственные ощущения и переживания, но также на совокупность всего предшествующего опыта и установок. Посредством категории «образ города» возможно системное

взаимодействие облика города, зафиксированного в его архитектурно-ландшафтной составляющей с ментальной основой, проявленной в системе культурных установок, реализуемой в культуротворческой деятельности населения. Полученный в результате отмеченного взаимодействия «образ города» опирается на специфику конкретного предметного пространства и одновременно является результатом восприятия этого пространства. Процесс формирования образа связан с концентрацией, сгущением определенных представлений.

Образ — это система наиболее ярких и мощных по выразительности знаков, символов, представлений и характеристик, отражающих сущностные черты чего-либо (в частности, города). Он включает в себя визуальные и эстетические характеристики места, его эмоциональное воздействие, его символику, образ представляет собой неповторимый узор смыслов, основа которых находится в реальном географическом пространстве.

Рассмотрение концептуального аспекта образа города, предполагает выделение сущностных черт, маркирующих то или иное пространство как городское. Следует уточнить, что под «концептом» города, мы, опираясь на определение «концепта» Ю. С. Степановым [5, с. 43], понимаем некую системную совокупность представлений и мыслительных конструкций, концентрирующих типичные ассоциации большинства людей, связанных с представлениями о городе как об особом типе поселения, характеризующемся специфическими чертами облика, социальной и экономической структуры и образа жизни его жителей. Предметные области терминов «образ» и «концепт» во многом совпадают. Однако понятие образа шире, более наполнено визуальными и эмоциональными компонентами. Концепт более акцентирован на категории сущностных и типичных черт и привычных смыслов [3].

Все многообразие значимых признаков, позволяющих идентифицировать пространство, как городское можно условно разделить на несколько смысловых блоков, в основе которого лежит та или иная черта города. Каждый блок проявляет себя также через некую совокупность разнообразных визуальных черт, генетически связанных с родовой чертой, лежащей в основе данного блока.

Первым блоком является блок черт, связанный с тем, что города являются местами концентрированного проживания значительного количества людей. Это проявляется в таких визуальных признаках, как: наличие многоэтажных зданий, компактность застройки, значительные размеры общественных зданий и пространств (широкие улицы и обширные площади) и наполненность этих пространств людскими потоками. Все здания и сооружения для удобства доступа компактно собраны в кварталы, микрорайоны, районы, округа. Среда современного города чаще всего представляет собой плотный массив, городьбу стекла и бетона.

Вторая черта, характеризующая город, — ускоренный темп жизни, что выражается в наличии скоростных магистралей, интенсивном автомобильном движении, наличии альтернативных видов транспорта (трамваи, троллейбусы, метро). Наличие транспорта предполагает такие дополнительные показатели, как наличие гаражей, стоянок, транспортных развязок, мостов, обилие остановок общественного транспорта и др. Проявлением городского ритма жизни является наличие ночной жизни. Пульс города не замирает даже ночью. Продолжают работать некоторые промышленные производства, учреждения торговли и развлекательные комплексы. Визуально это выражается в наличии светящихся окон домов, витрин магазинов и кафе, декоративной подсветки зданий и общественных пространств.

Третья черта — город — пространство, в функциональном аспекте сфокусированное на техническом прогрессе и промышленном производстве, что визуально выражается

в наличии корпусов заводов и фабрик с их неотъемлемым атрибутом — дымящими трубами, специфической техникой (подъемных кранов и др.). Кроме того, город пронизывает масса технических и коммуникационных сетей — линии электропередач, мобильные вышки, теплотрассы, канализация.

Четвертая черта — концентрация и разнообразие социально-значимых функций и концентрация процессов деятельности и общения. В городе сконцентрированы и проявлены такие значимые общественные функции, как властно-административная, образовательная, культурно-досуговая, функции, связанные с жизнеобеспечением, торговая, производственная и множество других.

Пятая черта — высокий уровень развития архитектурно-градостроительной культуры и искусства, сформированные архитектурно-градостроительные комплексы, высокая степень структурированности и зонированности территорий, высокая степень благоустройства территории, высокая степень урбанизированности среды, наличие ухоженных общественных пространств, сконцентрированных, как правило, в центральной части городов (парки, скверы, бульвары, оформление пространств перед крупными административными и культурными учреждениями).

Перцептивный аспект образа можно изучать, применяя различные методы социологических исследований. Определение перечня базовых позиций образного каркаса города проводилось на основании классификации образов по содержательно-генетическому признаку, предложенной Д. Н. Замятиным, доработанной Ю. Р. Гореловой.

В ходе процесса концептуализации, отмеченные выше теоретические признаки изучаемого объекта, нами были переведены на язык измеряемых параметров, каждый из которых предполагал наличие вопросов-индикаторов. На основании чего была сформулирована модель измерения. Сложность и системный характер исследуемого объекта определили наличие нескольких параметров-индикаторов для определения

одного параметра. На основании этого была сформулирована модель измерения [1].

Первый блок «Чувственно-воспринимаемые характеристики» (природно-климатические условия, благоустройство, климатические условия). В нем выделены следующие метафоры-клише: пыльный, город на реке, город с жарким летом и суровой зимой, город-сад (зеленый город).

Второй блок «Статус. Геополитическое положение». В него вошли такие позиции как: город на границе с Казахстаном; крупный сибирский город; провинциальный город; крупный российский город.

Третий блок «История. Культура. Наследие», с позициями: город с богатой историей; столица при Колчаке; город-крепость, форпост освоения Сибири; город без яркого прошлого.

Четвертый блок «Перспективы и динамика развития» составили такие позиции, как: без перспектив развития; город с большими возможностями и перспективами развития; динамично развивающийся город; консервативный город.

Пятый блок «Точки роста. Градообразующие системы и факторы» включает характеристики: крупный центр нефтеперерабатывающей и военной промышленности; научный и образовательный центр, город вузов и студентов; культурный центр региона, город театров и музеев; крупный торгово-транспортный центр.

Метод семантического дифференциала позволил уточнить специфику эмоциональных реакций при восприятии различных качеств городской среды. На основе стандартных вариантов семантического дифференциала, применяемого в подобного рода исследованиях, был разработан авторский вариант метода, состоящий из двадцати полярных шкал, задаваемых парами антонимичных прилагательных. Учитывалось наличие таких содержательных блоков, как: визуальные характеристики пространства, эмоциональное восприятие, дополнительные характеристики. Блок визуальных характеристик был нацелен на исследование таких

параметров субъективного восприятия пространства, как размер, эстетичность (красота), экологические характеристики, структурно-композиционные особенности. Второй блок базировался на основных эмоциональных состояниях человека, а также состояниях эмоциональной сопричастности пространству и степени эмоциональной комфортности нахождения в данном пространстве. Блок дополнительных характеристик был нацелен на исследование параметров, присущих городскому образу жизни в отличие от сельского. В рамках этого блока анализировался параметр степени рукотворности, искусственности создаваемой человеком среды, уровень напряжения и активности, ощущения динамики развития пространства [6].

В рамках одного из наших социологических исследований, которое проводилось с 2012 по 2016 г., применялся метод открытого вопроса [7]. Респондентов (всего 1453 чел.) спрашивали: «Каким Вы воспринимаете город Омск? Охарактеризуйте тремя прилагательными». Метод открытого вопроса позволил составить точную картину оценок, выявил проблемные точки и сферы, позитивно воспринимаемые горожанами. На этапе обработки полученных мнений ответы были разгруппированы по 12 блокам и 17 подблокам: 1. Визуальные характеристики (Внешняя привлекательность, красота / уродливость; Выразительность, яркость / Монотонность, серость; Характеристика архитектурного облика); 2. Уровень благоустройства (Чистота. Экология; Дороги; Озеленение; Уровень шума, ритм жизни). 3. Статус, геополитика; 4. Уровень развития, перспективы; 5. Климат; 6. Размеры; 7. Настроение; 8. Культура и наследие (Наследие. История; Развитость инфраструктуры культуры); 9. Личное, эмоциональное отношение (любовь, чувство родства, сопричастности); 10. Уникальность; 11. Однородность пространства. 12. Другое.

Исследования показали, что наиболее острой проблемой, осознаваемой жителями Омска и влияющей на их

восприятие города, явилась проблема загрязненности городских территорий. Второй по значимости оказалась проблема того, что горожане не видят перспектив развития территории. В ответах на упомянутый выше открытый вопрос данная проблема также ярко представлена. Проблемным, убогим, бедным, убитым, слабо развитым для города, похожим на большую деревню, городом ненужных людей и несбывшихся надежд, отсталым, дырой, дном, депрессивным, где нет работы, из которого уезжает молодежь, бесперспективным, умирающим, увядающим, угнетенным Омск охарактеризовали большинство респондентов. И только 18 % от большинства отметили, что Омск — перспективный, город возможностей, открытый, креативный, строящийся, развивающийся.

Третьим по значимости фактором, отмеченным горожанами, был приграничный статус территории. Омск характеризовали как «город на границе с Казахстаном», также локализовали территориальность города, привязав его к определенному территориальному ареалу — Сибири, и определив город как «крупный сибирский», чуть меньше набрали позиции «провинциальный город» и «крупный российский» город. В ответах на открытый вопрос омичи также характеризовали свой город как сибирский, степной, провинциальный.

Из чувственно-воспринимаемых и определяемых ландшафтно-климатическими условиями факторов значимыми для горожан оказались наличие реки и особенности климата. Исследование ответов открытого вопроса также подтвердило факт значимости природно-климатических характеристик. Омск был охарактеризован респондентами как заснеженный, холодный, солнечный. Еще одной проблемой, всплывшей при ответах на открытый вопрос, явилась проблема невыразительности визуальной среды. Серым, невыразительным, тусклым, монотонным Омск воспринимали 78 респондентов, и только 4 — охарактеризовали город как

выразительный, красочный, яркий. При этом понимание причины проблемы заложено в ответах других респондентов, охарактеризовавших Омск как пятиэтажный, голый, бетонный. Во многом этому способствует и вырубка деревьев, и нехватка зелени, о которой также сообщилось в ответах. Из блока, связанного с историей и наследием, наибольшее число выборов было отдано позиции, эмоционально позитивно окрашивающей взгляд на историческое наследие города, но не уточняющей конкретные детали. Омск как «город с богатой историей» охарактеризовала значительная часть респондентов.

Исследование методом семантического дифференциала показал, что жителями Омска родной город оценивается как красивый [6]. Во многом данное суждение основано на привлекательности центральной исторической части города, а также на определенной эмоциональной пристрастности омичей, искренне влюбленных в свой город, несмотря на все его недостатки. В целом большинство омичей воспринимают город как большой, многонаселенный. Отмечают омичи и развитость инфраструктуры культуры, характеризуя Омск как культурный город, где много развлекательных и образовательных мест. В целом исследование показало, что омичи лично относятся к своему городу. 64,2 % омичей оценили Омск как любимый, проявив в этом завидное единодушие. Такое же единодушие проявили омичи в оценке города как родного (74,3 %). 66,9 % оценили Омск как приятный, 51,8 % респондентов как интересный.

При ответах на открытый вопрос, многие отметили контрастность образа жизни большого города. Ряд респондентов характеризовали Омск как контрастный, двойственный, многоликий, многонациональный. Некоторые отмечали шум и суету, присущую большому городу. Больше половины омичей оценили город как быстрый [7]. Быстрый темп жизни, концентрация различных процессов, характерная для городского образа жизни, несомненно, требует от жителей

определенной собранности, что порой связано с напряжением, стрессами. 61,8 % горожан оценили город как «напряженный» и только 38,2 % как расслабленный. Напряженность связана в том числе с чувством опасности. Кроме того, омичи отметили, что воспринимают город скорее опасным (62,2 %), чем безопасным [6].

Являясь большим городом, Омск одновременно, в силу своей провинциальности, не предъявляет столь жестких требований к активности своих жителей, как, например, столичные города, где, как говорят, «жизнь кипит». В провинциальных городах жизнь скорее течет, чем кипит. Закономерно, что омичи, оценивая свой город, охарактеризовали его как скорее «пассивный» (64,9 %), чем «активный». При этом можно отметить оптимизм жителей, отметивших, что потенциал для развития в городе все-таки имеется. Хотя в этом вопросе оптимисты не слишком перевесили пессимистов. Как город «полный жизни» Омск оценили 57,6 % респондентов, как город «застойный» 42,4 % [6].

Исследования показали, что восприятие городской среды омичами укладывается в рамки типичных стереотипных представлений и шаблонов восприятия пространства жителями больших, но не столичных городов. В качестве проблемных моментов респондентами была отмечена загрязненность пространства, его хаотичность, обусловленная в том числе недостаточной продуманностью пространственных ориентиров и монотонностью среды, во многом образуемой массивами безличной панельной застройки. Были зафиксированы такие присущие городскому образу жизни черты, как быстрота протекания процессов и напряженность процессов. При этом геополитические и статусные характеристики Места (Омск не является столичным городом), определили такие его черты, как пассивность, ускоренность в пространстве и связь с данным пространством через личное позитивное эмоциональное отношение (оценка пространства как родного, любимого) [6]. Интересно, что при всех выше

отмеченных проблемах, омичи вину за них с собой никак не связывают, виновной считают некую (причем именно «некую», то есть неизвестно какую) силу. Это отражается в таких характеристиках Омска, как запущенный, заброшенный, забытый всеми, обворованный, измученный [7].

Таким образом, были выделены как проблемные зоны, так и сферы, которые можно условно назвать «точками опоры». Ниже мы приводим лишь некоторые замечания, которые с одной стороны основаны на данных исследований, а с другой — по сути есть концептуальные предложения по изменению моделей взаимодействия горожан с представителями власти, между собой и пространством города как таковым. К группе выявленных в ходе исследования проблем можно отнести проблемы с загрязненностью территории города, причем загрязненностью как в смысле грязи и мусора на улицах, так и экологической загрязненностью, связанной с интенсивным промышленным производством и значительными транспортными потоками. Для улучшения ситуации в этом плане, кроме улучшения эффективности деятельности соответствующих муниципальных служб по уборке городских территорий, установления необходимого количества мусорных урн и баков и других действий, необходимых для обеспечения чистоты городских пространств, возможно, следует поработать с нематериальной составляющей данного процесса. В частности, при содействии представителей творческих союзов можно было бы разработать систему ярких слоганов, четверостиший, с одной стороны, воспевающих культ опрятности и чистоты, с другой стороны, прославляющих Омск и омичей как жителей чистого города. Значительными возможностями в этом плане обладают и СМИ, так как у них есть значительный потенциал в деле формирования общественного мнения. Необходимо продумать систему публикаций и передач, рассказывающих, в том числе, об успехах горожан в деле поддержания чистоты на городских улицах и дворах. Как один из вариантов в этом

плане — серия передач об омских дворах и подъездах, в которых совместными усилиями (и на это должно обращать особое внимание) поддерживается чистота и порядок. Пусть люди вдохновляются позитивными примерами. Из позитивных «точек опоры», применительно к Омску, следует еще раз подчеркнуть значимость актуализации в глазах широкой общественности потенциала культурного и исторического наследия. Сами омичи, и в рамках данного опроса, и во многих других неоднократно отмечали, что история и культура — те сферы, которыми Омск традиционно гордится. Здесь очень важно не потерять данный ресурс. Факты истории и культуры, связанные с определенной территорией, а так же судьбы выдающихся людей, так или иначе связанные с конкретным Местом, архитектурные объекты, обладающие художественно-эстетической и исторической ценностью, воспринимаются респондентами в качестве значимых характеристик, увеличивающих в их глазах привлекательность данного пространства, формируя его позитивный образ.

Интересный аспект исследования представляет изучение художественного образа города, отраженного в произведениях искусства, в частности изобразительного. Художественное восприятие предполагает отсутствие автоматизма, свойственного повседневному восприятию города. Художественное видение — это особый, более тонкий взгляд, который в силу высвечивания отдельных деталей, особой колористики и других художественных приемов дает возможность по-новому увидеть в каком-то смысле привычные или, по крайней мере, давно знакомые объекты и фрагменты городской среды. Пространственные образы среды здесь формируются по законам художественного творчества. Они выражаются специальными художественными приемами, методами и формами, хранятся и транслируются в культуре посредством особых изобразительных или словесных кодов. Искусство — это сфера, предполагающая не интеллектуальное, а чувственно-эмоциональное восприятие действительности

и ее субъективное отражение. В данном случае субъективность — не портит, а наоборот, обогащает, позволяет образу полнее раскрыться в восприятии реципиента. Восприятие художников, к тому же являющихся жителями изображаемого города, как бы заостряет сущностные черты, делает образы ярче, чем облегчает сам процесс их восприятия. Считаем необходимым при рассмотрении художественного образа города, формируемого средствами городского пейзажа, остановиться на рассмотрении следующих тематических блоков. В рамках первого блока коснуться отражения концептуальных черт города в городских пейзажах Омска, акцентируя внимание на специфике его черт как урбанизированного техногенного пространства. В связи с этим здесь целесообразно затронуть проблематику индустриального пейзажа, а так же такие смысловые аспекты, как сосуществование в среде города собственно городского и сельского типов культуры и их визуальных маркеров, старой деревянной малоэтажной и новой многоэтажной застройки [9]. Второй из блоков будет отражать специфику воспринимаемого пространства как пространства отражаемого, и соответственно, будет касаться специфики архитектурно-ландшафтной составляющей городского пространства, вещно-предметной среды города [7]. В рамках данного блока целесообразно осветить такие вопросы, как характер взаимоотношения природной и рукотворной сред в рамках городского текста, изображение архитектурных объектов и рукотворных пространств, изображение природно-ландшафтной составляющей.

При рассмотрении архитектурных объектов и пространств, запечатленных в полотнах омских художников, важно акцентировать внимание на специфике отображения различных типов городских пространств, как публичных, так и камерных. При этом необходимо отдельно поговорить о публичных пространствах центральной части города, формирующих, образно говоря, «парадный портрет города», состоящих из так называемых визитных

карточек — наиболее значимых в семиотическом отношении объектов и пространств, формирующих однозначно позитивный и презентабельный образ города. При изучении камерных пространств необходимо уделить место образам дворовых пространств как типам камерных городских полуприватных пространств. Рассмотрение данных пространств имеет длительную традицию, связанную и с особенностями художественного отображения различных типов городских пространств. В рамках отображения рукотворной составляющей обратим внимание на такой фрагмент городского пространства, который А. Э. Гутнов характеризовал как городскую плазму, на сферу городского дизайна и благоустройства. Это наиболее мобильный элемент городского пространства. При рассмотрении ландшафтной составляющей мы коснемся таких аспектов, как образ растительной составляющей, образы реки и неба и их влияние на формирование образа города.

Третий блок будет отражать специфику воспринимающего субъекта и связан со спецификой ментальных стереотипов восприятия городской среды [8]. В рамках данного блока следует обратиться к анализу роли одушевленных персонажей в городских пейзажах художников, коснуться вариантов фантазийных образов города. Этот блок позволяет ярко акцентировать тот факт, что образ кроме своей объективной составляющей всегда определяется системой социокультурных стереотипов и шаблонов индивидуального восприятия того или иного субъекта. Здесь мы затронем тему культурно-исторической памяти и осознания ценности культурного наследия.

Таким образом, методика исследования научного проекта «Образ города в восприятии горожан» позволяет представить образные характеристики городской среды по четырем направлениям. В рамках первого направления город выступает как урбанистически индустриальная среда (тот аспект, который проявляется при выявлении концептуальных черт

города как феномена культуры). В рамках второго — как историко-культурная единица (аспект ценности для субъекта восприятия). В рамках третьего — как совокупность памятников архитектуры (архитектурная среда). В рамках четвертого — сфера жизни человека (частично аспект плазмы городской среды и аспекты восприятия среды субъектом).

Список литературы

1. Горелова Ю. Р. Смирных К. Ю. Образ города в представлениях молодежи // Сохранение культурного наследия и художественное достояние регионов России : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. — Омск, 2018. — С. 88–94.
2. Горелова Ю. Р., Гефнер О. В. Проблема структурирования городских территорий в восприятии горожан (на материалах Новосибирска) // Урбанистика. — 2018. — № 3 — С. 134–140.
3. Горелова Ю. Р. Город как концепт и визуально-художественный образ // Урбанистика. — 2018. — № 1. — С. 74–89.
4. Горелова Ю. Р. Образ города в восприятии горожан. Монография [Электронной ресурс] — М. : Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, 2019. — 154 с.
5. Степанов Ю. С. Константы : Словарь русской культуры. — Изд-е 3-е испр. и доп. — М. : Академический проект, 2004. — 991 с.
6. Горелова Ю. Р. Городская среда в восприятии жителей крупного провинциального города (на материалах г. Омска) // Урбанистика. — 2017. — № 1. — С. 51–60.
7. Горелова Ю. Р., Межевикин И. В. Образ крупного города в восприятии его жителей // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. — 2016. — № 4 (13). — С. 15–18.

8. Горелова Ю. Р. Архитектурное наследие как элемент художественного образа города // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). — 2019 — № 2 (20) — С. 54–60.
9. Горелова Ю. Р. Пейзаж со стаффажем : субъект в городском пейзаже // Инновационное развитие науки и образования : сб. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. — Пенза : МЦНС «Наука и Просвещение», 2019. — С. 177–179.

ГЕОКУЛЬТУРНЫЙ МАТРИЧНЫЙ ПОДХОД К ВОПРОСАМ ИЗУЧЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ МАЛОГО ГОРОДА И СЕЛЬСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

Путрик Ю. С.

Москва, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва

Аннотация. Геокультурный матричный подход, включающий анализ и классификацию совокупности объектов культурного и природного наследия, во взаимодействии с показателями социально-экономического развития региона позволит получить обновленное, систематизированное и более глубокое представление о региональных особенностях культурного наследия, возможностях и перспективах его сохранения и использования для формирования качественной культурной среды в малых городах и сельских поселениях.

Ключевые слова: культурное наследие; геокультурная матрица; культурная среда; территория.

Происходящие процессы цифровизации в сфере культуры касаются, прежде всего, вопросов виртуализации культурных событий, внедрения цифровых технологий в культурное пространство, создания мультимедийных гидов по экспозициям, электронных библиотек. В меньшей степени эти процессы направлены на решение проблем, связанных с формированием общероссийской системы сохранения и использования

объектов материального культурного и природного наследия. Поэтому геокультурный матричный подход, включающий анализ и классификацию совокупности объектов культурного и природного наследия, составляющих региональные цивилизационные материальные компоненты, с отображением их особенностей и закономерностей распространения по территории Российской Федерации, с использованием культурометрических эквивалентов, позволит получить обновленное, систематизированное, дополненное, более глубокое объективное представление о региональных особенностях культурного наследия, проблемах, возможностях и перспективах его сохранения и использования.

Культурная среда современного города формируется под влиянием множества внешних и внутренних факторов, поэтому является не только результатом исторически сложившегося образа жизни горожан, но и результатом воздействия современных тенденций в сфере развития услуг и коммуникаций. В целях обеспечения координации и управления этого множества факторов, подавляющее большинство которых в эпоху цифровизации доступно статистическому наблюдению и учету, сложились весьма благоприятные предпосылки для применения геокультурного матричного подхода. Предлагаемый подход продуктивен в работе по сохранению, популяризации, изучению и использованию объектов культурного наследия народов Российской Федерации, так как от их наличия, значимости и положения в пространстве во многом зависит качество культурной среды малого города или сельского поселения.

Улучшение транспортной доступности, появление комплекса коммуникационных сервисов и многократное увеличение потоков самой разнообразной информации в сочетании с имеющимися социальными проблемами стимулирует общественную, социокультурную и деловую активность креативной части населения. Множественность внешних и внутренних факторов, влияющих на состояние и качество

культурной среды, побуждает к необходимости их систематизации, с опорой на которую возможно построение эффективных моделей функционирования культуры, определение механизмов, критериев, социальной значимости и экономического эффекта качественно нового уровня развития культурной среды в малых городах и сельских населенных пунктах. В этом динамичном процессе участвуют устоявшиеся традиции и обычаи местного населения, а также материальные объекты культурного наследия народов Российской Федерации, которые можно принять за константу в ряду многочисленных рассматриваемых факторов формирования и состояния культурной среды того или иного региона.

Важнейшим критерием устойчивости и качества культурной среды следует считать показатели динамики численности населения конкретного населенного пункта — городского или сельского. Данные статистические показатели за ряд лет являются ключевыми, так как по ним можно судить о состоянии культурной среды и городской среды в целом. Города с такими показателями требуют особого изучения и последующего сравнения с городами, имеющими устойчивую тенденцию к уменьшению количества жителей.

Немаловажную роль играет инфраструктура культуры — наличие дома культуры, музыкальной школы (или училища), кинотеатра, тематического парка, парка культуры и отдыха, наличие объектов культуры и искусства в виде уличных скульптур и др. Это в сочетании с достоинствами городской архитектуры и прилегающего культурного ландшафта создает определенный уровень и качество окружающей социокультурной среды. На улучшение такой инфраструктуры направлен Национальный проект «Культура» [1] и в его составе федеральный проект «Культурная среда», в котором предусмотрено создание центров культурного развития в городах с числом жителей до 300 тыс. человек, капитальный ремонт культурно-досуговых учреждений в сельской местности, создание модельных муниципальных библиотек,

оснащение оборудованием кинозалов и целый ряд других мероприятий. Что касается объектов культурного наследия, то в паспорте данного проекта об этой константной части культурной среды записаны задачи в специальном подразделе «Совершенствование нормативно-правовой базы и выделение средств на подготовку к вовлечению в хозяйственный оборот объектов культурного наследия, являющихся усадебными комплексами, возрождение и популяризация усадеб».

Понятие «культурная среда» — очень ответственное понятие и оно включает не только инфраструктуру, в которой в значительной части протекает культурная жизнь. Ключевое значение приобретают и межличностные (так же, как и межгрупповые) коммуникации, которые возникают в данной среде и детерминируются этой средой, где в качестве константы присутствуют материальные объекты культурного наследия. Являясь материальными носителями коллективной исторической памяти, они генерируют содержащуюся в них информацию благодаря возникающим в данной местности коммуникациям. Объекты культурного наследия — важнейшая составная часть окружающей среды, часть биосферы и ноосферы. Они обеспечивают важнейшие информационные связи, определяющие в конечном итоге эволюцию цивилизационного процесса. Об этом достаточно подробно написал еще в 1990 г. П. В. Боярский [2, с. 33].

Поскольку объекты культурного наследия относятся к внутренним факторам формирования культурной среды конкретной территории и являются константной величиной во времени и пространстве, то их следует отнести к базовой части всей совокупности факторов формирования культурной среды. Совокупность факторов можно представить в виде геокультурной матрицы города, региона или страны в целом. Такая матрица позволяет сегодня более содержательно, на новом уровне, проводить комплексное исследование материального историко-культурного цивилизационного потенциала страны и ее отдельных регионов, а также

достаточно полно, учитывая многофакторную природу пространственных процессов, рассматривать все факторы во взаимодействии и взаимовлиянии, тем самым способствовать выявлению ключевых точек и «узких мест» на путях формирования качественной культурной среды того или иного населенного пункта, местности [3].

Построение геокультурной матрицы на базе статистических оцифрованных показателей становится возможным благодаря появлению на официальном информационном Портале Министерства культуры Российской Федерации открытых, постоянно обновляемых данных единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. Реестр представляет собой внушительный цифровой массив сведений о более чем 144448 объектов по всем субъектам РФ. Из них памятников — 120855 ед., ансамблей — 21531 ед., достопримечательных мест — 2062 ед. [4]. Так, матричная трансформация упомянутых данных по федеральным округам, субъектам Российской Федерации и входящим в них более мелким административным единицам позволяет определить не только сравнительные характеристики количественных параметров насыщенности территорий объектами культурного наследия, но и открывает возможности применения матричного подхода, в сочетании с картографическими и математическими методами, для определения в дальнейшем корреляционных зависимостей и взаимосвязей между показателями историко-культурного наследия и показателями социально-экономического развития различных территориальных единиц.

Список литературы

1. Паспорт национального проекта «Культура» (утв. президентом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от

- 24.12.2018. № 16) // Правовой сайт КонсультантПлюс. 1997–2020 : сайт. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319207/ (дата обращения: 25.07.2020).
2. *Боярский П. В.* Введение в памятниковедение : монография. — М., 1990. — 220 с.
 3. *Путрик Ю. С.* Геокультурная матрица как цифровая платформа изучения объектов культурного наследия в Российской Федерации // Культурное наследие России : научно-информационный журнал. — 2020. — № 2. — С. 10–19.
 4. Сведения из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации // Минкультуры Российской Федерации : официальный сайт. 2004–2020. — URL: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn/> (дата обращения: 25.07.2020).

**ГОРОД КАК ПАЛИМПСЕСТ:
КОНСТРУИРОВАНИЕ
ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЕЙ,
СТИМУЛИРОВАНИЕ
ИДЕНТИЧНОСТЕЙ И
КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА**

Митин И. И.

Москва, Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. Рассматривается модель города как палимпсеста, представляющая культурный ландшафт в тотально урбанизированном пространстве как многослойную структуру, подчеркивающую множественность значений места, его пространственных репрезентаций. В теоретическом отношении модель восходит к культурной и региональной географии и семиотике пространства, а практическое значение обусловлено задачами маркетинга и брендинга территории и культурной политики.

Ключевые слова: культурный ландшафт; место; палимпсест; культурная политика, брендинг территорий.

Модель *места как палимпсеста* — одна из ключевых в современной критической *культурной географии*. Она предполагает множественность символических значений и пространственных репрезентаций одного и того же культурного ландшафта. Возникновение представления о городе как палимпсесте тесно связано с эволюцией понятия *культурного ландшафта* и становлением

теории культурной географии в англо-американской парадигме.

Классическое представление о культурном ландшафте предполагало, что «культура — это [действующий] агент, природный ландшафт — это материал [*medium*], культурный ландшафт — это результат» [1, р. 343], а сами культурные ландшафты, соответственно, это «закономерные группировки предметов органического и неорганического мира на поверхности земли» [2, с. 469], «в которых человек или произведения его культуры играют важную роль» [2, с. 471]. Они были связаны с традицией культурно-географического и антропологического изучения сельских, незападных и традиционных (со)обществ, в которых указанные процессы адаптации человеком природного ландшафта были наиболее явно представлены.

Однако в 1960–1970-х гг. в связи с так называемым «культурным поворотом» и возникновением новой культурной географии [3, 4] культурный ландшафт кардинально переосмысливается. Новая культурная география критикует классические подходы к культурному ландшафту за то, что они «фокусировали свои исследования на материальных артефактах» [5, р. 3]. Культурный ландшафт теперь понимается через осмысление, означивание, символизацию, т. е. как «информация, сохраненная в символической форме, <...> <которая> отчасти функционирует как нарратив» [6, р. 461]. Соответственно, при этом «символические качества ландшафтов — те, что создают социальные значения — оказываются в фокусе исследований» [7, р. 96].

В связи с этим возникает принципиально новое представление о процессе формирования культурного ландшафта: в фокусе исследований оказывается сам процесс его символического *конструирования* человеком. «Пространство трансформируется в место как только получает определение и значение» [8, р. 136], — постулирует И-Фу Туан. «Главный концепт здесь — это «значение», и, в самом деле, «место»

может быть переосмыслено как нечто, пробуждающееся к существованию через человека и наделение им локальности значением» [9, р. 207–208]. Ландшафт, таким образом, в парадигме новой культурной и тесно связанной с ней гуманистической географии конструируется человеком посредством означивания: «Создать (to make) место, значит окружить локальность человеческим значением» [9, р. 209].

Культурный ландшафт рассматривается как текст (т. е. совокупность знаков и значений, которую можно «читать» и «писать»), как конструируемое и сконструированное значение, как представление о пространстве, как значение места, приданное ему людьми. Схожая трактовка сложилась позднее и в совершенно других обстоятельствах в российской гуманитарной географией [10, 11].

Однако в англо-американской географии в конце 1990-х — начале 2000-х гг. эта парадигма сменяется так называемой *критической географией* [12]. Критики указали на избыточное «увлечение» символическими репрезентациями в ущерб материальности ландшафтов. Эти процессы способствуют рематериализации географии [13], а культурный ландшафт раскрывается, прежде всего, через повседневную жизнь («практики») сообществ людей, их самоорганизацию в пространстве и само конструирование мест обычными людьми [14], созвучное «праву на город», провозглашенному еще А. Лефевром [15, р. 63–184]. Важным стимулом к переосмыслению культурного ландшафта становится и так называемая *урбанистическая революция*. Этим термином А. Лефевр обозначает трансформации, происходящие в современном обществе, связанные, в частности, с нарастающей экспансией городского пространства. В результате урбанистической революции окружающая человека действительность превращается в *тотально урбанизированное пространство*. Его ключевая особенность состоит в повсеместном распространении городской среды [16, р. 3–4]. Культурный ландшафт становится тотально урбанизированным и, соответственно,

анализируется и интерпретируется совершенно по-новому. Лишенный подавляющего давления власти и государства, «в отрыве» от четких иерархических структур (как природных, так и социальных), он становится противоречивым, многослойным и многоголосым, проживаемым в множественных реальностях. В связи с этим новым видением социальной реальности культурный ландшафт предстает как тотально городской *ландшафт-палимпсест* и ландшафт-интертекст.

В основе *мифогеографической* модели палимпсеста — представление о множественности интерпретаций каждого места. В процессе бесконечного семиозиса пространственных мифов (бесконечной интерпретации, описании, анализе представлений) создается множество реальностей одного места. Происходит семиотическое переосмысление (новое означивание) свойств места и/или его уже созданных интерпретаций при сохранении прежних [14, 17]. В основе изучения культурного ландшафта в рассматриваемом подходе оказывается выявление *уникальных* черт, отличающих данное место от других, и связей между этими ведущими особенностями места, формирующих его целостность [18, р. 45–46, 141; 19].

Этот подход, с одной стороны, созвучен научным задачам отечественного комплексного страноведения [20] и англо-американской региональной географии [21, 22]. Целями этих интегральных областей современной географии служит выявление уникальности территории, выраженной присущими только ей наборами образов. С другой же стороны, эти уникальные наборы признаков городских культурных ландшафтов мы рассматриваем в рамках мифогеографической модели места как палимпсеста [17] и с прикладными целями: как основания для локальной идентичности [23] и как идентификаторы территориального брендинга [24]. В последнем случае речь идет о конструировании новых достопримечательных мест посредством создания новых

символических значений городских ландшафтов, что особенно актуально для удаленных городских районов, часто лишенных собственных смыслов, образов, идентичностей. Этот подход апеллирует к маркетингу и брендингу территорий с учетом развития концепций геокультурного брендинга территорий [25], органического брендинга, основанного на идентичности мест [26, 27]. Сконструированное семиотически и символически новое значение, новый пласт города как палимпсеста мы рассматриваем как новый бренд места, т. е. «многомерный конструкт, состоящий из функциональных, эмоциональных, относительных и стратегических элементов, которые вместе конструируют уникальный набор ассоциаций с местом в общественном сознании» [28, р. 4].

Модель города как палимпсеста, таким образом, с теоретической точки зрения объединяет в себе свойственное новой культурной и гуманистической географии представление о культурном ландшафте как о сконструированных значениях места, восходящую к Лефевру идею тотально урбанизированного пространства, а также постулаты семиотики пространства о процессах бесконечного (вос)создания новых и новых пространственных репрезентаций. С практических же позиций речь идет об инструментарии культурной политики и таких актуальных задачах, как привлечение туристов и бизнес-сообщества к новым местам и ландшафтам и конструирование местного патриотизма и локальных идентичностей даже там, где, казалось бы, едва ли можно вести речь об уникальности, самобытности и специфичности.

Список литературы

1. *Sauer C. O. The morphology of landscape // Sauer C. O. Land and Life. — Berkeley — Los Angeles. — London : University of California Press, 1963. — P. 315–350.*

2. *Берг Л. С.* Предмет и задачи географии // Известия ИРГО. — 1915. — Т. 51. — № 9. — С. 463–475.
3. *Митин И. И.* На пути к воображаемой географии : два поворота, три пространства // Топос. — 2011. — № 1. — С. 62–73.
4. *Митин И. И.* На пути к региональной культурной географии : опыт англо-американских географов XX века // Псковский регионологический журнал. — 2012. — № 13. — С. 3–11.
5. *Price M., Lewis M.* The reinvention of cultural geography // Annals of the Association of American Geographers. — 1993. — Vol. 83. — No. 1. — P. 1–17.
6. *Rowntree L. B., Conkey M. W.* Symbolism and cultural landscape // Annals of the Association of American Geographers. — 1980. — Vol. 70. — No. 4. — P. 459–474.
7. *Cosgrove D., Jackson P.* New directions in cultural geography // Area. — 1987. — Vol. 19. — No. 2. — P. 95–101.
8. *Tuan Y.-F.* Space and Place. The Perspective of Experience. 9th ed. Minneapolis. — London : University of Minnesota Press, 2002. — 236 pp.
9. *Jeans D. N.* Some literary examples of humanistic descriptions of place // Australian geographer. — 1979. — Vol. 14. — No. 4. — P. 207–214.
10. *Митин И. И.* Культурная география в СССР и постсоветской России : история (вос)становления и факторы самобытности // Международный журнал исследований культуры. — 2011. — № 4(5). — С. 19–25.
11. *Митин И. И.* Гуманитарная география : Проблемы терминологии и (само)идентификации в российском и международном контекстах // Культурная и гуманитарная география. — 2012. — Т. 1. — № 1. — С. 1–10.
12. *Cultural Geography : A Critical Dictionary of Key Concepts.* — London ; New York : I. B. Tauris, 2005. — 222 pp.

13. *Lees L.* Rematerializing geography : The 'new' urban geography // *Progress in Human Geography*. — 2002. — Vol. 26. — No. 1. — P. 101–112.
14. *Митин И. И.* Место как палимпсест : мифогеографический подход в культурной географии // *Феномен культуры в российской общественной географии : экспертные мнения, аналитика, концепты*. — Ростов-н/Д : Изд-во Южного фед. ун-та, 2014. — С. 147–156.
15. *Lefebvre H.* *Writings on Cities / Selected, translated & introduced by E. Kofman & E. Lebas*. — Oxford : Blackwell, 2000. — 250 pp.
16. *Lefebvre H.* *Urban revolution*. — Minneapolis : Minnesota University Press, 2003. — 196 pp.
17. *Mitin I.* Constructing urban cultural landscapes & living in the palimpsests : a case of Moscow city (Russia) distant residential areas // *BELGEO*. — 2018. — No. 4. — P. 1–15.
18. *Relph E.* *Place and placelessness*. — L. : Pion Limited, 1976. — 156 pp.
19. *Jarratt D., Phelan K., Wain D., Jale S.* Developing a sense of place : toolkit : Identifying destination uniqueness // *Tourism and Hospitality Research*. — 2019. — Vol. 19. — No. 4. — P. 408–421.
20. *Баранский Н. Н.* О связи явлений в экономической географии // *Баранский Н. Н. Избранные труды : Становление советской экономической географии*. — М. : Мысль, 1980. — С. 160–172.
21. *Paterson J. H.* Writing regional geography : problems and progress in the Anglo-American realm // *Progress in Geography*. — 1974. — Vol. 6. — P. 1–26.
22. *Hart J. F.* The highest form of the geographer's art // *Annals of the Association of American Geographers*. — 1982. — Vol. 72. — No. 1. — P. 1–29.
23. *Аларушкина С. А., Борисов А. А., Воронина А. А. и др.* Увидеть невидимое : в поисках локальной идентичности

- района Ясенево в Москве // ИНТЕРАкция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация. — 2019.— Т. 11. — № 20. — С. 133–163.
24. *Mitin I.* Producing differences, connecting people : Symbolic construction of post urban places in distant residential areas of Moscow, Russia // 6th Corfu Symposium on Managing & Marketing Places. 6th–9th May 2019 : Proceedings. — Manchester : Institute of Place Management, 2019. — P. 66–70.
25. *Замятин Д. Н.* Геокультурный брендинг территории : концептуальные основы // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. — 2013. — № 5. — С. 11–23.
26. *Warnaby G., Medway D.* What about the ‘place’ in place marketing? // Marketing Theory. — 2013. — Vol. 13(3). — P. 345–363.
27. *Kavaratzis M., Hatch M. J.* The dynamics of place brands : An identity-based approach to place branding theory // Marketing Theory. — 2013. — Vol. 13(1). — P. 69–86.
28. *Kavaratzis M., Ashworth G.* Place branding : Where do we stand // Towards effective place brand management / ed. by G. Ashworth, M. Kavaratzis. — Cheltenham — Northampton, MA : Edward Elgar, 2010. — P. 1–14.

ГИДРОНИМИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ЛАНДШАФТА ГОРОДСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Горнов В. А.

Рязанский государственный университет
имени С. А. Есенина

Аннотация. В статье на примере городских поселений Рязанской области рассматривается процесс трансформации гидронимической маркировки территорий. Делается попытка определения гидронимических маркеров как специфического типа социальных маркеров. Показано, как маркеры, имеющие реальную смысловую нагрузку, задают определенные характеристики городского ландшафта.

Ключевые слова: городской ландшафт; гидронимические маркеры; территориальные идентичности.

Восприятие образа городской среды как особой территориальной идентичности предполагает осмысление и принятие ее характеристик на различных уровнях социальной реальности: индивидуальном, локально-предметном, культурно-историческом. В последнее время особо пристальное внимание исследователей привлекает изучение внутренней динамики городской среды как одной из разновидностей староосвоенных территорий, запечатлевших в вещном и ментальном выражении результаты деятельности поколений людей, оказывавших техногенное и антропогенное воздействие на природную среду, создававших условия для биосоциального и социокультурного воспроизводства локального социума [1].

В настоящей статье попытаемся рассмотреть семиотическую составляющую этого процесса, представленную в специфической номинации — гидронимических маркерах городских территорий. Следует сразу уточнить: мы имеем дело не только и не столько с гидронимами (названиями водных объектов) [2, с. 14]; гидронимические маркеры можно определить как знаки и символы, устанавливающие значимые в социально-культурном смысле различия территорий с учетом наличия водных объектов в настоящем или в прошлом, присваивающие им определенные оценочные характеристики на основе исторически сложившихся специфических условий труда, быта, досуговой деятельности людей, либо ритуализированных социальных практик.

Одним из самых известных гидронимических маркеров территорий является Замоскворечье — изначально возникшее как предместье Москвы (Заречье), не защищенное от вражеских набегов, подтапливаемое в половодье, заселенное преимущественно инородцами, мелкими торговцами и работным людом, а впоследствии — в силу дешевизны земли — купцами; дворяне селились в других районах города [3]. В XX веке было вполне применимо выражение «шпана замоскворецкая» — полная противоположность «дворянину арбатского двора». Особенно значимыми в социально-культурной жизни гидронимические маркеры становятся для населения провинциальных городов. Рассмотрим это явление на примере г. Рязани и малых городов Рязанской области.

Практически идентично Замоскворечью позиционируется, например, Захупта — часть Ряжска, расположенная на правом берегу р. Хупты. Первоначально старинный город возник и развивался на левом берегу, и лишь с началом строительства Рязанско-Козловской железной дороги был вынужден «перешагнуть» на левобережье. До наших дней Захупта ассоциируется с промзоной, железнодорожным вокзалом, застройкой типа «на выселках», общежитиями, маргинальным составом населения.

Примерно тем же маркером отмечен для жителей Скопина городской микрорайон Заречный: построенный как спальный район для работников автоагрегатного завода, он обладает полным набором характеристик «непочетовки» (территории с урезанным набором социально-культурных благ: отдаленной, труднодоступной в определенные периоды и т. д.).

Иного рода пример — поселок Приокский, микрорайон Касимова, построенный в конце 1980-х гг. для работников предприятия «Касимовцветмет» (аффинажного завода), расположенный в сосновом бору на другой стороне реки Оки, «упакованный» самыми передовыми по тем временам культурно-спортивными и бытовыми объектами, он до сих пор устойчиво ассоциируется с высоким уровнем жизни и комфортной городской средой. Вообще для Касимова характерна гидронимическая «маркировка» социально благополучных городских территорий: Затон (водоем, соединенный с Окой), Сиверка (ручей и одноименный овраг), в отличие от проблемных Чижовки, Пролетарки, Фабрики, никак не привязанных к местным гидронимам. Исключение составляет, пожалуй, поселок Речного порта, застроенный, в основном, деревянными бараками.

Что же касается областного центра, то для Рязани гидронимические маркеры как таковые становятся проблемой, «ускользающей» натурой. Л. В. Чекурин отмечает, что «только с территории современной Рязани исчезло семь ручьев и речек, включая Трубеж, Лыбедь, Дунайчик, речку Парфеновку, Безымянный ручей... Их чистую воду помнят горожане старшего поколения» [4, с. 194]. Это наблюдение известного историка-краеведа отличается не документальной точностью, а, скорее, антропологичностью. Формально указанные водные объекты в той или иной степени сохранились, однако, для огромного большинства жителей перестали быть значимыми символами чего-либо вообще. Невозможно представить, что на речке Лыбеди еще в конце 1950-х гг. крутили жернова несколько мельниц, а к самому центру города

в высокую воду жители близлежащих сел на лодках привозили свежее молоко на Центральный (Молочный) рынок. Более полувека река Лыбедь, заключенная в бетонную трубу, вычеркнута из актуальной практики образования городского ландшафта. Она вроде бы и есть, но ее как бы и нет: уже не одно поколение рязанцев с трудом идентифицирует этот гидроним в реальном пространстве и времени, даже прогуливаясь по Лыбедскому бульвару, который на поверхности своими изгибами повторяет течение реки.

Образуемый слиянием рек Плетенки и Павловки на территории Рязани десятикилометровый приток Оки, протекавший раньше среди заливных лугов, Трубеж, лишившийся в 1990-е гг. городской пристани и обмелевший, постепенно перестал упоминаться даже экскурсоводами. Возрождению исторической памяти об этом водном объекте способствовало строительство новой городской автострады — Северного обхода, самым заметным техническим узлом которого является разводной мост, оборудованный указателями, а также реконструкция моста на участке Московского шоссе, где также установлены знаки «р. Трубеж».

Весенние разливы Оки в районе Рязани иногда достигают восемнадцати километров в ширину. Меандрируя, река оставляла в лугах десятки стариц-озер. Часть из них не имела названий, другие часто отражали характер их социального окружения, например: Солдатское первое, Солдатское второе озеро. Облюбованные когда-то солдатами рот бытового обеспечения и курсантами военных училищ, они несли реальную смысловую нагрузку и задавали определенные характеристики близлежащим городским кварталам.

Современные жилые комплексы, как грибы вырастающие на насыпном грунте, в целях маркетинга получающие звучные названия «Нахимов», «Маргелов», «Жуков», «Пожарский», «Чапаев» и другие, явно утратили связь с городскими гидронимами. Впрочем, современное виртуальное пространство оставляет довольно простора для мифотворчества, как

в истории с озером Дикая Утка, ставшей примером сетевого социального протеста в отношении компании-застройщика, покусившейся на одно из пойменных озер. Родившееся в недрах интернета название (озеро было безымянным) дало повод подключить к протестному движению экологов, ученых-орнитологов, широкие круги общественности вплоть до охотников на водоплавающих птиц. В итоге решением природоохранной прокуратуры озеро приобрело статус охраняемого природного объекта в черте города.

Формирование городского ландшафта в течение ряда десятилетий происходило вопреки естественным природным условиям, повинуюсь жесткому экономическому диктату, рыночной конъюнктуре. В ряде случаев это привело к появлению целых «выводков» безликих зданий-коробок и глубокой деформации территориальной идентичности. Новым вектором в архитектурном дизайне и самой идеологии урбанистики могли бы стать проекты, ориентированные на воссоздание поселенческих концепций, интегрированных с устойчивыми социальными практиками, детерминированными местной традицией. Здесь как раз могут быть полезны выявленные исследованиями и латентные гидронимические маркеры территорий.

Список литературы

1. *Кривцов В. А., Воробьев А. Ю.* Особенности пространственной организации и формирования локальных морфологических комплексов в пределах поймы реки Оки на ее рязанском участке // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. — 2014. — № 1 (42). — С. 142–155.
2. *Виноградов А. В.* Гидронимы на мифологической основе // Научное обозрение. Биологические науки. — 2017. — № 3. — С. 14–36.

3. *Аверьянов К. А.* История московских районов : энциклопедия. — М. : Астрель, АСТ, 2008. — 830 с.
4. *Чекурин Л. В.* Старая Рязань и Исады — памятники речной цивилизации // Проблемы исследования социокультурной среды древних городов : материалы Междунар. науч.-практ. конф. в рамках Второго международного форума древних городов. — Рязань, 2020. — С. 187–197.

ПОЗИТИВНЫЕ И НЕГАТИВНЫЕ МЕДИАКОНТЕКСТЫ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В СТРУКТУРЕ ОБРАЗА РЕГИОНА

Щекотуров А. В.

Калининград, Балтийский федеральный университет
имени И. Канта

*Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ
и Правительства Калининградской области РФ
в рамках научного проекта № 19-411-390001*

Аннотация. Статья посвящена выявлению и анализу медиаконтекстов Калининградской области с точки зрения их тональности: как позитивной, так и негативной. Эмпирическая база — 5000 публикаций о Калининградской области в региональных и федеральных СМИ России в 2014–2018 гг. Установлено, что позитивный образ региона в российских СМИ обеспечивался в контексте отечественных общественно-политических институтов. Упоминание области в контексте зарубежных государств формировало негативный медиаобраз.

Ключевые слова: Калининградская область; образ региона; медиаконтекст; СМИ.

Тема медиаобраза Калининградской области является настолько же важной, насколько значим российский эксклав для геополитической повестки всей страны. Именно поэтому основные направления региональных исследований так тесно связаны с правительственной риторикой или склонны к ее

проблематизации. Следовательно, изучение исторической памяти региона [1], приграничной инфраструктуры Калининградской области [2], туристического потенциала [3], военной конфигурации в странах Балтийского моря [4] являются приоритетными направлениями федеральных программ, следовательно, нуждаются в позитивном подкреплении в СМИ.

Несмотря на всю очевидность изучения информационного пространства, конструируемого вокруг Калининградской области, этот вопрос до настоящего времени практически не изучен. Отметим диссертационное исследование Р. Д. Миновой 2004 г., в котором она отталкивается от первостепенной роли средств массовой коммуникации в формировании привлекательного образа Калининградского региона [5]. Среди работ зарубежных авторов относительно образа Калининградской области примечательна статья польских исследователей К. Момот и Р. Сивицки. На материале трех популярных в Польше газет авторы выделили следующие контексты, в которых чаще всего фигурирует регион: местное приграничное передвижение, ракетные комплексы «Искандер», атомная электростанция, торговые отношения между Польшей и Калининградской областью [6]. Однако и данная проблематика не получила должного развития.

Цель данной статьи — представить в динамике тональность контекстов, в которых фигурирует Калининградская область в российских СМИ.

Эмпирической базой исследования послужили 5000 публикаций в СМИ РФ, в которых упоминается Калининградская область в 2014–2018 гг. Материалы получены с помощью информационно-аналитической системы «Медialogия». Эта система присваивает определенную тональность (позитивную, негативную и нейтральную) каждой публикации, исходя из лексики, которая используется в отношении объекта поиска (в нашем случае — Калининградская область). Вместе с этим система определяет тональность и других ранее созданных объектов поиска (Табл. 1).

Таблица 1

Тональность публикаций о Калининградской области

Объект	2014 год		2015 год		2016 год		2017 год		2018 год	
	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-
Москва	0,06		0,12		0,07		0,06		0,35	
Цуканов Николай Николаевич		-0,24	0,65		0,40		-	-	-	-
Правительство Калининградской области	0,66		0,77		0,72		0,59		0,80	
Польша		-0,15		-0,28		-0,33		-0,20		-0,04
УМВД России по Калининградской области	0,14		0,04		0,09		-0,12		-	-
Санкт-Петербург	0,41		0,48		0,58		0,57		0,58	
Путин Владимир Владимирович		-0,38		-0,22	0,01		0,15		0,15	
Литва		-0,33		-0,26		-0,15		-0,05		-0,19
Украина		-0,76		-0,83		-0,74		-	-	-
Беларусь	0,35			-0,08	0,02			-0,37	0,11	
Европейский Союз		-0,30	-	-	-	-	-	-	-	-
Правительство РФ		-0,04	0,01		0,11		0,35		0,00	
Республика Крым	0,55		0,34		0,45		0,62		0,51	
Краснодарский край	0,58		0,73		0,68		0,59		0,55	
США		-0,76		-0,39		-0,26		-0,36		-0,39
Московская область	0,28		0,32		-	-	0,53		0,66	
Германия	0,00			-0,45		-0,27		-0,14		-0,07
Генпрокуратура РФ	0,00		0,01		0,56		-	-	-	-
МЧС России	0,78		0,60		0,58		0,70		0,52	
Ленинградская область	0,55		0,60		-	-	0,58		0,41	
ГУОБДД МВД РФ	-	-		-0,13		-	-	-	-	-
НАТО	-	-	-	-		-0,26		-0,46		-
Госдума РФ	-	-	-	-	0,39		-	-		-0,21
Республика Татарстан	-	-	-	-	0,81		0,65		0,70	
Алиханов Антон Андреевич	-	-	-	-	-	-	0,73		0,63	
Балтийский флот ВМФ РФ	-	-	-	-	-	-	0,43		-	-
Приморский край	-	-	-	-	-	-	-		0,50	
Чемпионат мира по футболу — 2018	-	-	-	-	-	-	-		0,61	

Пример позитивной тональности для объектов Санкт-Петербург и Калининградская область: «Петербург и Калининградская область будут развивать российский круизный туризм» (2018 г.). Пример негативной тональности для объектов республика Крым и Калининградская область: «Крым и Калининград столкнулись с дефицитом еды из-за “анти-санкций”» (2014 г.). Пример нейтральной публикации: «Истребители перебазируют в Калининградскую область в рамках проверки» (2015 г.).

Значения в таблице показывают тональность публикаций с упоминанием Калининградской области в отношении других объектов. Значения рассчитаны по следующей формуле: отношение разницы между позитивными и негативными публикациями к их сумме. Соответственно, чем ближе значение по объекту к 1, тем больше позитивная у него тональность. Чем ближе значение к 1, тем больше негативная тональность. Значения близкие к нулю означают примерное равенство публикаций как с негативной, так и с позитивной тональностью. В таблице представлены ТОП-20 по частоте упоминаний объектов в каждом году за период 2014–2018 гг.

На протяжении всего периода (2014–2018 гг.) с некоторыми исключениями можно обнаружить одну тенденцию: объекты, относящиеся к российским общественно-политическим институтам или являющиеся субъектом РФ, имеют позитивную тональность. Негативная тональность, как правило, у зарубежных государств.

В 2014 и 2015 гг. исключением из этого правила стали чиновники высшего федерального и регионального уровней: Президент страны В. В. Путин, Правительство РФ (в 2015 г. — 0,01), губернатор Калининградской области Н. Н. Цуканов (в 2015 г. — 0,65), а также ГУОБДД МВД РФ, единожды представленное в ТОП-20 объектов в 2015 г.

В 2016–2018 гг. медиапространство Калининградской области становится еще более полярным: отечественные институции становятся позитивным контекстом региона

в СМИ, иностранные государства — негативным контекстом (за исключением республики Беларусь в 2016 и 2018 гг., что можно объяснить действием договора о Союзном государстве).

Еще одной особенностью указанного феномена является исключение ЕС из ТОП-20 объектов в медиапространстве Калининградской области. Вместо этого возникают НАТО (2016–2017 гг.) и Балтийский флот ВМФ (2017 г.).

Примечательно также, что наибольшее количество публикаций в СМИ ежегодно приходится на федеральный центр (Москва) и Санкт-Петербург. Из числа зарубежных государств, регулярно присутствующих в информационном пространстве Калининградской области, стоит выделить Польшу, Литву, Беларусь, США и Германию.

Выделив наиболее контрастные, с точки зрения тональности (значение +/- 0,7 и больше), объекты, обнаружим среди них МЧС России, Правительство Калининградской области, Краснодарский край, республику Татарстан и А. А. Алиханова, образующих позитивный медиаконтекст; Украину и США, формирующих негативный медиаконтекст российского эксклава.

Таким образом, в 2014–2018 гг. медиапространство Калининградской области было наполнено различными объектами, имеющими устойчиво контрастную тональность. Позитивный контекст представленности региона в СМИ России обеспечивался преимущественно за счет отечественных общественно-политических институтов, в то время как упоминание области вместе с зарубежными государствами формировало, скорее, негативный медиа фон. Центрами позитивной тональности выступили МЧС России, Правительство Калининградской области, Краснодарский край и столица Северо-Западного федерального округа. Аккумуляторы негативной тональности — Украина и Соединенные Штаты Америки.

Для выделенного периода актуальным является контекст милитаризации региона, выраженный в представленности НАТО и Балтийского флота ВМФ как двух конкурирующих сил и наделением их контрастной тональностью.

В целом можно заключить, что информационное пространство Калининградской области в 2014–2018 гг. стало исключительно российско-ориентированным, международные связи подсвечивались с негативной окраской. Дальнейшее развитие темы видится в динамичном мониторинге медиапространства российского эксклава, установлении новых закономерностей и связей, а также в качественном контент-анализе публикаций в отношении ТОП-20 объектов.

Список литературы

1. *Гаврилина Л. М.* Генезис Калининградского текста : проблема культурного наследия // Вестник славянских культур : Научно-информационный журнал. — 2015. — № 4 (38). — С. 21–37.
2. *Пальмовский Т., Федоров Г. М.* Формирование российско-польского трансграничного региона и роль Калининградской агломерации и трехградья (Гданьск — Гдыня — Сопот) в этом процессе // Балтийский регион. — 2019. — Т. 11. — № 4. — С. 6–19.
3. *Себенцов А. Б., Колосов В. А., Зотова М. В.* Туризм и приграничное сотрудничество в Калининградской области // Вестник Московского университета. Серия 5. География. — 2016. — № 4. — С. 64–72
4. *Кикнадзе В. Г., Миронюк Д. А., Кретинин Г. В.* Военно-политическая обстановка в Балтийском регионе в конце XXI века : перспективы «худого мира» // Балтийский регион. — 2019. — Т. 11. — № 1. — С. 60–75.
5. *Минакова Р. Д.* Проблема формирования позитивного имиджа Калининградской области во взаимоотношениях России и Евросоюза : автореф. дисс. ... канд. полит. наук. — М., 2004. — 24 с.
6. *Момот К., Сивицки Р.* Образы Калининградской области в польской прессе // Слово.ру : Балтийский акцент. — 2012. — Т. 3. — № 4. — С. 43–51.

ПОТЕНЦИАЛ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ КАК ФАКТОР КОРРЕКЦИИ ОБРАЗА ОМСКА

Бережнова М. Л.

Омский государственный университет
имени Ф. М. Достоевского,
Сибирский филиал Российского научно-
исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва

Аннотация. В статье рассматривается образ Омска, создающийся публикациями в сети Интернет и транслируемый студенческой молодежью. Оценивается корректность сложившегося образа, методы по его изменению и их эффективность.

Ключевые слова: образ города; интернет-среда; интернет-мем; Омск.

Целью данной статьи является рассмотрение вопроса о том, как происходит формирование образа города в интернет-среде, каковы пути его распространения и насколько возможна его корректировка. Понятие образа города трудно поддается определению, но общее мнение исследователей сводится к тому, что это, прежде всего, субъектная картина мира, результат и идеальная форма отражения предметов и явлений материального мира в сознании человека [1, с. 52].

Образ Омска стал важной частью регионального общественного дискурса в последние годы, когда отъезд жителей из города приобрел массовый характер. В основном освещается эта тема в региональных СМИ [2]. Конечно, важнейшие

причины миграции связаны с экономическими факторами. Но общая необустроенность города, проблемы в развитии социально-культурной сферы также подталкивают горожан к смене места жительства.

В 2018 г. мною был проведен мини- / экспресс-опрос студентов ОмГУ (Омского государственного университета), спровоцированный их общим мнением, что после получения образования из Омска нужно уезжать. Из 46-ти студентов бакалавриата категорически высказались за отъезд 30 чел. Студенты-магистранты, обладающие большим жизненным опытом, были осторожнее. Из пяти студентов только один был намерен уехать, но еще двое не исключили этой возможности. Всего было опрошено 51 чел., декларировали намерение остаться в Омске только 9 из них, что составило 17,64 % всех респондентов. При этом аргументы за отъезд включали такие высказывания (выбраны формулировки, относящиеся к образу города): в Омске «ужасно грязно», не чистят снег, проблемы с транспортом и дорожными пробками, город серый, «тусклый, это угнетает», «многие дома нуждаются в облагораживании», «сам вид города, особенно далеких от центра районов, отталкивает».

Всех студентов просили указать как отрицательные, так и положительные характеристики города. К местным преимуществам респонденты отнесли богатую историю Омска, «атмосферу исторического центра города», парки и спортплощадки, тишину и спокойствие. Большинство студентов к плюсам города отнесли то, что он родной, «тут родители», «что-то уютное в Омске есть».

Изучение интернет-контента с упоминанием Омска выявило некоторые интересные факты. Недовольство горожан в целом проявилось в создании и широком распространении интернет-мема «Не смейте покидать Омск!». Есть, как минимум, две версии его появления. Первый вариант связывается с именем Ильи Варламова, который в 2012 г. был самовыдвиженцем на выборах мэра Омска. Он не сумел собрать 10000

голосов поддержки, необходимых для его регистрации в качестве кандидата, и отказался от участия в выборах. В 2013 г. в «Живом Журнале» Варламова появился известный пост, наделавший много шума в городе, под названием «Омск». Начинался он словами: «Я долго думал, как правильно все написать, чтобы никого не обидеть и точно донести до большой аудитории свою мысль» [3]. Речь в записи шла о грязном городе Омске, все авторские наблюдения были проиллюстрированы фотографиями. Подписи к ним были такими: «Город местами напоминает одну большую свалку», «Такую картину можно встретить во многих нищих странах Африки», «На самом деле проблема с мусором в городе стоит очень серьезно. Его просто перестали убирать во многих районах».

В 2016 г. Илья Варламов опубликовал еще один пост на омскую тему: «Хочу извиниться перед всеми руководителями городов и областей, о которых я ранее писал критические репортажи <...> не так уж у вас и плохо! Поездка в Омск изменила мое отношение к российским городам. <...> В Омске действительно все очень плохо» [4]. Далее речь шла о неустроенности и неухоженности города и ответственности за это мэра Двораковского.

Другая версия происхождения интернет-мема связывается с происшествием 2014 г. в Омске, когда городская скульптура, выполненная в виде шара, была сдвинута со своего места порывом сильного ветра. Стала широко известна интернет-картинка, на которой шар катится по межгородской трассе в сторону от города. Считается, что это изображение, появляющееся в первой тройке картинок по запросу «Не смейте покидать Омск!», связано с записью в дневнике Моники Бастрон: «Серая палитра, частный сектор в центре города, бездорожье, бетонные дома, ветхость и скука. Омск — один из самых депрессивных городов России» [5]. Сама Моника в момент создания записи в интернет-дневнике была Санкт-Петербургской школьницей, уехавшей из Омска с родителями за два года до этого.

Широко известна стала и интернет-история, связанная с попытками изменить образ города. Министерство культуры реализовало проект «Я остаюсь». Был издан настенный календарь на 2018 г., на каждой странице которого был изображен один из самых известных путешественников мира. В соответствии с задумкой, все они оказались в Омской области и решили здесь остаться. Проект был очень популярен, весь тираж раскуплен, а в Интернете появились только отдельные изображения. Однако пользователи, искавшие календарь, наткнулись на контрпроект «Надо ехать!» Этот проект, гораздо менее эстетичный, использовал идею календаря «Я остаюсь!», но в прямо противоположном смысле [6].

Информация об Омске распространяется и через видеохостинг YouTube. По поисковому запросу «Омск» первыми по числу просмотров выдаются видео с «отрицательным» зарядом: «Омск: самый серый город России» (557 тыс. просмотров, ролик И. Варламова), «Почему наш город находится в такой ж**е?» (354 тыс. просмотров), «Типичный Омск — паблик терпил и быдла» (125 тыс. просмотров). И если исторические сюжеты про город еще набирают просмотры, то интерес к новостным сюжетам местных телекомпаний и информационных агентств крайне низкий: за сутки ролик может набрать от 100 до 200 просмотров, канал ГТРК «Иртыш» имеет всего 22,8 тыс. подписчиков и около 10 тыс. видео, выложенных с 2014 г. [7].

Все приведенные факты показывают, что невысокое мнение об Омске, сложившееся у горожан, вполне соотносится с теми материалами, что выдает Интернет по поисковым запросам по релевантности. Блогеры — один обиженный и несколько никому не известных, покинувшая Омск школьница становятся лидерами мнения и задают направленность дискурса. Проект, призванный скорректировать мнение о городе, проигрывает любительским картинкам, так как в ожидании второго тиража его скрыли от общественности.

Ресурсы, наполняемые пользователями, своей массовостью «дают» официальные источники информации. Глобализация жизни в целом и интерес к общероссийской информации превращают региональные каналы в ресурсы второго сорта. Возможность создать свою новостную ленту через подписку на персонально значимые известия для многих жителей области означает полный отказ от местных новостей. В таких условиях вести работу по созданию позитивного образа города очень сложно.

Однако есть информация, которая потребляется всеми жителями региона вне их возраста, убеждений и интересов. Например, многие пользуются Яндекс-картами, а для удобства ориентирования в городе включают режим панорамы, который имитирует передвижение по улицам города. Многие знают, что фотографии для создания панорам были сняты в Омске в 2010, 2014 и 2017 гг. На некоторых фотографиях одного и того же места разница существенна и показывает улучшения в городе. Можно ли поспособствовать проведению съемки в 2021 г.? Можно ли придумать квест, прохождение которого возможно только с использованием панорам разного времени?

Уверена, что возможностей Интернета для продвижения позитивной информации о городе в ненавязчивой форме еще много.

Список литературы

1. *Пирогов С. В.* Социология города : учеб. пособие. — М. : Новый учебник, 2004. — 207 с.
2. *Миленина Ю.* Тренд на миграцию. У Омской области второе место по оттоку населения [Электронный ресурс] // Aif.ru : [сайт] АиФ в Омске. — 2020. — № 7 — URL: https://omsk.aif.ru/society/trend_na_migraciyu_u_omskoy_oblasti_vtoroe_mesto_po_ottoku_naseleniya (дата обращения: 10.10.2020).

3. *Варламов И.* Омск [Электронный ресурс] // LiveJournal : сетевое сообщество : [сайт]. — URL: <https://varlamov.ru/760146.html> (дата обращения: 29.09.2020).
4. *Варламов И.* Жуткий Омск [Электронный ресурс] // LiveJournal: сетевое сообщество: [сайт]. — URL: <https://varlamov.ru/1634146.html> (дата обращения: 29.09.2020).
5. *Бастрон М.* История человека, который попытался покинуть Омск [Электронный ресурс] // Пять углов : журнал старшеклассников [сайт] — URL: https://5uglov.ru/post/14887_omsk__memi_i_realnost_istoriya_cheloveka_kotoriy_popitalsya_pokinut_omsk_i_emu_eto_udalos__rasskazujeet_monika_bastron_iz_shkoli_345_nevskogo_rayona (дата обращения: 26.09.2020).
6. В Омске разобрали все календари #Я_ОСТАЮСЬ [Электронный ресурс] // Омск-информ : региональное информационное агентство : [сайт]. — URL: <https://www.omskinform.ru/news/115175> (дата обращения: 27.09.2020).
7. ГТРК Иртыш [Электронный ресурс] // YouTube — видеохостинг : [сайт] — URL: <https://www.youtube.com/c/ГТРКИртыш1955/featured> (дата обращения: 30.09.2020).

ГАДЖЕТ — КАК ИНСТРУМЕНТ ПОТЕНЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ «ЧЕЛОВЕК — СРЕДА ГОРОДА». ТЕХНОЛОГИИ ПРОЕКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Хусанбаева Э. Р.

Московская государственная художественно-
промышленная академия имени С. Г. Строганова

Аннотация. В статье рассматривается опыт использования гаджетов как элемента различных сервисов городской инфраструктуры в контексте проектной культуры. Выявлен проектный потенциал гаджета в системе «человек — городская среда» и очерчены узловые эстетические ценности интерактивной городской среды.

Ключевые слова: интерактивный дизайн; цифровизация; гаджет; смартфон; интернет; виртуальная среда; умный город.

Промышленная революция XVIII–XIX вв. положила начало современному техногенному миру. Исторически жизненно важные функции городского пространства (место встречи, рынок и место связи) дополнились новыми сценариями использования (промышленные зоны, транспортная сеть, зоны рекреационного назначения). За последние десятилетия город был преобразован из места, в основном, ограниченного работой и приобретением товаров, в дополнительный центр отдыха и развлечений. *Влияние цифровой революции вызвало парадокс развития современной урбанистической среды.* Многослойные цифровые инфраструктуры

(беспроводной доступ к Интернету, мобильные сети, интернет вещей), обеспечивая городу непрерывное движение и изменение, модифицируют процессы его метаболизма, прибавляя к урбанистической структуре дополнительный слой — интерактивный. Таким образом, традиционная организация городской среды устаревает, а интерактивный слой в пространстве города обновляет его содержание и опыт пользования человеком [1]. В приоритет новой городской культуры выходят проблемы гуманитарного характера, регламентирующие взаимоотношения человека и техники. Их призван решить слой интерактивного дизайна.

С 1980-х гг. новые медиа интегрируются в городской дизайн, от базовых элементов вроде ЖК-экранов вместо традиционных рекламных щитов до современных мультимедийных систем, которые способны оказывать самое непосредственное влияние на чувства, мысли и поведение человека. Целевая функциональность городской среды (например, стратегия развития концепции «Умный город») закладывает использование широкого спектра технологий, составляющих инфраструктуру «умного города». Это ставит новые задачи перед средовым дизайном: создание безопасной, гармоничной среды; улучшение качества жизни, развитие современной культурной жизни, где акцент переносится с чисто технической стороны на проблему психоэмоционального состояния жителя в мегаполисе. Для развития городской цифровой инфраструктуры необходима гармонизация системы «человек — среда города».

Базовая цифровая инфраструктура включает сеть датчиков и устройств для сбора данных, комплексные широкополосные и беспроводные сети и платформы, на которых можно хранить данные и обмениваться ими. Система предполагает передачу и получение горожанином «на ходу». Качества и параметры гаджетов (портативность, многофункциональность, адаптивность и т. д.) делает их важнейшим инструментом

цифрового города. Какие функции смартфонов располагают к коммуникации между жителями и городской средой?

Проанализируем функции смартфона в городской среде. Во-первых, встроенный функционал современных смартфонов (камера, GPS, NFC) и постоянная подключенность к Интернету открывают следующие возможности для сближения городов и их жителей:

1. *Повсеместная доступность цифровой информации.* Развитая сеть общественного Wi-Fi, высокий уровень покрытия и качества сотовой связи делает доступным поиск информации в любой локации города [2].

2. *Культурно-просветительская функция.* Камера со встроенным сканером QR-кодов мгновенно декодирует картинку, размещенную на объекте, и выдает ссылки на веб-страницы. Отметим российский проект «QR-город». Удобство для пользователей заключается в мгновенной идентификации объектов города (исторические достопримечательности) с подробной информацией (статья, справки).

3. *Гибкая коммуникация.* Проект Hello Lamp Post (2013) делает планирование городов в большей степени ориентированным на нужды и идеи граждан. Сканируя QR-код на уличной мебели, можно пообщаться с ней, узнать об этом районе и дать пожелания (благоустройство, активности и т. д.) [3].

4. *Навигация.* В преимущества использования модуля GPS входит определение местоположения, безопасность маршрута, упрощенный поиск информации о локации (реклама, сервисы поблизости), поиск пользователей и т. д. Обратная сторона, неконтролируемое отслеживание.

5. *Бесконтактная оплата.* Пользователь быстро проводит оплату в городских платежных системах с помощью смартфона с NFC-модулем.

Во-вторых, функционал смартфонов возможно расширять с помощью приложений, которые могут способствовать дополнительной коммуникации между жителями и городской средой:

6. Городские приложения — *городские интерфейсы реального времени* («Транспорт», «KudaGo», «Город-online»). Программы помогают отслеживать местонахождение транспорта, узнать об акциях, получить уведомление об экскурсии около своей геопозиции в режиме реального времени [4]. Полезные ежедневные инструменты усиливают связь «человек — городская среда».

7. *Социальная симультанность*. В Мельбурне были проведены эксперименты, когда городской экран, вместо отображения коммерческого контента, становится платформой общественной коммуникации (Скотт Маккуайр «SMS origins» (интерактивная карта мира из смс-данных о месте рождения), «HELLO» (дистанционные танцы на больших экранах)). Эти эксперименты отражают одновременное ситуационное взаимодействие публики и города с помощью социальной сети, общей сети [1].

8. *Эмоциональный обмен*. Работы художественного коллектива TeamLab наделяют «волшебными» свойствами городские пространства. Так, для активации интерактивной световой скульптуры «Фейерверк из кристаллов» (англ. Crystal Fireworks) зрители выбирают фигуру фейерверка и загадывают желание через приложение на смартфоне.

9. *Игровое взаимодействие*. Интерактивные игры в городской среде создают новый опыт, добавляют впечатления жителям города (MediaLab Prado «Cityfireflies.com»).

10. *Дополненная реальность*. Современные технологии AR рассматриваются с точки зрения методов расширения среды, они играют роль интерфейсов в городском пространстве. Широкие возможности: от проектирования геолокационных игр (Pokémon Go) до наложений данных, касающихся городской инфраструктуры (инженерные коммуникации, туристические метки и т. д.). Пример дополненной реальности для коммуникации жителей в городе (Team Lab «Message Pillar»).

Все эти действия ведут к обновленной коммуникации жителей и города, формируя динамичную технологичную среду.

11. Экология человека. Окружающая среда воздействует не только на физическое, но и на психическое здоровье человека, его психоэмоциональное состояние. Концепция «сенситивного города» включает целостную программу создания и реабилитации психологического состояния жителя в его сенситивном слое с целью «энергетического» обновления и наполнения. Инструментом взаимодействия человека и среды выступает гаджет с приложением Watt [5].

Повсеместная подключенность сети, разрешенные доступы приложениям собирают данные пользователей смартфонов, используют в своих целях. Необходимо рассмотреть потенциальные ограничения на их сбор и контролировать его *прозрачность*. Из-за постоянного внимания горожан к гаджетам возникают новые требования в городской инфраструктуре, учитывающей интерактивный слой культуры (наземная разметка светофора в Мельбурне, дорожный знак «Люди со смартфонами»).

Подводя итог, можно утверждать, что сегодня мощным инструментом для общения человека и города является гаджет в сочетании с другими формами городской инфраструктуры. Вместе они приносят новые основополагающие ценности интерактивной городской среде: *повсеместная доступность цифровой информации, культурно-просветительская и навигационные функции, гибкая коммуникация, бесконтактная оплата, интерфейсы реального времени, социальная simultанность, эмоциональный взаимообмен, игровое взаимодействие, дополненная реальность, экология жителя, прозрачность сбора информации*. Приведенные в статье примеры показывают гибридное существование средового пространства, где традиционные формы могут быть дополнены интерактивным слоем. В создании таких систем важен гуманистически ориентированный подход

к проектированию интерфейсов, который заботится о гармонизации отношений цифрового поля и человека, поддерживая его эмоционально-психологическое состояние.

Список литературы

1. *Маккуайр С.* Медийный город. Медиа, архитектура и городское пространство. — М. : Strelka Press, 2014. — 392 с.
2. *Барнбрук Р.* Интернет-революция. — М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. — 128 с.
3. *Nijholt A.* Playable Cities. The City as a Digital Playground / Springer Science+Business Media. — Singapore, 2017. — P. 253.
4. *Waal M.* The City as Interface : How New Media Are Changing the City. Rotterdam, 2014. — 224 p.
5. *Хусанбаева Э. Р., Заева-Бурдонская Е. А.* Дизайн в системе проектного диалога человека и города (на примере г. Москвы) // Проба пера. — 2019. — С. 72–77.

**ИНФРАСТРУКТУРА КУЛЬТУРЫ
КАК РЕСУРС СОХРАНЕНИЯ
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПАМЯТИ, ПОДДЕРЖАНИЯ
ПОЗИТИВНОГО ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ
И ЛОКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ**

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИНФРАСТРУКТУРНОГО ДЕТЕРМИНИЗМА РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Генова Н. М.

Омский государственный университет
имени Ф. М. Достоевского

Аннотация. Своеобразие культурной политики региона характеризуется совокупностью материальных и духовных ценностей, создаваемых проживающими на его территории людьми. В рамках категориального анализа феномен культурной детерминации рассматривается в единстве субъективно-объективного подхода. Автор связывает проблемы дальнейшего рассмотрения культурных процессов в регионе с вопросами инфраструктурного детерминизма в культурной политике.

Ключевые слова: культура; культурная политика; регион; человек; инфраструктура; детерминизм.

Социокультурная ситуация в России и регионах демонстрирует важность стабилизации внутри- и межрегиональных связей, системных взаимоотношений, что требует ее рассмотрения с позиций междисциплинарного и системного подходов. В этих условиях важно установление локальных приоритетов в культурной политике, соотносенных с характером социокультурной ситуации, социально-экономическими, демографическими и экологическими характеристиками региона. Эффективность современной региональной

культурной политики в большей степени зависит от того, насколько ее формы, принципы и целенаправленность отвечают имманентным и зачастую спонтанно проявляющимися закономерностями динамики культуры.

Региональная культурная политика преимущественно рассматривается как выражение общегосударственной культурной стратегии, которая определяет и инфраструктуру культурного пространства региона. Но, с другой стороны, на наш взгляд, следует рассматривать и менее заметное обратное воздействие — появление новых отражающих конструктов инфраструктуры в ходе модернизации инфраструктуры и трансформации общества. Современная региональная культурная политика превращается в важный объект междисциплинарных исследований. Но при этом теоретико-методологическая база подобного понимания региональной культурной политики пока отстает от реальных процессов в сфере региональной культуры, а ситуационный анализ на регулярно действующей основе недостаточно эффективен или вообще не проводится.

В современных культурологических исследованиях наблюдаются различные теоретико-методологические подходы к изучению культуры: объектно-деятельностный (Э. С. Маркарян, Е. В. Богомолова, Г. Г. Кириленко); личностно-ценностный (А. Г. Спиркин, Е. Б. Рашковский, В. С. Барулин); организационный (Т. И. Ойзерман, В. Ж. Келле, В. М. Смолкин) и др. По отношению к предмету нашего исследования первый подход более приложим к объектной обусловленности региональной культурной политики, второй — к ментальным проявлениям, а третий подход связан с информационным структурированием региональной культурной политики, в которую входят направления саморазвития культурных сообществ, духовно-ценностные конструкты.

Более близким к рассмотрению инфраструктуры культуры в региональной культурной политике представляется проблемно-ситуационный подход, предложенный

Э. А. Орловой. Он построен на отборе социально-значимых ситуаций в процессе соответствующего анализа. В то же время в нем отсутствует методологическое основание личностной дифференцированной регуляции региональных систем управления. В связи с этим можно выделить в контексте культурной политики функционально-ценностный подход, который предполагает оценку культурных явлений, востребованных и поддерживаемых сообществом. С данным подходом соотносятся направления социального развития культурных сообществ, духовно-ценностные конструкты, духовно-культурный иммунитет. С позиций данного подхода формирование структурно-обусловленных метафункций требует рассмотрения порожденных пространственными бифуркациями новых видов культурной деятельности.

На наш взгляд, следует также выделить личностно-ценностный подход к региональной культурной политике. С этим согласуются и представления о социальной жизни, согласно которым наиболее важной личностной детерминацией в развитии дифференцированной регуляции общества является установление синхронной и диахронной связи между людьми в рамках определенного сообщества.

С целью системного понимания инфраструктуры культуры необходимым является выделение единого основания, позволяющего видеть составляющие компоненты с указанием на их род, вид и специфику. Системность, как на это указывает В. С. Библер, является одним из характерных признаков культуры. Важное значение культуры — ее открытость, учитывающая динамику происходящих в обществе изменений. В этом контексте возникает состояние переструктурирования, направленное на появление новой формы как свойства созидательной эволюции. Здесь формирующаяся система обладает свойствами живой целостности, что придает ей способность к самоорганизации, дифференциации на основе постоянного информационного взаимодействия с окружающей средой. Динамика социокультурной среды

отражается в изменениях инфраструктуры культуры. И возникает необходимость установления связи культурной политики региона с инфраструктурой культурного пространства.

Рассмотрим инфраструктуру культуры по отношению к понятийному ряду «человек — культура — социальность». Здесь возможна как индивидуальная, так и коллективная культурная деятельность, поэтому вполне закономерным является взаимодействие двух ключевых процессов: самореализации и социализации. В этом контексте объясняется сосуществование в составе аудитории культуры субкультурных элементов и форм социальных институтов. Здесь типичные и универсальные формы культуры в процессе социализации, которая приводит к самореализации, и, наоборот, единичные инновационные формы культуры приводят к адекватной самореализации и обладают зачастую слабой степенью включенности в культурную социализацию. Данное положение отвечает комплексному методологическому подходу к инфраструктуре региональной культурной политики и обосновывает необходимость инфраструктурного моделирования в процессе модернизации форм культурной политики с целью ее регулирования и коррекции в инфраструктурной модели.

Рассмотрим инфраструктурную обусловленность региональной культурной политики в процессе динамики культуры. В этом аспекте важно опираться на основные признаки в системном подходе к культуре — саморазвитие человека как личности и саморазвитие культуры. И в том, и в другом случае творчество является основной характеристикой культурной деятельности. Поэтому следует соотнести процесс созидания с материальными, духовными, общекультурными, генетическими и личностными аспектами творчества как формами создания культурного продукта.

Организованная культурная деятельность в условиях глобализации и рыночной экономики — многоаспектная возможность трансформации современного общества.

Превращаясь в ряд механизмов культурной политики, имеющих в своей основе децентрализацию и плюрализм, она становится средством роста самосознания и важным фактором творчества, определения путей и возможностей общественной самореализации.

К ВОПРОСУ О РОЛИ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО МУЗЕЯ В ФОРМИРОВАНИИ ЛОКАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: НА ПРИМЕРЕ МУЗЕЕВ СИБИРИ

Безродная О. А.

Омск, Музейно-выставочный комплекс
«Моя история»

Аннотация. В статье рассматриваются предпосылки, позволяющие музею как социальному институту оказывать влияние на формирование культурной локальной идентичности. Поднимается вопрос о необходимости изучения данной темы в исторической ретроспективе на примере музеев Сибири.

Ключевые слова: музей; музеи Сибири; локальная идентичность.

Смена парадигмы общественного развития не может не влиять на музей как социальный институт. Ускорение темпов общественного развития закрепило в идиоматическом выражении «стремительно меняющийся мир». Являясь социальной системой, интегрированной в многочисленные общественные связи, музей адаптируется под изменяющуюся социальную среду, при этом не теряя своего смыслообразующего содержания. Общественная ситуация меняется, но при этом можно фиксировать как константу наличие системной взаимосвязи «общество — местное сообщество — музей». Несмотря на то, что содержательно, по формам и методам,

эта взаимосвязь изменяется, наполняясь новым содержанием, но само ее наличие остается постоянным.

То, что местные (провинциальные) музеи активно воздействуют на формирование локальной идентичности — тезис, который вряд ли кто-то будет подвергать сомнению. Это подчеркивается и фиксируется как важное качество в работах исследователей, в решениях авторитетных международных научных форумов. Так, в решении Международного музейного Форума (Казань, 14–18 сентября 2010 г.) значится, что «музей укрепляет культурные идентичности, поддерживая социальную сплоченность».

Под локальной идентичностью будем понимать разновидность территориальной идентичности как «переживаемое и/или осознаваемое чувство территориальной принадлежности человека, определенная субъективная социально-географическая реальность», «<...> идентификация человека с местным сообществом, чувство сопричастности по отношению к событиям, происходящим на территории непосредственного проживания» [1, с. 140]. Исследователи феномена региональной идентичности выделяют ее разновидность «сибирскую идентичность». Это — «устойчивая культурная, ментальная характеристика, предполагающая, в том числе, ощущение привязанности, принадлежности и небезразличия к Сибири и ее развитию» [2, с. 58].

На повседневном уровне провинциальный музей регионального или районного масштаба, безусловно, влияет на формирование локальной идентичности. Это требует пояснений и доказательств. Каковы специфические свойства музея, которые позволяют утверждать так? Сегодня ряд авторов, переосмысливающих социальные функции музея, приходят к выводу, что музеи играют огромную роль в формировании мировоззрения как отдельного человека, так и сообщества в целом. Музей, демонстрируя «материальные» свидетельства прошлого, при этом активно участвует в формировании духовного, смыслообразующего

начала, участвует в конструировании смыслов и, в том числе, восприятию членами общества образов территории. Это свойство музея подчеркнуто современными теоретиками-музеологами. Так, в своей работе А. А. Будко предлагает рассматривать полицентрическую модель музея, которая представляет собой три взаимосвязанных и взаимообусловленных пространства — артефактов, образов, миссий.

С пространством артефактов все достаточно понятно, но предметно-материальная составляющая наполняется содержанием, если артефакты обусловлены временем и пространством существования, а мы способны наделить их ценностными характеристиками. Например, первобытный охотник едва ли оценит смартфон, а мы с улыбкой смотрим на обработанный нуклеус. Этой способностью наделять материальные предметы (в том числе артефакты) «идеальными» смыслами мы можем описать и определить миссионерскую деятельность музея. При этом средством общения могут являться образы как особые коммуникативные формы.

С миссионерской составляющей музея связано его свойство выражать и влиять на формирование идентичности. Музей существует в пространстве, не космополитичен, а национален. Он «рассказывает» историю местного сообщества, иллюстрирует временную преемственность «от праотцов», а также является предметом гордости, участвуя в формировании бренда территории [3, с. 13].

По мнению Е. Н. Мастеницы, музейный мир — это постоянно и динамично эволюционирующая структура, составными элементами которой являются: — материальное пространство (объекты истории, культуры, природы, признанные ценными и значимым, а также институты, способствующие их сохранению); — нематериальное пространство (духовные ценности, смыслы, социокультурный опыт, идеи, знания о музее и музейной деятельности); — коммуникационное пространство (культурные и социальные практики, условия и компоненты музейной деятельности). Иными словами,

музейный мир следует рассматривать как часть действительности, обладающую признаками музейности [4, с. 21–22].

Таким образом, именно «обнаружение» в музейной деятельности «нематериальной» составляющей позволяет говорить о том, что музей способен участвовать в формировании «смыслов» и «образов места». Учитывая представительную историографию [5–7], рассмотрим некоторые аспекты данного вопроса на примере музеев Сибири в исторической ретроспективе.

В классических публикациях по истории музея выделяются периоды: Античности; эпохи Варварства; эпохи Просвещения, когда происходит зарождение музея в современном понимании; период Нового времени, представляющий Музей как научный кабинет, как храм наук и искусств. В Новейшее время музеи приобретают черты публичной институции. Вторая половина XX в. и начало XXI в., конечно, меняют эту парадигму. Если применять образные характеристики современных мыслителей, то можно говорить об эволюции музея от Храма до Торгового центра. Мы понимаем, что разнообразие музейных форм не подразумевает какой-то одной концепции музея. Различие форм и видов музеев, способов представления прошлого существенно влияют на наше представление о том, что такое музей сегодня, как он взаимодействует с локальным и глобальным сообществами.

Отмеченную периодизацию иллюстрирует и одновременно корректирует история отечественных региональных музеев. По понятным причинам (заселение, появление соответствующего слоя образованных людей) музеи нашего региона начинают свою историю с периода Нового и Новейшего Времени.

Не имея целью раскрыть в полноте историю музеев Сибири, рассмотрим, какова была миссия этих музеев с точки зрения отражения и формирования региональной идентичности в разные периоды их существования.

В период формирования музеев, особенно во второй половине XIX в., музей, транслятор «просвещенческой»

парадигмы, ассоциируется с «научным» кабинетом, который должен через материальные остатки подтвердить или опровергнуть научные концепции, прежде всего естественных наук. Известно, что в комплектовании коллекций музеев большую роль в это время играют местные географические общества. Провинциальные музеи в этот период представляют кабинеты древних артефактов, диковинных вещей местного или около местного происхождения. Например, открытый в 1823 г. при Управлении Колывано-Воскресенских заводов по инициативе П. К. Фролова и Ф. В. Геблера «Барнаульский горный музей» предназначался для горного училища и для любителей наук. Его экспозиции сформированы по «научному» принципу — модельная, минералогическая, зоологическая, нумизматическая, археологические и этнографические редкости. Многие музеи открылись при отделах Императорского географического общества или уже после создания дополнили коллекции [8, с. 113].

Из истории первых лет деятельности Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества следует, что уже первые публичные мероприятия просветительского характера — это научные лектории. Помимо тем для любопытствующих о разных «диковенных» местах и странах (например, в 1887 г. лекции Вершинина «О землетрясении в Верном», 1889 г. — лекция М. М. Сязова «Тибет и его обитатели»), лектории содержат перечни тем, которые знакомят с историей и природой родного края. Так, в том же 1889 г. А. И. Бекреев делает сообщение «Природа и люди Иртышского бассейна, в их прошедшем, сравнительно с настоящим». С 21 октября по 12 декабря 1889 г. Г. Е. Катанаев организует 5 публичных чтений на тему «Западно-Сибирские казаки-землеисследователи». Достаточно известный факт, в год открытия музея для посетителей (1889 г.) отмечается, что за 1,5 месяца его экспозиции осмотрело более 400 чел., в 1893 г. — 539 чел., в 1894 г. — 576, 1896 г. — 4000, в 1898 г. — 4574 чел. [9, с. 175–177].

Смена ситуации происходит в советское время, когда музей становится инструментом государственно-идеологической пропаганды. Материальные свидетельства участвуют в интерпретации прошлого, но уже под другим идейным содержанием. Сложная политическая задача формирования представления о правильности марксистской парадигмы исторического прогресса, теории классовой борьбы и грядущей победы социализма предполагала постановку «доказательной» базы правильности теории на локальном уровне. Музейные экспозиции с традиционным названием «Наш край в годы...» можно было встретить повсеместно. В этот период формируются коллекции крестьянского быта, этнографические коллекции. «Генеральная линия» исторического прогресса, тем не менее, не отрицала местного своеобразия, который только доказывал ее правоту. Уже в этот период появляется понимание, что музеи несут важную миссию по формированию мировоззрения, результатом которого стал феномен «музея без экспонатов» (Красноярск, музей В. И. Ленина).

Вместе с идейно-идеологическим курсом меняется музейная трактовка прошлого, особенно ярко это прослеживается в 1990-е гг. И вот те же самые музейные предметы, дополненные сборами на «новые» темы, участвуют в выставках с совсем другим политико-идеологическим содержанием. Появляются выставки о «белых пятнах истории», периоде политических репрессий, раскулачивании и т. п.

Какова же сейчас миссия музея с точки зрения формирования региональной идентичности? Сегодня как никогда вопрос места пребывания человека отражает его «успешность», есть регионы «модные для проживания», куда стремятся попасть, переселиться, где «дорого», но престижно жить. При этом есть спрос и потребность на «экзотику», «местный колорит», «уникальность». Музей вынужден конкурировать с другими развлекательными площадками, с пространством Интернета, именно местный музей оказывается способен дать ответ о локальной идентичности. Самим своим фактом

существования уже является предметом гордости для местных жителей, объектом «поиска своеобразия» для туристов.

События 2020 г., связанные с пандемией коронавируса (COVID-19), позволяют некоторым теоретикам говорить о «конце эпохи глобализации». При этом 2020 г. явно высветил важную функцию музея как гаранта преемственности во времени. Преемственность воспринимается как стабильность, как ценность. Возможность пользоваться музеем — как культурное благо. Это подтверждается регулярными вопросами посетителей во время «режима повышенной готовности» и удаленной работы музеев: «А вы уже открылись?». Перефразируем: «Все уже нормально?». Именно через «посещение» культурных институций для части сообщества происходило олицетворение «нормальности» жизни, ее безопасности.

Список литературы

1. *Морозова Е. В., Улько Е. В.* Локальная идентичность : формы актуализации и типы // Политкекс. — 2008. — Т. 4. — № 4. — С. 139–151.
2. *Анисимова А. А., Ечевская О. Г.* Сибирская идентичность как фактор устойчивого развития Сибири // Эко. — 2013. — № 1. — С. 56–64.
3. *Будко А. А.* Образ музея в XXI веке // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. — 2015. — Т. 212 : Музей в мире культуры. Мир культуры в музее. — С. 11–18.
4. *Мастеница Е. Н.* Музейный мир в XXI в. : векторы развития // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. — 2015. — Т. 212 : Музей в мире культуры. Мир культуры в музее. — С. 19–26.
5. *Рыженко В. Г.* Музеи в культуре сибирских городов в первой трети XX в. // Проблемы музееведения и народная культура. — Новосибирск, 1999. — С. 35–64.

6. *Труевцева О. Н.* Музеи Сибири во второй половине XX века. — Томск, 2000. — 335 с.
7. *Шелегина О. Н.* Музейный мир Сибири : история и современная тенденции развития / отв. ред. В. А. Ламин, М. В. Шиловский. — Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2014. — 396 с.
8. *Равикович Д. А.* Музеи местного края во второй половине XIX — начале XX в. // Очерки истории музейного дела в России. — М., 1960. — Вып. 2. — С. 145–176.
9. Просветительская деятельность Западно-Сибирского отдела // Юбилейный сборник Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. 1877–XXV–1902 [Электронный ресурс]. — Омск, 1902(2014). — 283 с.

**МЕСТО МУЗЕЯ В ПРОЦЕССЕ
САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЛОКАЛЬНЫХ
КУЛЬТУРНЫХ ПРОСТРАНСТВ:
ФЕНОМЕН МУЗЕЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
НОВОСИБИРСКОГО АКАДЕМГОРОДКА**

Демьянов К. В.

Омский государственный университет
имени Ф. М. Достоевского

*Исследование выполнено при финансовой
поддержке РФФИ в рамках научного проекта
№ 18-09-00329*

Аннотация. Исследование предполагает рассмотрение феномена Музея повседневности новосибирского Академгородка в контексте развития локальных идентичностей. Специфика, обусловленная особенностями исторического развития этого поселения, проявляется в комплектовании коллекции и социокультурной деятельности музея. Делается вывод о взаимовлиянии факторов формирования идентичности у сообщества и исторических образов, им порожденных.

Ключевые слова: музей; история повседневности; культурное пространство; историческая память; Академгородок; Новосибирск.

Вопрос о роли местного музея как ключевого элемента развития локальной идентичности уже был обозначен в отечественной гуманитаристике [1]. Музей вбирает в себя исследовательские и просветительские функции и является

опорной точкой в культурном пространстве города [2]. В исследовании музей рассматривается в качестве важного элемента, фиксирующего трансформации динамики ценностных ориентиров людей своего времени. Он актуализирует историко-культурное наследие места, транслируя его, и тем самым способствует развитию идентичности.

Изучение подобных явлений предполагает применение комплексного анализа, в котором преобладающую роль играют не традиционные методы, обращенные к письменному источнику, а непосредственное наблюдение. Метод натурального обследования, а также метод интервьюирования стали основополагающими для исследования. Полученные результаты легли в основу источниковой базы.

Посещение музея автором этих строк состоялось 28 августа 2019 г., во время которого также было записано на аудионоситель интервью с владелицей Музея повседневности Академгородка. Рассмотрение современных ярких культурных явлений, в том числе таких, как музей, также требует обращения к репрезентации этой институции в социальных сетях для выявления ее имиджевых характеристик [3].

Музей повседневности Академгородка представляет феномен института, формирующего идентичность территории локального сообщества, изначально создававшегося как наукоград. Этот процесс подразумевает трансляцию специфических поведенческих практик, которые были характерны для советской интеллигенции второй половины XX в., также социальной группы, формирующей культурный облик Академгородка.

Социальные процессы конца 1980–2000-х гг. и сопутствующая смена поколений вызвали трансформацию культурных образцов и привели к размыванию как общероссийских, так специфических культурных практик, свойственных повседневности Академгородка. Среди культурных практик отметим бардовую культуру, особую моду, институт «клуба» и «дома культуры», и т. п.

Музей повседневности Академгородка сохраняет наследие недавнего прошлого и транслирует его с помощью различных средств: музейной экспозиции, участия в общественной жизни Академгородка, организации собственных мероприятий и ведения социальных сетей.

Инициатором создания музея, его владельцем и руководителем является Анастасия Близнюк, дочь «легендарных жителей» Академгородка [3]. Мать Анастасии, Светлана Рожнова, исследователь фольклора народов Сибири и Дальнего Востока, была в числе подписавших «письмо 46-ти» в поддержку диссидентов в 1968 г. Отец, Герман Безносков, был «министром страннных дел» клуба Академгородка «Под Интегралом», его творческим двигателем, организатором вечеров и праздников. Музей был основан в 2013 г. в специально приобретенной квартире на улице Терешковой, но вскоре переехал в квартиру по адресу улица Правды, 4. Она делится на две комнаты, одна из которых — спальня для владельцев, а гостиная, совмещенная с кухней, представляет собой пространство музея. Оно наполнено различными предметами бытового обихода, мебелью, книгами, одеждой, антикварной техникой. Встречаются экспонаты и начала XX в., и предметы, характерные для советского быта 1960–1970-х гг. Музей регулярно пополняется за счет дарения вещей жителями Академгородка и Новосибирска, поэтому единой и целостной картины исключительно позднесоветской повседневности, что свойственно районным музеям города Новосибирска, здесь нет.

Разное время производства тех или иных вещей вовсе не означает, что они не играли своей роли в культуре и поведенческих практиках жителей Академгородка второй половины XX в. Большинство экспонатов, созданных в начале прошлого столетия, прожили свою жизнь и оказывали влияние на повседневность более позднего времени. Особенность Академгородка в том, что здесь сложилась уникальная ситуация концентрации интеллигенции, которая сохранила

или восприняла элементы интеллектуальной культуры конца XIX — начала XX вв., не в последнюю очередь благодаря вещам того времени: книгам, предметам обихода и т. д.

Каждый предмет экспозиции является деталью, реконструирующей культуру повседневности, характерную для той эпохи. На деревянном рабочем столе стоит портрет Э. Хемингуэя — отличительная черта быта советской интеллигенции 1960–1970-х гг., символизирующая «причастность» к ориентации хозяина квартиры на интеллектуальную культуру и служащая знаком отличия «своего — чужого» для гостей.

Среди других предметов, символизирующих культуру советской интеллигенции, сохранившей запал соответствующего ей образа жизни и поведенческих практик, стоит отметить клавишный музыкальный инструмент немецкого производства начала XX в., который прибыл в Новосибирск из блокадного Ленинграда. Подобные предметы из дореволюционного прошлого, привезенные первыми жителями Академгородка, сыграли важную роль в формировании той локальной культуры, которая и транслируется в музее.

Целый ряд экспонатов, отражающих специфику Академгородка, связан с бардовской культурой. Среди них акустическая гитара, подвешенная на стене рядом с портретом А. Галича. В книге записей клуба «Под Интегралом» имеется запись от 12.03.1968 г., сделанная Галичем: «Мария Волконская еще собирается, а я уже здесь, как будто всегда был здесь! Нет, видать, я и вправду, рожден для Сибири! Спасибо вам всем. Огромное спасибо. Галич». Здесь же хранятся различные документы клуба «Под Интегралом». Среди них членские билеты, дающие право бронировать билеты на юбилейные вечера и аншлаговые мероприятия, при условии выполнения «хотя бы одного полезного дела для клуба» в течение трех месяцев. Один из таких пригласительных билетов — на вечер песни, в гостях у клуба был «автор-исполнитель В. Высоцкий».

Экспозиция музея нацелена не только на трансляцию образов памяти, связанных с «большой» культурой, но и на реконструкцию образа повседневности и культурных практик жителей самого Академгородка. Именно это и является своеобразной инновацией и особенностью музея. Это отличает его от других частных инициативных музеев. Так, «Музей СССР» в том же Новосибирске транслирует стандартизированный, унифицированный и собирательный образ советской повседневности. И если данный музей — явление не единичное («Музей социалистического быта» в Казани, «Музей СССР» в Москве, «Музей Советской эпохи» в Санкт-Петербурге и др.), то интегральный музей-квартира повседневности Академгородка в этом отношении уникален.

Инкорпорация в общественную жизнь Академгородка, активное ведение социальных сетей, проведение инициативных мероприятий, связанных с трансляцией культуры повседневности советской интеллигенции, стали заметной частью деятельности музея [4]. Регулярно проводятся модные показы винтажной одежды, коллекция которой также хранится в музее. Участницы показа, как правило, дефилируют в характерных для советской моды нарядах по Морскому проспекту — главной прогулочной улице Академгородка.

Формирование локальной идентичности посредством культурных практик — по-прежнему процесс малоизученный. Рассмотрение деятельности современных культурных институций на предмет трансляции образов историко-культурного наследия отдельного поселения является одним из наиболее очевидных вариантов преодоления этого исследовательского вакуума. Однако неизбежно возникает вопрос: что в этом случае является первичным? Музей создает образы и транслирует их в сообщество или же сообщество транслирует свою идентичность через музей? А может стоит говорить о диалоге, который является двигателем процессов любой культуры, в том числе локальной? Так или иначе, вопрос остается открытым.

Список литературы

1. Чувилова И. В. Местный музей как ключевой элемент развития идентичности // Новации в музейном мире. На пути к музею локальной истории нового типа : сб. науч. ст. — Новосибирск : Институт истории СО РАН, 2017. — С. 24–52.
2. Рыженко В. Г. Возможности историко-культурологической модели изучения музеев в пространстве современного города и в «ментальной карте» региона // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 3–5 октября 2011 г.). — Новосибирск, 2011. — С. 242–247.
3. Интегральный музей-квартира повседневности Академгородка : [сайт]. — URL: <https://www.integralmuseum.ru/> (дата обращения: 31.05.2020).
4. Integral Museum Of Akademgorodok on Facebook [Электронный ресурс] // «Facebook» : социальная сеть : [сайт]. — URL: <https://cutt.ly/tyBaYtB> (дата обращения: 31.05.2020).

ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ БИБЛИОТЕКИ ННГАСУ

Ефимова С. Г., Меньшова С. В.
Нижегородский государственный
архитектурно-строительный университет

Аннотация. Материалы статьи основываются на результатах просветительской работы библиотеки Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета (далее — ННГАСУ) в виртуальном пространстве по формированию исторической памяти у обучающихся.

Ключевые слова: историческая память; библиотечное пространство; библиотека; виртуальное пространство библиотеки; веб-сайты; библиотечные блоги; просветительская работа библиотек.

Библиотека является хранилищем культурных образцов и институтом социальной памяти человечества. Поэтому культурно-просветительская функция остается одной из важнейших функций современной вузовской библиотеки. Она заключается в содействии социальной адаптации личности, ее гармоничному духовному развитию и совершенствованию.

В современных условиях, когда существует огромное количество открытых источников зачастую недостоверной информации, когда предпринимается немало попыток исказить и переписать историю, особенно актуальной становится задача по формированию у молодежи исторической памяти.

Современная молодежь имеет практически неограниченный доступ к любым историческим фактам, больше информирована, чем старшее поколение, однако перенасыщение информацией приводит к обратному эффекту — трудности создания целостной картины, формирования мировоззрения и закрепления исторической памяти.

Историческая память в трактовке современных исследователей понимается по-разному: как коллективная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание группы), или как социальная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание общества), или в целом — как совокупность донаучных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом [1, с. 42]. Как часть исторического сознания, которая подпитывается как систематизированной (через образование), так и неупорядоченной, случайной (через средства массовой информации, произведения искусства) информацией [2, с. 42]. По мнению В. П. Шестакова, историческая память — это функция культуры как мнемонического феномена, как системы, воспроизводящей прошлый опыт посредством традиций, обрядов, морали [3, с. 30].

Несмотря на вариации толкования этого термина, можно констатировать, что общим знаменателем является культурная преемственность поколений и национально-гражданская идентичность. Историческая память включает в себя оценку исторических событий страны и является одной из основ ее существования, объединяет народ и воспитывает в человеке чувство гражданского долга.

Культурно-просветительская деятельность является одним из основных и традиционных направлений работы вузовской библиотеки. В рамках этой деятельности проводятся мероприятия по гражданско-патриотическому воспитанию, формированию исторической памяти, краеведению. За многие годы сложились определенные формы проведения таких мероприятий. В библиотеке ННГАСУ ведется большая

работа по воспитанию исторической памяти у студентов: проводятся видео-лекции и беседы, устные журналы. Условия современной жизни диктуют новые требования, в том числе и к мероприятиям культурно-просветительской направленности.

В условиях дистанционного формата образования, когда все наши пользователи находятся вне стен библиотеки, особое значение приобретают ресурсы, расположенные в виртуальной среде нашей библиотеки. Основным ее элементом является сайт библиотеки ННГАСУ.

Как отмечают многие исследователи, именно оценка событий Великой Отечественной войны является связующим звеном для формирования национального самосознания и имеет символическую значимость для молодежи нашей страны.

На сайте библиотеки ННГАСУ создана страница, посвященная 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. На странице расположены три тома сборника «ГИСИ фронту и тылу». Книги являются результатом многолетней поисково-исследовательской работы сотрудников библиотеки — А. М. Горевой и И. Е. Поджидаевой. Основные материалы книги собраны и подготовлены при непосредственном участии сотрудников библиотеки ННГАСУ. В сборнике представлены биографические очерки о преподавателях, сотрудниках, студентах и выпускниках Горьковского инженерно-строительного института (далее — ГИСИ), участвовавших в Великой Отечественной войне, а также о выпускниках института, внесших большой вклад в реализацию задач послевоенного строительства. На сайте университета в преддверии 75-летия Победы пресс-служба ННГАСУ запустила цикл публикаций отрывков из сборника, посвященных преподавателям и сотрудникам ГИСИ, павшим в Великой Отечественной войне.

В разделе сайта библиотеки, посвященном 75-летию Победы, размещены статьи — «Герои Советского Союза —

сотрудники ГИСИ имени В. П. Чкалова»: Садовский Юрий Владимирович (1920–2006) — начальник военной кафедры, старший преподаватель цикла гражданской обороны; Шиянов Иван Иванович (1905–1982) — старший преподаватель военной кафедры, выложены презентации наших сотрудников: «Великая Отечественная война в живописи»; «Ордена и медали Великой Отечественной войны»; «Основные этапы и сражения Великой Отечественной войны»; «Прикоснись к подвигу сердцем...»; «Искусство плаката в годы Великой Отечественной войны»; «Преподаватели ННГАСУ — участники Великой Отечественной войны». Такой формат подачи не случаен, как показывает практика, использование презентаций способствует лучшему усвоению информации.

В марте 2020 г. библиотека ННГАСУ создала свой блог в социальной сети ВКонтакте «БиблиоМир ННГАСУ». Актуальность такой формы работы отмечал в ежегодном докладе Крымской конференции Я. Л. Шрайберг: «Блоги сегодня реально помогают приблизить библиотеку к своим пользователям, поддерживать интерактивную связь с читателями, регулярно давать информацию о своих продуктах и услугах и заставить читателей говорить о них...» [5, с. 44].

На страницах блога сотрудниками библиотеки опубликована целая серия постов под названием «Год памяти и славы России. К 75-летию победы в Великой Отечественной войне». Материалы из этой рубрики за месяц просмотрели 1086 посетителей блога. Наибольшее количество просмотров набрал пост «Герой Советского Союза Николай Гастелло», 293 человека просмотрели беседы по книге «ГИСИ фронту и тылу». В рубрике «Исторические портреты» были размещены беседы: «Иван Петрович Кулибин — механик-изобретатель»; «Русский князь Александр Невский»; «Раевский В. Ф. — поэт, публицист, декабрист»; «Иван Петрович Кулибин — механик-изобретатель» и др.

Историческая память — это не только один из важнейших способов передачи опыта и сведений о прошлом, но

и значимый фактор идентификации различных социальных, этнических и прочих групп, способствующий, учитывая исторический опыт, единению этих групп. Краеведение входит в число приоритетных содержательных направлений работы университетской библиотеки. Изучение истории и культуры родного края расширяет кругозор студента, помогает формировать чувство сопричастности к истории страны, помогает молодому человеку узнать историческое наследие своего региона в контексте истории страны. Обращение к историческому краеведению в работе библиотеки соответствует задачам современной системы университетского образования.

На сайте библиотеки существует раздел «Краеведение». На страницах раздела размещены презентации, библиографические указатели, проекты по истории, культуре и природе Нижегородской области, истории ННГАСУ. Большой интерес представляет историко-культурный проект «Деревянная летопись Старого Нижнего». Он включает три раздела: фотокаталог и исторические справки о деревянной архитектуре Нижнего Новгорода XIX — нач. XX вв. «Живая связь времен»; виртуальную экскурсию по старинным улицам Нижнего Новгорода «Заветные улочки»; «Их имена связаны с Нижним» — раздел об известных в истории России людей, которые родились, жили, часто бывали в Нижнем Новгороде. Этот проект используется как важный информационный ресурс в образовательной и просветительской деятельности университета.

В разделе «Краеведение» представлены также следующие материалы, которые используются в работе по формированию исторической памяти: «Болдинская осень» — ресурс о музее-заповеднике А. С. Пушкина в Большом Болдино, он содержит исторические сведения, фотоколлекцию, план усадьбы, экскурсионный очерк, библиографию и полнотекстовую библиотеку произведений, написанных А. С. Пушкиным в Болдинской усадьбе; «Образ Кузьмы Минина

в справочной литературе» — презентация; «Памятники историко-культурного наследия Нижнего Новгорода и Нижегородской области» — электронная коллекция лучших работ студентов кафедры геоинформатики и кадастра ННГА-СУ по исследованию архитектурных памятников регионального и федерального значения.

Историческая память — это неотъемлемая часть человечества. Без памяти прошлого не существует ни истории, ни цивилизации, ни культуры. В современном обществе в условиях глобализации, всеобщей информатизации, переосмысления общечеловеческой истории, информационной войны и политической нестабильности общее наследие, общая историческая память становятся базовым элементом формирования национальной идентичности.

Список литературы

1. *Репина Л. П.* Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. — 2004. — № 5. — С. 42.
2. *Положенцева И. В.* Феномен исторической памяти и актуализация личной исторической памяти студентов // Власть. — 2014. — № 12. — С. 42–46.
3. *Шестаков В. П.* Память как реальность исторического времени // Международный журнал исследований культуры. — 2012. — № 1 (6). — С. 29–33.
4. *Шрайберг Я. Л.* Электронная информация, библиотеки и общество, что нам ждать от нового десятилетия информационного века? : ежегодный доклад конференции «Крым», 2011 год, Судак. — Судак ; М. : ГПНТБ России, 2011. — 79 с.

МЕСТО БИБЛИОТЕКИ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Маркова Т. Б.

Санкт-Петербург, Библиотека Российской
академии наук

Аннотация. В статье библиотека рассматривается как обязательный элемент городской среды. Показаны особенности ее развития в истории культуры и взаимосвязь с изменениями, происходящими в городской среде. Отмечается, что в настоящее время роль культурно-образовательного центра, научной лаборатории играет университетская библиотека.

Ключевые слова: библиотека; городская среда; библиотечное здание; пространство; университетская библиотека.

Современные библиотеки, хоть и медленно, но трансформируются в духовные, культурно-образовательные центры. В отличие от музея здесь не только творят и созерцают, но и читают, соприкасаются с вещью. Кроме того, библиотека предоставляет цифровые ресурсы, оказывает консультативную помощь по составлению библиографических списков, оформлению статей, содействует сохранности и популяризации духовного наследия. Как и музей, библиотека является одним из важных элементов городской среды. Ее основной задачей становится предоставление разных услуг — информационных, библиотечных, культурно-образовательных.

Городскую среду можно рассматривать в двух аспектах: экологическом и социально-антропологическом. Первый восходит к урбанистической социологии, чикагской школе,

где городская среда понимается как определенная территория, накладывающая отпечаток на значимые экологические аспекты жизни людей. Второй основан на том, что сообщества (города) — это иные социально-культурные образования, обладающие собственным укладом жизни, культурной средой и устоявшими практиками [1, с. 250, 252]. Город представляет собой единое пространство с одинаковым временным ритмом и общими представлениями о прошлом и будущем. В больших городах существуют несколько локальных сообществ, синхронизирующих жизнь людей друг с другом в едином пространстве и времени. Библиотека как социальный институт объединяет вокруг себя разные социальные группы и субкультуры. Однако, городская среда — это не только физическое пространство, это еще капитал для вложения инвестиций, средство достижения определенных целей. Важную роль здесь играют планировка зданий, доступность, комфорт. С этой точки зрения библиотека аккумулирует символический и информационный капитал и распоряжается этим капиталом в целях обеспечения людей информацией.

Культурно-исторические типы библиотек находились во взаимосвязи с социально-экономическими условиями, политическими структурами, наукой и культурой общества. В Древнем мире возникновение библиотек связано с коллекционированием и потребностью общества в сохранении текстов с практической целью. Первые библиотеки принадлежали большей частью монархам, верховным жрецам, знатым вельможам. Они возникли в больших городах, где была сосредоточена власть императора, царя, а также хранились важные дипломатические соглашения, законодательные акты, исторические документы. Рост городов стимулировал рост конкуренции и соответственно книжных собраний. Со всей страны собирались книги и копии рукописных текстов, шедевры культуры и искусства. Библиотека была показателем духовной мощи города, символом богатства.

Греческая культура тесно связана с жизнью полиса. Центрами общественной жизни греческого полиса были дома богатых людей, торговые площади, парки. Здесь собирались писатели, ученые, богатые вельможи, образованные люди. Постепенно открытость и коллективность уступают место индивидуальному началу. Как следствие этого наука и литература оставляют городские площади и перемещаются в замкнутые пространства. Происходит обособление науки от других видов искусства. Библиотека становится местом работы ученого, где проводились занятия и научные исследования, переводились на греческий язык рукописные тексты различных культур (библиотека Мусейона). Библиотеки при школах и храмах свидетельствовали о культурном достоянии отдельных людей. Общественные библиотеки, созданные в Риме во времена правления Азиния Поллиона и Августа, были доступны для широких слоев населения.

В Средние века центрами культурной жизни сначала были монастыри, что связано с доминирующей ролью духовенства, затем университеты. Первые монастыри строились наподобие городов и имели на своей территории просторные здания, библиотеку, больницу, дом для бедных, школу и мастерские. Постепенно они становились посредниками между высокой книжной культурой и обществом, местами не только молитв и богослужений, но и хранения знания. Крупнейшими монастырскими библиотеками считались библиотеки в Клюве, Флери и Сен-Виктор в Париже (Франция), Виварий Кассиодора и другие. Здесь хранились книги по медицине, кодексы христианских историков, сочинения древних авторов, списки Библии, древние рукописи.

Рост книжной торговли и книгопроизводства, увеличение спроса на книжную продукцию, ограниченность возможностей монастырских библиотек и отсутствие материальной заинтересованности вели к тому, что скриптории утрачивали свое влияние на общество. Центрами образования, науки и культуры стали университеты. Первые университеты

возникли в Северной Италии по инициативе ученых, во Франции, Германии, Австрии и Венгрии университеты создавались при непосредственном участии католической церкви. В Испании, Португалии, Швеции, Польше университеты были государственными. При университетах существовали библиотеки и специальные мастерские письма, в которых переписывались рукописи и лекции профессоров. Единой университетской библиотеки в нашем понимании не было. Средневековые университетские библиотеки — это библиотеки отдельных факультетов или библиотеки обучающихся всех факультетов. Постепенно университетские библиотеки становились ведущими исследовательскими библиотеками своих стран. Увеличивались их фонды, строились новые здания, создавались каталоги и картотеки. Стандартизация, специализация, синхронизация и централизация книжного производства способствовали расширению торговых отношений, превращению книги в товар, возникновению рынков и тем самым образовали определенный порядок, пронизывавший все стороны человеческой жизни.

В эпоху Возрождения большое влияние на развитие библиотек оказали гуманисты. Они воспринимали библиотеку как собрание всего лучшего, что было накоплено античной культурой и стремились сосредоточить в своих книжных собраниях все памятники древней письменности. Наряду с королевскими и частными библиотеками появляются общественные библиотеки, открытые для широкого круга читателей, проявлявших интерес к науке и книгам. В Италии они возникли при церквях, и их основу составили дарения гуманистов и личные собрания. Во Франции первую публичную библиотеку создал Г. Ноде. В Германии его последователем стал Г. Лейбниц.

В Новое время расширяются культурные связи, развивается книжный обмен, появляются академические, специальные, публичные библиотеки. В соответствии с представлениями об идеальном городе как месте карьерного

и финансового роста формируется модель идеальной библиотеки, в которой сосредоточены все знания и науки. Библиотека воспринимается обществом как храм науки, лаборатория исследований. Большое внимание развитию библиотечного дела, продвижению чтения и грамотности уделяется со стороны государственных и городских структур. Для библиотек начинают строиться новые здания с просторными залами для чтения и хранения фондов. К концу XVIII в. в обществе формируется новое понимание идентичности, которая уже не ограничивается родственными связями, этническими и конфессиональными традициями. Интересы человека посвящены решению государственных проблем. Становление нации связано с возникновением национальных языков и культур, с приобретением независимости от традиционных авторитетов. В XIX в. появляются национальные библиотеки, основу которых составили королевские, частные собрания. В Европе функции национальной библиотеки долгое время выполняли королевские и университетские библиотеки, игравшие ключевую роль в объединении людей на основе собрания книг на национальных языках. В странах Латинской Америки национальные библиотеки возникли как институт государственности и выполняли функцию сохранения памяти нации.

Индустриализация и демократизация социокультурной сферы привела к модернизации библиотек. Они стали более демократичными и общедоступными. Усиливается их социальная роль и, следовательно, возрастает число публичных библиотек, главной задачей которых становится обслуживание широкого круга читателей и приобщение к массовой культуре. В это же время претерпела изменения и модель универсальной библиотеки. Библиотека воспринималась как инструмент научных изысканий и общей культуры.

Если в XX в. доминировали и вели активную культурно-просветительную деятельность публичные библиотеки, то в настоящее время эту роль взяли на себя университетские

библиотеки. Из библиотек с чисто образовательными функциями и направленных на обслуживание преподавателей и студентов, они превратились в универсальные культурно-информационные центры с уникальными книжными фондами и широким спектром услуг. Анализ публикаций по зарубежным библиотекам показывает, что университетская библиотека является крупным многофункциональным учебным центром, научной лабораторией, одним из важных ресурсов университета, средством для вложения инвестиций. Удобный график работы, предоставление индивидуальных читательских зон, залов для совместных проектов и бесед, удаленный доступ к книжным коллекциям, онлайн-копиям учебников и методических пособий, к информационным ресурсам и базам данных, все это свидетельствует о том, что университетская библиотека представляет собой целый комплекс для самостоятельного обучения. Зарубежные университетские библиотеки выполняют не только научную и образовательную функцию. Они являются национальными исследовательскими центрами. Библиотека Манчестерского университета является одной из самых крупных академических библиотек в Великобритании. Кроме богатого собрания учебной и научной литературы здесь находится уникальная коллекция инкунабул, первых печатных книг, изданных до 1501 г. Самые ценные из них — Библии Гутенберга. Благодаря оцифровке многие ценные издания доступны пользователям на сайте библиотеки (www.library.manchester.ac.uk).

Для изучения библиотеки в контексте городской среды особое значение имеет архитектурный облик библиотечного здания и внутреннее пространство библиотеки. Университетские библиотеки всегда считались одними из красивейших библиотек, так как они находились, как правило, в историческом центре города вблизи других архитектурных памятников и являлись символом государства. Современные университетские библиотеки представляют собой

необычные архитектурные сооружения, в которых прослеживается взгляд в будущее, например, библиотека Гейзеля Калифорнийского университета (США) или новая филологическая библиотека Свободного университета в Берлине (Германия). Университетская библиотека Дуйсбурга-Эссена получила статус самой экологичной библиотеки из-за использования так называемых «зеленых» технологий.

Изменение городской среды (разнообразие ландшафта, ощущение безопасности и комфорта, развитие потребительского рынка и рынка социальных услуг), а также внедрение информационных технологий и медиатизация образования оказали большое влияние на развитие социокультурных пространств. Происходит расширение пространства, меняется его интерьер, функциональная принадлежность. Читателей привлекает комфорт, близость расположения, наличие сервисных и бесплатных услуг, читательских зон и дополнительных комнат для беседы, идеальная звукоизоляция и удобный график работы. Современную библиотеку можно представить как центр «активности», где происходит обмен знаниями, технологиями и достижениями. Меняются требования к оформлению и планировке помещений, поскольку пространство библиотеки — это не только фонды и читальные залы, это еще место для встреч и реализации творческого и познавательного потенциала личности. Новое здание Библиотеки Московского государственного университета (МГУ) на Воробьевых горах соединяет традиционную и прогрессивную архитектуру, тем самым являясь символом единства разных поколений студентов и преподавателей. Величественность и монументальность сочетаются с новаторством, что символизирует прогрессивное начало и полет в будущее. Просторные залы, гранитный пол, мраморные лестницы, светильники — все оформлено в стиле 1970–1980-х гг. Настоящий интеллектуальный центр, в котором соединены знания и современные технологии [2].

В последнее время разрабатываются новые концепции развития университетских библиотек. Библиотека все активнее участвует в формировании образовательного пространства. Она является партнером высших учебных заведений в области исследований, преподавания и обучения. Ее деятельность направлена на накопление опыта в области сбора, обработки и долгосрочного архивирования, публикацию и визуализацию данных научных исследований, а также на интеграцию информационной грамотности в преподавание и учебные программы. Внутри библиотеки сохраняется историческая атмосфера, но само пространство библиотеки модернизируется. Оно становится открытым, функциональным благодаря оптимальному размещению и оцифровке книжных собраний. Современная университетская библиотека представляет собой информационный и культурно-образовательный центр, в котором предоставлены все условия для образования и самообразования. Главной задачей ее станет организация культурного и интеллектуального взаимодействия.

Список литературы

1. *Шабаетов Ю. П., Садохин А. П., Лабунова О. В., Сазонова Н. Н.* Антропологическое понимание города и методология урбанистического изучения // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. — 2018. — № 3. — С. 248–267.
2. *Ревзин Г.* Сундук духа. Открыто новое здание библиотеки МГУ [Электронный ресурс] // *archi.ru* : [сайт]. — URL: <https://archi.ru/press/world/29987/biblioteka-mgu> (дата обращения 07.05.2020).

УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ: ВОПРОСЫ ЛОКАЦИИ И УПРАВЛЕНИЯ

Андрянова Т. В.

Курский государственный университет

Аннотация. В статье рассматривается один из аспектов функционирования городской среды — территориальная локация учреждений культуры и связанные с ней теоретические и практические вопросы. Методологической основой статьи выступает феноменологический подход, сформулированный в работах В. Л. Глазычева. В качестве эмпирической базы служит авторский материал интервью с руководителями учреждений культуры Курской области. Вывод касается грамотного устройства территориальной локации учреждений культуры с учетом управленческих компетенций.

Ключевые слова: культура; регион; городская среда; учреждения культуры; управление; компетенции.

Исследования городской среды в настоящее время являются одними из самых перспективных в современной социологии. Их методология берет свое начало в американской школе городской социологии Чикагского университета начала XX в., что было обусловлено высоким уровнем роста городов и городского населения в структуре социума. Так, Р. Парк представлял город с точки зрения институционализма как некое «новообразование» в виде продукта действий многих поколений с особой моральной организацией [1, р. 74]. Эти две стороны городской среды: физическая и этическая, способны, по мнению Парка, воздействовать друг на друга,

выявляя сильные и слабые стороны. Здесь также проявляется и бивалентность другого рода — речь идет о человеческой природе, формирующей городские общности, и их обратном влиянии на социализацию индивидов. Существующее городское планирование проявляется не как однажды созданное, замкнутое пространство, а включает в себя определенные антропологические изменения, составляющие суть территориальных особенностей города. Дальше формируется история, менталитет, традиции и другие особенности поселений, отличающие не только всю общность городской среды, но и каждого конкретного района. Локация городских образований имеет большое значение и проявляется в формировании центра и периферии, «элитных» и «спальных» районов и т. д. Все эти и сопутствующие им процессы были подробно разработаны и описаны в трудах Р. Парка, Э. Бёрджесса [2], Л. Вирта [3] и других авторов первой половины XX в.

Отечественная наука в советский период обратилась к теме развития городских территорий несколько в ином ключе. Если американских исследователей волновали проблемы ассимиляции мигрантов в городских поселениях, специфика национальных районов проживания афроамериканцев, китайцев и т. д., то в нашей стране существовали проблемы интеграции сельского населения на городских территориях, миграции населения во времена «большихстроек» и освоения новых территорий. Именно здесь и находилась центральная точка приложения сил социологов, антропологов, архитекторов, инженеров, выстраивающих уникальные модели городских поселений.

Один из ведущих исследователей того времени — В. Л. Глазычев предлагал определенную типологию территориальных сообществ в зависимости от критериев развития городской среды: 1) «стагнирующие» поселения, которые демонстрируют полное отсутствие развития; 2) поселения с замедленным развитием; 3) ранее «зрелые» поселения, но переживающие кризис в настоящее время; 4) ранее «зрелые»

города, дезинтегрированные на противостоящие друг другу «старые» и «новые» общности (старый город — новый город); 5) поселения после пионерного развития в стадии первичной стабилизации, имеющие устойчивое «ядро» (центр); поселения в стадии пионерного освоения пустой территории, без наличия центра и какой-либо планировки [4, с. 118].

Городская среда понимается Глазычевым как совокупность застройки пространства, символов и знаков, а также населения с основными формами взаимодействия с данными элементами, то есть всех форм повседневности. Феноменологический подход отражает здесь сущность явлений городского пространства и может широко применяться для анализа конкретных форм взаимодействия в условиях конкретных общностей. Исследователь отмечает, что маркерами в данном случае выступают уже обжитые индивидами пространства как носители социокультурных межпоколенческих отношений [5].

Мы хотели бы подробнее остановиться на интересующем нас аспекте развития компетенций в сфере городской среды и территориальных компонентах локации учреждений культуры.

Развитием городской среды с декабря 2019 г. в Курской области занимается автономная некоммерческая организация «Центр компетенции развития городской среды Курской области» (далее — Центр). Ее учредителем является комитет жилищно-коммунального хозяйства и ТЭК Курской области, основной вид деятельности — деятельность в области архитектуры (код 71.11). Дополнительно Центр занимается деятельностью по созданию и использованию баз данных и информационных ресурсов (в том числе web-порталов); осуществляет правовое регулирование, связи с общественностью; консультирует по вопросам коммерческой деятельности и управления; ведет инженерные изыскания в строительстве и курирует связанные с ними вопросы (инженерно-техническое проектирование, строительный контроль,

авторский надзор, технические консультации) [6]. Краткую презентационную информацию о проектах и команде Центра можно найти на его сайте [7]. Открытие Центра анонсировалось как прорыв в формировании облика городского пространства, а в самой церемонии принимали участие губернатор Курской области и мэр Курска. Предполагалось, что Центр займется выполнением рекомендаций Министерства строительства РФ и будет способствовать «устранению системных ошибок при проектировании и реализации» [8].

Реализации заявленных полномочий и планов Центра давно ожидают руководители учреждений культуры Курской области, в подавляющем большинстве неудовлетворенные имеющейся локацией на территории областного центра и районов. Для уточнения имеющихся данных и верификации теоретических выводов автор в 2019 г. провел интервьюирование руководителей учреждений культуры Курской области (N=17). В статье приводится систематизированная информация по материалам интервью, данным с официальных сайтов учреждений культуры и другие авторские материалы [9, 10].

Директор ОБУК «Курский областной краеведческий музей» в интервью сообщила, что кроме самого музея в его состав входит 31 филиал, в том числе 5 военно-исторических музеев; 6 мемориальных музеев; 17 краеведческих музеев; литературный музей; историко-культурный центр «Коренная пустынь»; планетарий. Обеспечение соответствующей всем нормам музейной работы деятельности такого большого объединения сопряжено с наличием определенных проблем и поисками возможностей их решения. Отметим ключевые вопросы. Незамедлительного решения требует проблема строительства современного здания для областного краеведческого музея. Возможно, в 1926 г., когда для музея был отведен бывший архиерейский дом по ул. Луначарского, 6, здание было приемлемо, в настоящее время оно абсолютно не соответствует существующим нормам.

Площади, отводимые под экспозицию, фонды и рабочие места ничтожно малы. Конференции, лекции, совещания, презентации и другие мероприятия проходят в экспозиционных залах, нет специализированных помещений для проведения новых форм работы со специальным оборудованием и соблюдением санитарных норм. Некоторые филиалы не имеют собственного помещения: военно-исторический музей «Юные защитники Родины» располагается в арендуемом помещении в ДШИ № 6; музей курского соловья — в Литературном музее. Эти и другие проблемы позволит решить только строительство нового здания.

По мнению директора ОБУК «Курский государственный областной музей археологии» главной проблемой на протяжении многих лет для всех без исключения музеев Курской области остается острый недостаток площадей, как для хранения фондов, так и их экспонирования (Табл. 1). На протяжении многих лет не удается решить проблему строительства новых зданий для многих учреждений культуры.

Таблица 1

Потребность музеев Курса в экспозиционных площадях

Наименование музея	Факт (хранилище)	Факт (экспозиция)	Потребность (хранилище)	Потребность (экспозиция)
Курский государственный музей археологии	105,17 м ²	168 м ²	500 м ²	1000 м ²
Историко-этнографический музей (филиал)	8 м ²	46,3 м ²	50 м ²	300 м ²

Таким образом, территориальная локация учреждений культуры представляет сложную исследовательскую проблему, решение которой должно учитывать вопросы формирования городской среды и соответствующих управленческих компетенций.

Список литературы

1. *Park R. E.* Human Communities : The City and Human Ecology. — Glencoe ; IL : The Free Press, 1952. — 74 p.
2. *Park R. E., Burgess W. E.* The City : Suggestions for investigation of human behavior in the urban environment. — Chicago : The University of Chicago Press, 1992. — 240 p.
3. *Wirth L.* Urbanism as a Way of Life // The American Journal of Sociology — 1938. — Vol. 44. — No. 1. — P. 189.
4. *Глазычев В. Л.* Язык и метод социального проектирования // Социальное проектирование в сфере культуры : методологические проблемы. — М. : НИИ Культуры, 1986. — С. 115–128.
5. *Глазычев В. Л., Егоров М. М., Ильина Т. В. и др.* Городская среда. Технология развития : Настольная книга. — М. : Ладыя, 1995. — 240 с.
6. АНО «Центр компетенции развития городской среды курской области» [Электронный ресурс] // Апфокс: бесплатный сервис поддержки контрагентов : [сайт]. — URL: <https://upfox.ru/company/ackrgsko-1194600000781> (дата обращения: 21.05.2020).
7. Центр компетенции развития Курской области : [сайт]. — URL: <http://centr46.ru/> (дата обращения: 21.05.2020).
8. «В Курске открылся Центр компетенций развития городской среды». [Электронный ресурс] // Курск : региональное информационное агентство : [сайт]. — URL: <https://riakursk.ru/v-kurske-otkrylsya-centr-kompetency-r/> (дата обращения: 21.05.2020).
9. *Андрянова Т. В.* Сетевая форма реализации социальных проектов для детей с ограниченными возможностями здоровья на базе учреждений культуры Курской области // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Экономика. Социология. Менеджмент. — 2018. — Т.8. — № 4 (29). — С. 262–273.

10. *Андрянова Т. В.* Государственное задание и его значение в работе региональных учреждений культуры // Proceedings of the International Scientific Conference «Far East Con». Part of series: AEBMR. — 2018. — V. 47. — P.175–190.

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ КУЛЬТУРНО- ДОСУГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Карнакова Н. Б.

Улан-Удэ, ГУ МЧС России по Республике Бурятия

Аннотация. В настоящее время воспитание социально-культурной активности молодежи занимает одну из ключевых позиций внутренней политики государства. Сегодня становление личности молодежи очень затруднено из-за ряда социальных и экономических факторов, а также в связи с отсутствием четких критериев в морально-духовной сфере общества.

Ключевые слова: культурный досуг; социальное воспитание; молодежь; общество.

Современные программы культурно-досуговой деятельности, как правило, не содержат психолого-педагогических критериев развития личности молодежи. Досуговая деятельность молодого человека имеет существенные отличия от досуговой деятельности людей другого возрастного периода. Различия основаны на специфических потребностях, социальных и психологических особенностях молодежи. В основу досуга молодежи заложены не только активный отдых и развлечения, но и принятие решений, касающихся важных жизненных ситуаций. Формирование социально-культурной активности молодежи ориентировано на

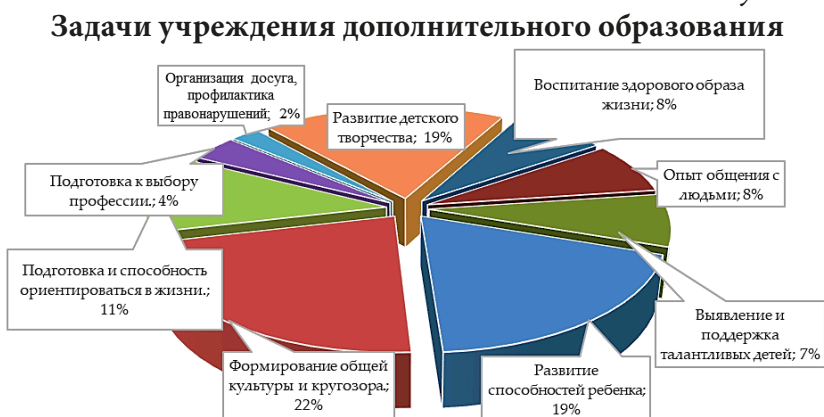
удовлетворение личных потребностей [1]. Характеристики, присущие молодому поколению: предрасположенность к новому, нетерпимость к рутине, динамизм, импульсивность, проблема выбора жизненных ценностей. Молодежь пытается сформировать внутреннюю позицию по отношению к себе, другим людям, собственное место определяет по категориям: добро, зло, честь, достоинство, закон, долг [2, с. 32].

С целью воспитательной работы осуществляется организация культурно-досуговой деятельности, совместного и творческого сотрудничества педагогических кадров домов творчества с учащейся молодежью творческих объединений. Эти меры помогают выявить лидерские качества, укрепить гражданскую осведомленность молодежи.

Для изучения воспитательного процесса в учреждениях культурно-досуговой деятельности мной составлена анкета-вопросник, проведено социологическое исследование. В анкетировании приняли участие 40 подростков (9 мальчиков и 31 девочка), которые посещали Дом творчества Железнодорожного района Улан-Удэ и МАУК Культурно-досуговой центр «Заречный» Улан-Удэ. Возраст респондентов — от 14 до 18.

Первый вопрос анкеты звучал так: «Как Вы считаете. Какие задачи должно решать учреждение дополнительного образования (далее — УДО)?» (Рис. 1).

Рисунок 1

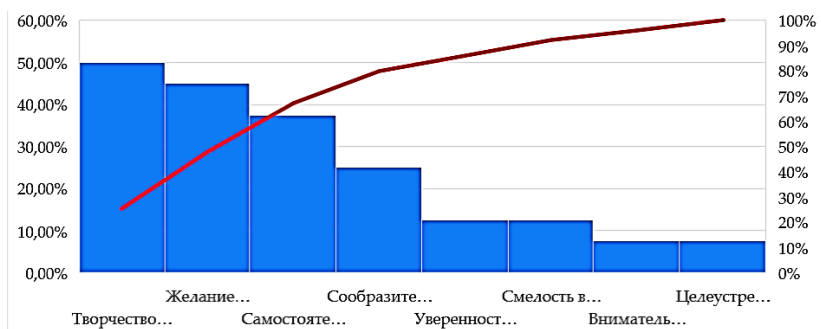
Ответы опрашиваемых показали, что для них важным является формирование общей культуры и кругозора. Для этого педагоги дополнительного образования проводят концертные программы, городские экскурсии, увлекательные мастер-классы.

Отвечая на вопрос «как Вы оцениваете уровень образовательных услуг в УДО?», большинство респондентов (55 %) решило, что уровень образовательных услуг удовлетворительный. 38 % опрошенных высоко оценили уровень образования в своих учреждениях. У 7 % подростков возникли трудности с оценкой уровня образования. Ни один из опрошенных не считает плохим уровень образования.

Третий вопрос звучал следующим образом: «Что развивают у Вас занятия в УДО?». Разрешено было выбрать несколько вариантов ответов (Рис. 2).

Рисунок 2

Качества, которые развивают занятия в УДО

Исходя из полученных данных можно сделать вывод, что большинство респондентов выбирает для себя дополнительные занятия, которые развивают у них творческие способности, фантазию, желание добиваться успехов, самостоятельность.

Следующий вопрос позволил узнать, чем занимается молодежь в свободное время. Из ответов можно сделать следующие выводы: большинство подростков предпочитают проводить

свое свободное время дома, с книгой, помогая родителям или занимаясь увлекательным творческим процессом (76 %).

На вопрос о посещении УДО 55 % ответили, что ходят на кружки 2–3 раза в неделю, 42,5 % — ходят на дополнительные занятия каждый день. На основании этого стоит отметить, что молодые люди много времени уделяют дополнительному образованию.

Предметом следующего вопроса стал интерес молодежи к конкретным культурно-массовым мероприятиям. 35 % опрошенных охотно посещают КВНы и конкурсы. 32,5 % оказались любителями концертов, 17,5 % предпочитают спортивные соревнования, эстафеты, игры. Всего 10 % опрошенных любят смотреть спектакли своих творческих студий. И 5 % посещают выступления какого-либо коллектива. В результате можно сделать следующие выводы, что для подрастающего поколения значительный интерес представляют игровые формы досуга.

На вопрос «в каких мероприятиях вы хотели бы принять участие?» 45 % ответили, что предпочитают участвовать в экскурсиях и поездках. 20 % — в развлекательных командных мероприятиях (как КВН). 23 % предпочитают проводить свой досуг в спортивных соревнованиях. 12 % опрошенных хотели бы посещать концертные программы. Отметим как положительный результат то, что никто из респондентов не выбрал вариант ответа: «мероприятия меня не интересуют (принимать участие не хочу)». Каждый из опрошенных выбрал те мероприятия, которые им по душе.

Ответы на следующий вопрос (какие учреждения культурно-досугового отдыха для Вас наиболее интересны?) показали, подросткам интересны все учреждения культурно-досугового отдыха: театры, кинотеатры, музеи, картинные галереи, этнографические музеи библиотеки, дома культуры. Однако больше выборов получил кинотеатр. Это вполне объяснимо. У коммерческой сферы развлечений гораздо больше финансовой возможности для привлечения клиентов,

а работникам культуры в основном приходится надеяться на свои навыки и умения. Так же здесь можно выделить, что ночные клубы и дома культуры меньше всего интересуют молодежь. Причиной этого может быть возраст (до 18 лет) и место проживания опрошенных (Дома культуры в Улан-Уде расположены в основном в отдаленных микрорайонах).

На вопрос «Посещаешь ли ты какой-нибудь кружок, факультатив, связанный с искусством, музыкальную или художественную школу?» ответы распределились следующим образом. 72 % ответили, что посещают, 23 — не посещают, и 5 % выбрали ответ — иногда. По результатам опроса на данный вопрос можно сделать вывод, что у нас много талантливых, музыкально одаренных подростков.

Следующий вопрос помог узнать, участвует ли наша молодежь в городских развлекательных мероприятиях, таких, как фестивали, праздничные шествия, народные гуляния, шоу-программы, флэшмобы. Как оказалось, молодежь, обучающаяся в учреждениях дополнительного образования, имеет активную позицию по отношению к культурно-развлекательным мероприятиям, которые проводятся на городском уровне (83 %).

После всех заданных вопросов логично было спросить: «Считаете ли Вы, что в будущем будете играть столь важную роль, что сможете что-то принципиально изменить?». Мы узнали, что современная молодежь, в большинстве своем, уверена в себе и ответила, что наверняка сможет изменить будущее, к примеру, своей страны. 15 % поостереглись давать однозначный ответ, 8 % не уверены в своих силах.

В конце опроса прозвучал следующий вопрос: «Как Вы считаете, какие мероприятия можно дополнительно проводить в учреждениях дополнительного образования, для улучшения социально-культурной активности обучающихся?». Кто-то написал, что мероприятий проводится достаточно (71 %). Некоторым хотелось бы, чтобы в учреждениях дополнительного образования проводились мероприятия

социально-культурной направленности: тренинги коммуникативной направленности; КВНы; квесты и т. п (29 %).

В качестве эксперимента, с целью культурного просвещения и создания условий для становления всесторонне развитой, стремящейся к освоению исторических ценностей родного города личности, была организована экскурсия в музей истории Улан-Удэ. В экскурсии приняли участие дети и подростки творческих объединений и студий «Дома творчества Железнодорожного района». В целом эффект от экскурсии был достигнут, однако, эксперимент выявил некоторые замечания: — детей до 14 лет было больше, чем подростков старше 14 лет; — участникам больше были интересны экспонаты музея, чем рассказ экскурсовода; — посетители, часто отвлекались от экскурсии; — отсутствовала проверка закрепления полученных знаний.

По результатам посещения музея у нас возникло несколько предложений по улучшению освоения молодыми посетителями знаний, полученных на экскурсии: — в качестве перерыва делать небольшие мини-опросы по услышанной информации, что поможет запомнить больше информации; — в конце экскурсии провести блиц-опрос для закрепления полученной информации; — так как дети равнодушны к таким видам досуга, как квизы, викторины и конкурсы, необходимо проводить небольшие конкурсные программы по итогам посещения экскурсий.

При разработке проекта, направленного на воспитание социально-культурной активности молодежи в Доме творчества Железнодорожного района г. Улан-Удэ, необходимо учитывать интересы подростков. Эксперимент с посещением музея и анкетирование свидетельствуют: молодые люди любят и хотели бы чаще посещать такие мероприятия досуговых организаций, как концерты, КВН, викторины, конкурсы, экскурсии. К сожалению, сегодня они проводятся не так часто, как хотелось бы, и без эффективных

результатов. Именно поэтому у подростков недостаточно сформирована социально-культурная активность.

В заключении отметим, проведенное исследование показало, что ребятам не хватает интеллектуальных и культурных мероприятий, направленных на развитие их социально-культурного мировоззрения. Мы выяснили, чем занимаются подростки в свободное от занятий время (предпочитают делать домашние дела, ходить в гости к друзьям, посещать музеи, театры). Культурно-массовые мероприятия молодежь посещает всего 2–3 раза в год. Подростки испытывают потребность в получении новых знаний, общении, саморазвитии и самореализации, но мало кто из них способен сам приложить усилия для достижения всего вышеперечисленного. С помощью специализированных мероприятий в организациях досуговой деятельности необходимо вовлекать молодежь в процесс освоения культурных ценностей, участия в познавательной деятельности. Грамотное руководство этим процессом будет направлять действия ребят в нужном направлении. Главным условием такой деятельности является отсутствие принуждения. Для того чтобы добиться консенсуса, необходимо составить план мероприятий таким образом, чтобы учитывались интересы ребят, чтобы мероприятия носили не только развлекательный, но познавательный и развивающий характер, были направлены на историко-культурное и этнокультурное просвещение молодежи.

Список литературы

1. *Гумерова А. М.* Роль культурно-досуговой деятельности в социальном воспитании студенческой молодежи // Молодой ученый. — 2017. — № 3 (137). — С. 515–516.
2. *Ерошенков И. Н.* Культурно-досуговая деятельность в современных условиях. — М. : НГИК, 2016. — 32 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ ЙОШКАР-ОЛЫ КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА

Охотина Н. М.

Йошкар-Ола, Поволжский государственный
технологический университет

Аннотация. Автор статьи рассматривает изменение образов городской среды города Йошкар-Олы. Градостроительный проект, осуществленный в последние два десятилетия, изменил образ города и способствовал повышенному интересу туристов и экскурсантов к его посещению. Это превратило город в привлекательный туристский центр.

Ключевые слова: городская среда; образы территории; туризм; Йошкар-Ола.

Новые социокультурные реалии XXI в. существенным образом изменили образные характеристики городского пространства, что выразилось в трансформации не только визуального и архитектурно-ландшафтного облика городов, но и восприятия города его жителями [1, с. 234].

Целью исследования является анализ изменений образов городской среды Йошкар-Олы и их влияния на развитие туризма.

Под городской средой мы понимаем совокупность условий жизнедеятельности населения, а также совокупность многочисленных и разнообразных каналов массовых коммуникаций, форм и способов общения людей, их подключения к источникам разнообразной информации.

Для улучшения жизнедеятельности населения администрацией городского округа «Город Йошкар-Ола» принята

и реализуется Программа «Формирование современной городской среды», в рамках которой решаются следующие задачи: 1) комплексное благоустройство дворовых территорий; 2) повышение уровня благоустройства общественных территорий городского округа «Город Йошкар-Ола»; 3) повышение уровня вовлеченности заинтересованных граждан, организаций в реализацию мероприятий по благоустройству территории городского округа «Город Йошкар-Ола»; 4) увеличение объемов благоустроенных общественных пространств города; 5) повышение качества внешнего благоустройства общественных территорий; 6) озеленение территорий и улучшение художественно-ландшафтного облика, санитарного состояния города; 7) создание условий для отдыха, комфортного и безопасного передвижения различных категорий граждан и прочие работы [2].

Образ представляет собой систему наиболее ярких и мощных по выразительности знаков, символов, представлений и характеристик, отражающих сущностные черты чего-либо (в частности, города) [1, с. 234]. Рассмотрение трансформации образов городской среды Йошкар-Олы за последние два десятилетия представляются весьма интересными с точки зрения влияния этих изменений на развитие сферы туризма.

Столица Республики Марий Эл — Йошкар-Ола (в переводе на русский язык означает «Красный город»), основана в 1584 г. как Царев город (позже именовалась как Царевококшайск, с 1919 — Краснококшайск), в 1928 г. получила современное название. В советский период гости, приезжающие в Йошкар-Олу, отмечали, прежде всего, что Йошкар-Ола очень уютный, чистый и «зеленый» город. Марийскую столицу со всех сторон окружают леса, а в самом центре располагаются парки и скверы.

Йошкар-Ола обладает множеством объектов историко-культурного наследия. Город является историческим городом федерального значения [3]. В центральной его части располагаются здания, относящиеся к периоду XVIII–XIX вв.,

представляющие историко-культурную ценность. В Йошкар-Оле сохранился Вознесенский собор (1756 г.), как памятники архитектуры охраняются ряд построенных в XIX в. жилых зданий и образец конструктивизма послереволюционного периода бывший Дом Советов, ныне главный корпус Марийского госуниверситета, также представляет интерес послевоенная застройка городского центра. Культурно-исторический комплекс «Царевококшайский Кремль» был построен на месте вала крепостной стены древнего Царевококшайска в историческом центре города. В столице Марий Эл действуют национальный музей имени Т. Е. Евсеева, музей истории Йошкар-Олы, республиканский музей изобразительных искусств с богатой коллекцией произведений марийских художников, дом-музей основоположника профессионального музыкального творчества И. С. Ключникова-Палантая. Город Йошкар-Ола своей историей и внешним обликом до определенного времени выражал исключительно национальный колорит марийского этноса.

В последние годы, по инициативе бывшего главы Республики Марий Эл, был сделан акцент на развитие туризма. В связи с этим образ города стал совершенно другим, в архитектуре зданий появились образы Италии, Бельгии, Голландии. Из-за необычной архитектуры Йошкар-Олу стали называть «Европой в центре России». Центр Йошкар-Олы сильно изменился: построена в венецианском стиле площадь Оболенского-Ноготкова, Национальная художественная галерея, на центральной башне которой располагаются Марийские куранты (часики с осликом), открыт замечательный театр оперы и балета имени Э. Сапаева, установлен памятник Йошкиному коту, который стал брендом Йошкар-Олы. Оформилось пространство вокруг р. Кокшаги к северу от Театрального моста: построены набережная Брюгге, Патриаршая площадь с часовней Петра и Февроньи, площадь Республики и Девы Марии, построена Благовещенская башня, кафедральный Благовещенский собор, реконструирован

Русский театр драмы. На Патриаршей площади реализован уникальный проект динамической скульптурной композиции «12 апостолов». В Йошкар-Оле реализован один из самых обширных и интересных градостроительных проектов в России 2000-х гг. Создав комплекс уникальных памятников архитектуры в стиле европейских традиций, он позволил изменить внешний облик города, повысить качество городской среды. Привлекательность столицы Марий Эл формируют качественная уютная городская среда с массой разнообразных предприятий общественного питания, в том числе и национальной кухни, в сочетании с любопытными зданиями современной архитектуры высокого уровня. Кроме того, Йошкар-Ола остается зеленой, с широкими, расположенными к неспешным прогулкам улицами.

Существенные изменения образа города повлияли на сферу туризма и гостеприимства. В республике действует «Стратегия развития туризма в Республике Марий Эл до 2025 года», которая нацелена на создание и обеспечение условий для устойчивого развития сферы туризма в регионе [4]. Внутренний и въездной туристские потоки в Республике Марий Эл с 2005 по 2014 гг. увеличились в три раза. На 2019 г. туристский поток составил 800 тыс. чел., при том, что население города всего 275 тыс. чел. Большой интерес экскурсантов и туристов к посещению Йошкар-Олы, на наш взгляд, связан прежде всего с трансформациями визуального облика города, который сочетает крепкие национальные традиции, отражающие историю и культуру народа мари и европейский стиль.

Список литературы

1. Горелова Ю. Р. Образные характеристики городской среды : сущность, механизмы формирования, классификация// Омский научный вестник. — 2012. — № 3. — С. 234–237.

2. Муниципальная программа «Формирование современной городской среды в городском округе «Город Йошкар-Ола» на 2018–2024 годы» (с изменениями на 2 октября 2019 года) [Электронный ресурс] // Консорциум Кодекс : электронный фонд правовой и нормативно–технической документации : [сайт]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/543715318> (дата обращения: 23.03.2020).
3. Официальный сайт Правительства Республики Марий Эл : [сайт]. — URL: <http://www.mari.ru> (дата обращения: 03.04.2020).
4. Стратегия развития туризма в Республике Марий Эл до 2025 года [Электронный ресурс] // Министерство молодежной политики Республики Марий Эл : [сайт]. — URL: <http://mari-el.gov.ru/minsport/2025/> (дата обращения: 13.04.2020).

ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И БРЕНДОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ГОРОДА В ВИДЕО- ОБРАЗАХ МАЛЫХ ГОРОДОВ ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ

Хилько Н. Ф.

Омск, Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва

Аннотация. В статье характеризуются определенные виды видеообразов города и их взаимодействие с брендовыми мероприятиями города, выявляются компоненты и формы отражения исторической памяти в видеороликах авторов-любителей.

Ключевые слова: образ города; видеообраз; историческая память; культурная среда; малый город; культурное мероприятие; брендинг территорий.

Образ города — это дифференцированная характеристика восприятия и художественного воспроизведения городской культурной среды [1; 2]. Наряду с исходным понятием «образ города» как визуально-эстетической характеристики его культурной среды мы имеем дело с производными сходными понятиями: «образные характеристики ландшафта города» и «образные представления жителей города». Мы имеем дело с двумя видами образных представлений горожан: ландшафтно-географическими и личностными [2, с. 36]. Между данными понятиями существует взаимосвязь. Рассмотренные

позиции соотносятся со следующим видами видеообразов: образы городского природного ландшафта; спокойный размеренный ритм провинциальной среды в малых городах и сельских поселениях; реконструированная операторами видеосъемки историческая атмосфера места; образы большого культурного разнообразия в культурной среде населенного пункта.

Понятие «бренд города», по мнению Я. Р. Суфияновой, «с точки зрения содержания, это сумма благоприятных свойства города: его история, имя, конкурентные преимущества, внешний вид, а также его «цена» для потребителя» [3, с. 45]. Поэтому направления развития малого города определяются «созданием привлекательного представления о городе, яркого, со своими особенностями образа города» [4, с. 20]. С рассмотренных выше позиций можно определить понятие «брендовые мероприятия» или культурные события как мероприятия, как уникальные явления, отражающиеся на имидже города, то есть знаковые события. В связи с этим определением напрашивается ключевая идея исследования, которая заключается в том, что процесс взаимодействия образных представлений жителей города и брендовых мероприятий играет определяющую роль в формировании видов видеообразов города на том основании, что эти мероприятия событийны. Однако популярность места в нашем случае может концентрироваться и в отдельно взятом локусе малого города или городского поселения. Традиционный характер культурного события, который, на наш взгляд, определяется передаваемыми из поколения в поколение обычаями, порядком [5, с. 84]. Вместе с тем в культурной среде малых городов Омской области есть немало компонентов, отражающих военно-исторические события нашей страны, борьбу за независимость нашей Родины. Отметим: знаковые события, мемориалы и памятники, мемориальные доски, ветераны-свидетели «живой» истории военных лет, героическая топонимика, просветительские видеорассказы

о войне, облик ансамблей православных храмов. В рассмотренных нами видеороликах возникают образы исторической памяти в культурной среде малых городов и поселений. Какие же типичные образы имеют место? На этот вопрос ответит контент-анализ видеоработ, присланных на традиционный конкурс «Светлое кино», проводимый Центром духовно-нравственного развития «Исток» и Центром творческого развития «Дом пионеров» Омска в апреле 2020 г. Здесь можно говорить о различных видах видеообразов любителей, отражающих историческую память практически во всех компонентах культурной среды. Рассматриваемые виды образов делятся по принципам достоверности и подлинности, выраженной в разных формах: от «живой» истории к зрелищности и отраженности исторической памяти в культурной среде (Табл. 1).

Таблица 1

Виды видеообразов и формы исторической памяти

№	Виды видеообразов любителей	Формы отраженности исторической памяти в культурной среде города
1.	Образы «живой» истории.	Знаки уважения, почетные звания; таблички на домах, где живут ветераны.
2.	Зрелищные и персонализированные образы мероприятий.	Циклы патриотических акций, встреч, эстафет, уроков мужества и других мероприятий.
3.	Локализованные и персонифицированные образы художественных произведений.	Репертуар театров, киноцентров, культурно-досуговых центров
4.	Образы «мемориализованной» и музеефицированной истории.	Мемориальные доски, памятные знаки, экспонаты музеев, памятники.
5.	Образы «зафиксированной» и «запечатленной» истории в топонимике и в медиасреде документального кино, видео, фотографии и т. д., в названиях улиц.	Памятные книги, репертуар, киноцентров, сайты, фонды, архивы культурного наследия; названия улиц в честь героев.

На наш взгляд, такой вид видеообразов любителей как «образы “живой” истории» дает пять определенных форм отраженности исторической памяти в культурной среде города. Это, во-первых, знаки уважения, которые оказываются при проведении всевозможных культурных мероприятий.

Во-вторых, это почетные звания, выдаваемые ветеранам. В-третьих, это таблички на домах, где живут ветераны. И, наконец, в-четвертых, в сознании видеолюбителей возникает определенный образ живой истории улицы, названной в честь героя — это самый прочный и значимый вид сохранения исторической памяти в городской культурной среде. Зрелищные и персонализированные образы мероприятий в большей степени имеют место в видеороликах любителей: это циклы патриотических акций, встреч, эстафет, уроков мужества и других мероприятий. Такие образные средства усиливаются музыкой и песнями военных лет, чтением стихов о войне, выступлениями ветеранов, интервью.

Локализованные и персонифицированные образы художественных произведений, создаваемых в малых городах, локализуются в репертуаре местных театров, киноцентров, культурно-досуговых центров, являются частью фестивалей, патриотических акций, разнообразных чтений, вахт памяти и т. д. Такого рода увековечивание аккумулируется музеями, библиотеками и являются частью медиакультурной среды населенного пункта и, несомненно, нашли определенное место в патриотических видеороликах. При этом их краеведческое значение трудно переоценить. Образы «мемориализованной» и музеефицированной истории — мемориальные доски, памятные знаки, экспонаты музеев, памятники — наиболее явственно предстают перед нами в видеообразах любителей, увязанных сценарным планом, замыслом и чаще всего — живым эмоциональным рассказом о прошлом. Особенно важна топонимика улиц, названных в честь героев-земляков — свидетелей локальной истории. Однако не все эти формы отражения присутствуют в видеофильмах. Образы «зафиксированной» (медиафиксация) и «запечатленной» истории в топонимике являются самыми убедительными доказательствами исторических фактов патриотического характера: это актуальная хроника документального кино, видео, старые фотографии и т. д. Любителям

должны быть интересны памятные книги, книги почета города или поселения, репертуар киноцентров, сайты, фонды, архивы культурного наследия; названия улиц в честь героев. Такого рода информация в виде вставок или иконографического материала имеет место в представляемых на конкурсы работах.

Следует полагать, что образы исторической памяти, содержащиеся в видеороликах, взаимодействуют с историческим сознанием и выливаются в образные представления о различных ключевых исторических событиях страны, в частности о Великой Отечественной войне и Победе, о знаковых личностях.

Список литературы

1. *Линч К.* Образ города / пер. с англ. В. Л. Глазычев; ред. А. В. Иконников. — М. : Стройиздат, 1982. — 156 с.
2. *Горелова Ю. Р.* Образ города в восприятии горожан : монография [Электронный ресурс]. — М. : Институт Наследия, 2019. — 154 с.
3. *Суфиянова Я. Р.* Теоретические и методические аспекты формирования бренда города // Научное сообщество студентов XXI столетия. Экономические науки : сб. ст. по материалам XVII Междунар. студ. науч.-практ. конф. — Новосибирск, 2014. — № 2(17). — С. 113–118.
4. *Марков Е. М.* Малый город России — современные реалии и возможные перспективы развития // Инновационное развитие малого города в условиях постиндустриального общества. — Омск : Изд-во КАН, 2012. С. 20–26.
5. *Наумчик В. Н., Паздников М. А., Ступакевич О. В.* СКД : словарь. — Минск, 2008. — 345 с.

ОТРАЖЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО И КУЛЬТУРНОГО ОБЛИКА ИРКУТСКА В ЗЕРКАЛЕ КОММЕМОРАЦИЙ: СТОЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

Бахтурин В. В.

Омский государственный университет
имени Ф. М. Достоевского

Аннотация. В статье раскрывается образ Иркутска как города декабристов. Особое внимание обращено к коммеморативным практикам, проводимым местными властями, учреждениями науки и культуры в середине 1920-х гг. Делается вывод об Иркутске как научном центре изучения сибирской ссылки и месте памяти о декабристах.

Ключевые слова: Иркутск; городская среда; юбилей; декабристы; территория памяти.

Образ города формируется посредством пересечения и взаимовлияния множества факторов. Создание образа зависит от идеологической и культурной составляющей, которая целенаправленно, а зачастую и случайно, оказывается включенной в городское пространство. Образ имеет ярко выраженную субъектность, и в силу этого обстоятельства официально создаваемый облик города может не совпадать с воспринимаемым образом той или иной социальной стратой — горожанами, туристами и т. п. Однако в структуре образа есть и метафорические определения, которые оказываются его скрепами.

Иркутск известен как центр ссыльнопоселенцев и декабристов [1, с. 85]. Политическая ссылка вписывается в прошлое Иркутска, что, несомненно, влияет на восприятие его социокультурного пространства. Особую роль в складывании облика города сыграл факт ссылки в Сибирь декабристов. Их вклад в культуру городской среды прочно сохранился в памяти нескольких поколений сибиряков. Отражение этого проявления культурной памяти мы находим в топонимике городов, в музеях, памятниках. Иркутск — один из ведущих центров по изучению сибирской ссылки декабристов. Являясь отражением исторических событий России XIX в., а также «территорией памяти» о декабристах, Иркутск представляет собой, на мой взгляд, интересный объект для изучения образа его пространственной среды.

Встает вопрос: насколько юбилейные мероприятия по случаю 100-летия восстания декабристов отразили или закрепили «декабристский образ» города? Речь идет о коммеморативной деятельности научных и культурных учреждений Иркутска, их роли в создании и оформлении интеллектуального ландшафта городского пространства.

Стоит подчеркнуть, что основными руководителями юбилейных мероприятий являлись местная власть и научное сообщество. Подготовка к столетнему юбилею восстания декабристов началась еще с 1924 г. Для этой цели Иркутским Губернским Исполнительным комитетом была создана особая комиссия. Обращаясь к программе, по которой должен был проходить юбилей, становится ясным, что восставшие 14 декабря 1825 г. оставили заметный след для Иркутска [2, с. 4]. В этой связи стоит отметить деятельность культурно-досуговых и научных учреждений в организации этой коммеморации (музейные выставки, вечера памяти, чтение лекций).

Значимой фигурой данной коммеморативной акции был историк Борис Георгиевич Кубалов. Благодаря ему, Иркутск стал известен в литературе как центр сибирского декабристоведения [3, с. 213].

Группа студентов Иркутского государственного университета и сотрудники Губархива на протяжении 1924–1925 гг. проводили полевые исследования в области. Участники научной экспедиции встречались со старожилами сёл, с потомками декабристов Ю. К. Люблинского и В. А. Бечаснова. Были обследованы дома и усадьбы, в которых жили декабристы Волконский, Трубецкой, материальное состояние зданий на 1925 г.

Наряду с этим была направлена экспедиция на поиск и реконструкцию могил декабристов. Историкам удалось точно определить местонахождение надгробий: бывшее Иерусалимское кладбище (И. В. Поджио), территория Знаменского женского монастыря (П. А. Муханов, Н. А. Панов и др.). На местах захоронения была проведена чистка, опись и фотографирование. Эти материалы были опубликованы в очерке Б. Г. Кубалова в 1925 г. [4, с. 187–211].

Результатами полевых исследований стали установление мемориальных досок, реставрация надмогильных памятников — мест захоронения декабристов. Это стало началом создания и оформления декабристского некрополя, неотъемлемой части культурно-мемориального пространства Иркутска [5, с. 75]. Дома, в которых пребывали декабристы, были взяты под государственную охрану, позже они станут музеями декабристов.

Формирование декабристской культуры Иркутска не обошлось без деятельности местного музея. Многие вещи, которые были найдены и собраны во время экспедиций, хранились в домах старожилов, были отданы в областной краеведческий музей, где в 1925 г. открылась юбилейная выставка, посвященная декабристам [1, с. 88]. Музей обогатил городскую среду Иркутска ценными экспонатами: в нем хранились бюст А. З. Муравьёва, вещи, принадлежавшие Трубецким, П. А. Муханову. Вскоре эта экспозиция стала постоянной, в музее был создан «Уголок декабристов».

В качестве отдельного сюжета иркутские исследователи обращают внимание на научно-издательскую деятельность

Центрального архива Восточной Сибири (ныне — ГАИО) [1, с. 88; 6, с. 733]. Б. Г. Кубалов, занимавший с 1922 г. должность заведующего Губернским архивным бюро, провел систематизацию архивных дел, им была составлена опись документов и классификация декабристской коллекции.

При активном сотрудничестве историка с руководством архива была заложена традиция введения в научный оборот источников по деятельности декабристов в Сибири. В свет вышла монография Б. Г. Кубалова и сборник статей «Сибирь и декабристы» [2, 4]. В основном в них представлена краеведческая тематика, связанная с деятельностью декабристов в сибирских городах, их вкладом в городскую культуру и просвещение жителей. М. Азадовский объяснял, что краеведение охватывает не только историю одного края, здесь региональные особенности могут осветить более глубокие и насущные вещи, выходящие на общероссийские научные проблемы [2, с. 80].

Сюда же мы отнесем и чтение специальных курсов на историческом факультете Иркутского университета (например, «Декабристы в Сибири», «История тайных обществ в России») [7, с. 9]. В стенах университета проводились собрания и конференции. Участие в них принимали и сотрудники Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества [7, с. 9].

Основным транслятором, отражавшим интеллектуальный облик городской среды Иркутска, выступала периодическая печать. На страницах иркутской газеты «Власть труда» читатели могли ознакомиться с результатами научных экспедиций Б. Г. Кубалова [8, с. 3], описанием экспозиции Иркутского музея Революции [9, с. 8]. Деятельность областной комиссии была запечатлена также в других изданиях, например, в газете «Советская Сибирь», которая освещала мероприятия, проводимые в культурно-досуговых учреждениях (театрализованные представления, вечера памяти декабристов в клубах и др.) [7, с. 9; 10, с. 5]. Периодическая печать,

таким образом, отражала местный «ссылный», «каторжный» интерьер городской среды Иркутска. Это был важный канал формирования соответствующего образа города.

На основе изложенного материала можно сделать вывод, что Иркутск в зеркале коммеморативных практик, проводимых властными и научными институциями, предстает в интеллектуальном разрезе как научный центр по изучению политической ссылки и роли декабристов в Сибири, как центр собирания, хранения и трансляции культурного наследия декабристов — конструирование декабристского некрополя, составление архивных и музейных коллекций и пр. Можно говорить о сознательном, целенаправленном создании мест памяти и придании им эмоциональной нагрузки путем торжественных мероприятий, освещения масштаба празднования в периодической печати. Активное участие иркутян в этих мероприятиях, о чем свидетельствуют заметки газет, указывает на значимость юбилейного события в жизни города. Иркутск превращается в место памяти о декабристах.

Список литературы

1. *Подольская Л. Я.* К истории изучения проблемы «Декабристы в Сибири» в Иркутске // *Декабристское кольцо : Вестник Иркутского музея декабристов.* — 2014. — Вып. 2. — С. 85–90.
2. *Сибирь и декабристы : Статьи, материалы, неизданные письма, библиография / под ред. М. К. Азадовского, М. Е. Золотарёва, Б. Г. Кубалова.* — Иркутск : Издание Иркутского Губернского Исполнительного комитета, 1925. — 208 с.
3. *Перцева Т. А.* Иркутское декабриствоведение: история, итоги и задачи изучения // *Очерки историографии Сибири эпохи империи (XVIII — начало XX в.) / отв. ред. Л. М. Дамешек.* — Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. — С. 210–240.

4. *Кубалов Б. Г.* Декабристы в Восточной Сибири. — Иркутск : Издание Иркутского Губернского Архивбюро, 1925. — 217 с.
5. *Гаращенко А. Н.* Декабристский некрополь в Иркутске: история советского периода (1925–1975 гг.) // Декабристское кольцо : Вестник Иркутского музея декабристов. — 2011. — Вып. 1. — С. 74–115.
6. *Иванов А. А., Ильина Е. В.* Из истории научно-издательской деятельности Государственного архива Иркутской области // Вестник архивиста. — 2018. — № 3. — С. 731–739.
7. Советская Сибирь. — 1925. — 12 нояб.
8. Власть труда. — 1924. — 25 июня.
9. Власть труда. — 1925. — 3 дек.
10. Советская Сибирь. — 1925. — 25 дек.

ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ ГЕТЕРОТОПНОГО РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ АСТРАХАНСКОГО КРАЯ)

Хлыщева Е. В.

Астрахань, государственный университет

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ
проект 18-78-10064 «Трансформация механизмов формиро-
вания посттрансгрессионной модели религиозной идентич-
ности в современном информационном пространстве»*

Аннотация. Процессы глобализации нарушают традиционные формы идентичности, ставят под сомнение самоидентичность народов, сформированную в рамках прежних традиций. Особенно остро это ощущается на территориях, где гетеротопия малых групп, этнических, религиозных меньшинств складывалась веками, формируя единую культурную традицию. Трансформация идентичности и новые формы восприятия окружающего мира находят свое отражение в культурном ландшафте городского пространства.

Ключевые слова: идентичность; культурная память; сигнификаты; культурный ландшафт; трансформация.

Состояние межэтнических отношений во многом зависит от динамики трансформации идентичности различных социальных, территориальных и этнических групп. Под влиянием постмодернистской ризомы современный мир становится предельно эклектичным, совмещая в себе артефакты различных национальных традиций. Эта эклектичность

приводит к усилению интереса к множеству ранее не исследуемых, маргинальных объектов и феноменов культурной памяти. Последняя выражает себя преимущественно в профанных практиках повседневной жизни и локализуется в памятниках культуры.

Однако со временем трансляция культурной памяти ослабевает, значимые памятники одного поколения теряют свою актуальность и продолжают «жить» отстраненно, выпадая из реальности, «соотносясь лишь с соответствующими институтами (школами, вузами, музеями, библиотеками)» [1, с. 207].

Утрата этнической означаемости памятника приводит к упрощению прочтения истории через представленные артефакты, что влечет за собой оторванность от «культурного ядра» и деформацию этносоциальной модели поведения. При этом памятники культуры начинают выполнять другие, не менее значимые функции.

В культурном своеобразии жизни астраханцев можно наблюдать как древние влияния (сарматскую, хазарскую, тюркскую культуры), так и более поздние — монгольские, русские, казахские, кавказские и др. Влияние юго-восточных и западных соседей носило характер отдельных заимствований элементов бытовой культуры благодаря налаженной торговой связи.

Кризисные периоды возобновляют потребность в «правильной» трактовке своей истории, внимание к «наследию» усиливается, воплощаясь в практиках коммеморации. Коллективная память нуждается в «постоянном «напоминании», в подпитке [2]. Одной из таких практик становится воздвижение памятников, олицетворяющих знаменательные моменты жизни этноса или великих личностей. Помимо этой задачи, памятник маркирует пространство, изменяя городской (сельский) ландшафт.

Для исследования был взят поликультурный регион Нижнего Поволжья, где процессы заселения и взаимодействия народов проходили достаточно своеобразно. Будучи

«Вратами Евразии», Астрахань исторически представляет собой перекресток культур и религий, где разные культурные миры постепенно сложились в одну культурную традицию, имеющую определенное сходство с культурными ценностями российского общества, и одновременно обладавшую своей уникальностью.

В списках памятников истории, культуры и архитектуры Астрахани состоит 653 объекта, представляющих собой не только отдельные здания, но и целые комплексы, синтезирующие культурные достижения народов края и влияющие на разные сферы жизни.

Внешний вид Астрахани всегда производил странное впечатление: с одной стороны, «все перлы цивилизации — электричество, трамвай, водопровод, отличные здания, роскошные магазины, а с другой — восточная неряшливость, тучи пыли, грязные домишки, вонь, полное отсутствие представления о санитарии и гигиене, заставляющие думать, что это Азия, Азия, Азия» [3, с. 608]. В каком-то смысле Астрахань воспринимается такой и сегодня.

На протяжении истории менялось функциональное назначение многих объектов культурной памяти. Сносились памятники царям, появлялись памятники героям революции, Великой Отечественной войны и др. Эти памятники визуально закрепляли коллективную советскую идентичность, отражающую дружбу народов. В многонациональной Астрахани сложилась традиция доброго соседства между народами, повлекшая за собой существование своеобразного быта, межнациональных связей и самобытной культуры.

Но в 90-е гг. XX в. относительная устойчивость социальной и этнокультурной ситуации была нарушена. Астрахань вновь становится форпостом и принимает значительную тяжесть миграционных волн из новых независимых государств, а также из конфликтных регионов Российской Федерации. Одновременно внутри региона идут «свои» процессы роста этнического самосознания, который сопровождается

усилением интереса к традициям и проявлением в той или иной степени национализма и этноконфессионального противостояния.

Наглядным примером новой тенденции становятся памятники этническим деятелям или историческим событиям, так или иначе связанным (а иногда и совсем не связанным) с историей края. И если памятники казахскому музыканту, домбристу Курмангазы Сагырбаеву (подарок правительства Казахстана к 450-летию Астрахани), татарскому поэту Габдулле Тукаю (подарок правительства Татарстана), туркменскому поэту Махтумкули Фраги (выполнен известным туркменским скульптором Сарагтом Бабаевым, был передан Астрахани в дар), украинскому поэту Тарасу Шевченко (бывшему в Астрахани проездом, возвращаясь из ссылки), ногайскому просветителю Абдулхамиду Джанибекову (основные средства в возведение памятника внес правнук просветителя Марат Джанибеков), астраханским казакам и др. органично вписываются в историю края, то памятники первому президенту Азербайджана Гейдару Алиеву, князю Владимиру (подарок от Фонда Гейдара Алиева Азербайджанской республики), святым благоверным Петру и Февронии Муромским, скульптурная композиция «Дама с собачкой» на набережной Волги несколько озадачивают местных жителей. Мало того, что это не имеет никакого отношения к астраханской истории, но и сама история здесь подается неоднозначно.

В городе до сих пор нет памятников основателю «русской» Астрахани воеводе И. Черемисинову, первому профессору словесности, астраханцу В. Тредиаковскому, уроженцу Астрахани поэту В. Хлебникову, французскому писателю А. Дюма (отец), оставившему свои впечатления от посещения Астрахани и др. Зато активно обсуждается вопрос о постановке памятника хану Батыю, Ивану Грозному, которые хотя и имеют определенное отношение к истории края, но, во-первых, сами здесь никогда не бывали, а, во-вторых, и это самое главное, являются весьма неоднозначно

воспринимаемыми сигнификатами. Еще сомнительней выглядело предложение поставить памятник генералу Ермолову, который какое-то время управлял Астраханской губернией, а также князю Святославу, который разбил хазар. Такие монументы будут не столько прославлять героев, сколько нагнетать в многоконфессиональном регионе напряженность.

Памятники фиксируют память о наиболее важных событиях и людях, которые или много сделали для города, или его прославили. Это своеобразная иллюстрация истории страны, города, области. Но если не соблюдать логики и порядка в установке памятников, то история предстанет в виде разрозненных деяний этнокультурных личностей, фрагментарных страничек, которые и отношения к региональной истории не имеют. Связного рассказа не получается.

В целом в Астрахани можно зафиксировать нейтральное отношение к памятникам с этнокультурной направленностью. Эмоциональные проявления наблюдаются только в начале установки монумента, выражаясь в виде одобрения или удивления, зачем данный памятник устанавливается именно здесь. Однако по прошествии времени, негативные эмоции угасают (если памятник не слишком мешает) и монумент становится неплохим указателем, ориентиром, как пройти в нужное место. Об этнической характеристике памятника вспоминают только экскурсоводы.

И если в советское время шла целенаправленная работа по пропаганде значения культурных сигнификатов, то сегодня это пущено на самотек, поэтому основной массе населения не особенно интересно, чья это скульптура и что она здесь делает. Общепризнаны только значимые сигнификаты, которые отражают историческую специфику родного города.

Список литературы

1. *Никонова А. А.* Культурное наследие и формирование идентичности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. — 2009. — Вып. 2. — С. 203–209.
2. *Нора П.* Всемирное торжество памяти [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. — 2005. — № 2–3 (40–41). — URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата обращения: 25.05.2020).
3. *Веселовский С. Б.* Дьяки и подъячие XV–XVII вв. — М. : Наука, 1975. — 607 с.

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕМОРИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ГОРОДОВ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

Красильникова Е. И.

Новосибирский государственный технический университет

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и НСО, проект 19-49540003 «Мемориальное пространство городов Новосибирской области в исторической динамике»

Аннотация. В статье раскрываются возможности практического использования результатов исследования мемориального пространства городов Новосибирской области. Вводится и раскрывается понятие мемориального пространства. Характеризуется проблема выбора критериев обоснования целесообразности мемориализации тех или иных объектов городского пространства. Приводится пример такого обоснования применительно к дореволюционной застройке улицы Инской Новосибирска.

Ключевые слова: мемориальное пространство; мемориализация; историко-культурное наследие; памятник; Новосибирск; улица Инская.

В условиях обострения противоречий между тенденциями глобализации и партикуляризации одним из наиболее существенных вызовов современности является вызов сохранения целостности и внутренней идентичности россиян как сообщества. Особенно необходимо сохранение целостности и внутренней идентичности на «срединном» уровне,

на котором, выражаясь языком Я. Ассмана, ключевую роль играет «коннективная структура» коллективной памяти, обеспечивающая воспроизводство массового сознания и внутренней идентичности социума, прежде всего, посредством постоянного присутствия в жизни общества в виде специфического мемориального пространства. А в условиях прогрессирующей урбанизации современного мира — именно и прежде всего мемориального пространства городов.

В сибирских городах остро стоят проблемы сохранения историко-культурного наследия. Давно известно, что памятники истории и культуры являются выразителями ценностей местных сообществ и символическим отражением основ локальной идентичности. Однако сохранение памятников деревянного и каменного зодчества сопрягается со множеством проблем. В публичном пространстве нередко разворачиваются конфликты между защитниками памятников (музейщиками, архитекторами, историками, краеведами, журналистами и отдельными политиками) и их противниками — чиновниками и застройщиками городской территории. В значительной степени острота подобных конфликтов объясняется отсутствием четких критериев определения памятника и его ценности, а также целесообразности его причисления к сфере историко-культурного наследия. Эти критерии зависимы от идеологии, от научной школы, к которой причисляет себя тот или иной эксперт, от культурной традиции и прочих обстоятельств. Едва ли можно согласиться с целесообразностью сноса старых зданий ради расчистки городской территории под новую застройку. При этом, совершенно очевидно, что нельзя сохранить все.

Цель данной работы состоит в том, чтобы объяснить причины подобных конфликтов и показать возможности использования критерием мемориализации, которые может предлагать историческая наука. Разрешение «мемориальных» конфликтов должно, на наш взгляд, опираться на экспертные оценки, которые могут дать не только архитекторы,

учитывающие, прежде всего, субъективные эстетические критерии. Важна и историко-краеведческая экспертиза, нацеленная на выяснение того, какое значение имел тот или иной объект для местного сообщества в прошлом и какие ценности местных сообществ он может выражать теперь.

Городское мемориальное пространство, которое мы определяем как систему территориально локализованной коммеморативной деятельности, а также воплощающих ее артефактов и символических репрезентаций, выполняющих функцию интеграции сообществ, как на локальном, так и на государственном уровне [1, с. 39], очень подвижно и изменчиво во времени. На разных исторических этапах в городах формируются целые системы памятных мест и памятников, выражающих ценностные смыслы, актуальные для этого времени и места. В дальнейшем эти системы могут вытесняться новыми. Однако нередко этапы забвения сменяются реактивацией памяти, когда вновь обретают актуальность прежде забытые памятные места, которые на новом историческом этапе, как правило, наделяются новыми смыслами. Большинство элементов мемориального пространства составляют не памятники, которые при создании задумывались именно как памятники, а памятные места, обретающие значение таковых лишь со временем. Долгое время обоснование включения таких объектов в мемориальное пространство строилось на выявлении взаимосвязи места с событием, значимым в контексте того или иного исторического нарратива. Так, в советское время мемориализации подлежали дома, где в революционные годы находились конспиративные квартиры и типографии деятелей большевистского подполья, тюрьмы, где томились политические заключенные, места расправы над героями революции и т. п. Уязвимость такого критерия мемориализации обусловлена неизбежной сменой идеологических ориентиров общества, влияющих на репрезентации истории в публичном пространстве. С распадом СССР этот сегмент мемориального пространства резко

обесценился, что повлекло за собой многочисленные мемориальные конфликты на почве сноса, запустения советских памятников и бытового вандализма.

С ростом регионального самосознания в России с 1960-х гг. в поле зрения защитников наследия стали попадать не только революционные места и места, связанные с памятью о Великой Отечественной войне. Уже в 1970-х — 1980-х гг. они призывают общественность к сохранению так называемой ценной среды, определяющей уникальность места. Фактически можно говорить об осторожном возврате к идеям краеведения 1920–1930-х гг. Но лишь с 1990-х гг. в качестве весомых стали рассматриваться такие аргументы в пользу сохранения тех или иных объектов городского пространства, как отражение в них истории местного быта, повседневной жизни и своеобразия локальной истории. В настоящее время, на наш взгляд, важно учитывать именно этот критерий, добиваясь мемориализации тех или иных объектов. Однако его важность до сих пор плохо осознается общественностью. Именно поэтому в мемориальном пространстве современного Новосибирска сохранилось довольно мало историко-архитектурных памятников, связанных с самым ранним этапом становления Новониколаевска. А. Ассман предлагает различать понятия «места», выражающего для сообщества ценностные смыслы, и «пространства», ничего особенно не значащего, подходящего для реорганизации [2]. Многие мемориальные конфликты современности возникают на почве разного восприятия сообществами одних территорий: как «мест» и как «пространств».

Без аутентичных артефактов теряется ощущение «места», горожанам становится все труднее ощутить связь поколений, прочувствовать историчность города, с которой теперь, в условиях мемориальной эпохи, ассоциируется его значимость. Сохранение первых зданий необходимо для утверждения позитивной памяти о происхождении города, лишенной налета, все еще бытующих советских идеологических

штампов, девальвирующих ценность дореволюционного наследия и локальной истории. До сих пор многие считают, что до революции Новониколаевск был городом — «нахаловкой», сформировавшимся стихийно, без плана, грязным, серым, застроенным плохонькими домишками, в которых обитали временные жильцы, приезжавшие лишь на кратковременные заработки. Советская историография утверждала, что наш город, как и другие города Сибири, стал меняться к лучшему только после Октябрьской революции. И этот миф, который много лет тиражировала пропаганда, до сих пор во многом определяет историческую память новосибирцев. В частности, поэтому бывает проще доказывать историческую ценность советских архитектурных памятников.

Однако современное историческое краеведение стремится разрушать историографические мифы. Новейшие исследования историка и музейного работника Н. А. Мининой показывают дореволюционный Новониколаевск в ином свете [3]. Автор оказался в центре одного из наиболее заметных мемориальных конфликтов современного Новосибирска, вокруг проблемы сохранения исторической застройки на ул. Инской. Н. А. Минина доказала, что улица Инская застраивалась еще в 1894 г. добротными капитальными домами по строгому, заранее составленному плану и заселялась достойными и состоятельными людьми, которые заботились о благоустройстве своих кварталов. Сохранившиеся с тех лет жилые деревянные дома на ул. Инской, 7 и Инской, 19, хотя и не могут быть признаны архитектурными шедеврами, имеют, на наш взгляд, доказанную историческую ценность. Они наглядно показывают, каким был типичный дом среднего городского обывателя из числа «первожителей» Новониколаевска. Примечательно, что эти постройки интенсивно эксплуатировались около 130 лет и фактически выдержали испытание временем. На участке улицы Инской, в названии которой отразилась история отметившей в 2019 г. 300-летие старинной сибирской деревни Усть-Ини, еще возможно

воссоздать атмосферу тихого, уютного новониколаевского квартала, близкого к набережной Оби и парку «Городское начало». Сохранить первые дома Новониколаевска — значит создать памятное место, связанное не с глобальными политическими процессами, внимание к которым на уровне увековечивания памяти всегда обусловлено политикой. Политика памяти меняется, памятники вождям предсказуемо сносятся, когда они теряют актуальность. Но местная история терять актуальности не должна. С ее утратой население перестает воспринимать свой город как «место», скептически настраивается в отношении своего города и не проявляет инициатив по его развитию, полагая, что раз и в прошлом не было ничего интересного, в будущем лучше не станет.

Мемориализация объекта предполагает его включение в динамичную жизнь современного города, который нуждается в разнообразии культурной жизни. Обогащение мемориального пространства объектами, связанными с локальной историей, частично решает эту задачу. Мемориализация дает стимул историко-культурологическим исследованиям, повышая потенциал местной науки. Изучение городского мемориального пространства в прошлом и в современности имеет важное значение в свете разрешения проблем укрепления социальной идентичности местных сообществ. Знания о том, как от этапа к этапу менялось городское мемориальное пространство, целесообразно использовать применительно к сфере охраны историко-культурного наследия городов Новосибирской области в целях обоснования ценности выделяемых памятников и иных мемориальных объектов, а также учитывать при разработке планов застройки городов, их благоустройства и реконструкции территорий.

Список литературы

1. Вальдман И. А., Громова О. А. Концептуальные основания методологии исследования мемориального пространства в исторической динамике // Контекст и рефлексия : философия о мире и человеке. — 2019. — Т. 8. — № 5А. — С. 34–43.
2. Assman A. One land and three narratives : Palestinian sites of memory in Israel // Memory Studies. — 2018. — Vol. 11. — № 3. — P. 287–300.
3. Минина Н. А. История улицы Инской, последней сохранившейся улицы Новониколаевска // Баландинские чтения. — 2019. — Т. 14. — С. 384–388.

**«НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ»
СЕГМЕНТ МЕМОРИАЛЬНОГО
ПРОСТРАНСТВА ГОРОДОВ В ГОДЫ
ПЕРЕСТРОЙКИ И
ПОСТПЕРЕСТРОЕЧНЫЙ ПЕРИОД:
УВЕКОВЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЕЙ НАУКИ
И КУЛЬТУРЫ В ОМСКЕ
И НОВОСИБИРСКЕ**

Наумов С. С.

Омский государственный университет
имени Ф. М. Достоевского

*Исследование выполнено при финансовой
поддержке РФФИ, проект № 18-09-00329*

Аннотация. В статье рассмотрены изменения социокультурного пространства крупных городов Западной Сибири в 1985–1990-е гг. Подчеркнуто усиление «научно-художественного» сегмента коммеморативных практик, выразившееся в инициативах создания новых памятников и мемориальных досок, посвященных выдающимся российским и сибирским деятелям науки и искусств. Представлена хронология сооружения памятных объектов. При подготовке статьи автор опирался на материалы делопроизводственной документации культурно-просветительных общественных организаций, данные периодической печати 1980-х — 1990-х гг., а также результаты натурных обследований локальных пространств городов, проведенных в сентябре 2019 г.

Ключевые слова: Перестройка; историко-культурное наследие; памятники; мемориальные доски; мемориальное пространство; историческая память; Омск; Новосибирск.

Мемориальное пространство городов Западной Сибири в советские годы не отличалось разнообразием монументальных и скульптурных памятников. С начала 1920-х гг. наиболее значимые памятники устанавливались в честь деятелей или событий Октябрьской революции 1917 г. и гражданской войны. Символами, которым отводилось центральное место в городском ландшафте сибирского города в первые 50 лет советской власти, были братские захоронения-мемориалы борцов революции, памятники В. И. Ленину и (до конца 1950-х гг.) И. В. Сталину. В 1960-е гг. к ним добавились памятники и мемориальные комплексы, посвященные событиям Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

В годы Перестройки ситуация кардинально изменилась. Демифологизация советской истории и деконструкция советского героического «пантеона», а также последовавший отказ от плана «монументальной пропаганды» создали качественно новые условия для развития мемориального пространства крупных городов. Одно из недавних обобщающих исследований, включающее сравнение советской и постсоветской мемориальной культуры, в том числе, интересующую нас тему, принадлежит А. В. Святославскому [1, с. 298–450]. В сибирской историографии динамику коммеморативных практик в городском пространстве изучает Е. И. Красильникова [2].

Активизация во второй половине 1980-х гг. общественных инициатив гуманитарной интеллигенции, традиционно являющейся одним из основных трансляторов коллективных представлений о прошлом, способствовала тому, что великие представители русской науки и культуры в качестве образов исторической памяти потеснили многочисленных революционеров, советских деятелей и участников мирового коммунистического движения.

В условиях гласности и демократизации традиционный для российской интеллигенции поиск исторических героев получил новый мощный импульс. Исследователь исторической памяти, историк О. Б. Леонтьева обращает внимание на невозможность представить мировоззрение интеллигенции без соответствующих мифологем исторической памяти, без своей «героцентричной» литературной и историографической традиции [3, с. 381]. Значимость актуализированных в 1980-е — 1990-е гг. фигур исторической памяти заключалась в их способности консолидировать общество на основе идеалов высокой культуры, гуманизма, терпимости и свободы. В Омске и Новосибирске, городах, имеющих определенные «столичные» амбиции, власть и интеллигенция которых зачастую склонны высказывать мнения по разным вопросам «от лица» всей Сибири, данная тенденция была подхвачена и развита.

Специфика деятельности по увековечению памяти выдающихся деятелей науки и культуры в советском Омске раскрывается в выступлении критика и литературоведа С. Н. Поварцова на пленуме правления Омского отделения Советского фонда культуры в 1989 г.: «<...>В силу объективных причин Омск слишком долго оставался глубокой провинцией в смысле интенсивного развития культуры. Город закрытого типа, до 1980-го года не имеющий своего книжного издательства, без прочных университетских традиций, город, в котором всегда была сильна бюрократия и чиновники всех мастей. Омск как бы пребывал в историко-культурном и литературном беспамятстве, хотя на этой ниве беззаветно трудились выдающиеся подвижники, как, например, Палашенков и Коровкин (омские краеведы А. Ф. Палашенков (1886–1971) и И. С. Коровкин (1919–1977) — прим. С. Н.)» [4, л. 28]. Во второй половине 1980-х гг. в общественных культурно-просветительных организациях, в средствах массовой информации стали вестись дискуссии на тему отсутствия памятников деятелям культуры, связанным с Омском.

В 1989–1991 гг. важнейшим событием культурной жизни стала подготовка к 170-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского, отбывавшего в Омске каторгу в 1850–1854 гг. В несколько этапов был проведен конкурс на проект памятника писателю в центре города. В эти же годы региональные отделения общероссийских культурно-просветительных организаций (Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры, Советский фонд культуры, Географическое общество и др.) инициировали проекты установки в Омске памятников исследователю Сибири и основоположнику сибирского областничества Н. М. Ядринцеву, ученым и путешественникам М. В. Певцову и Ч. Ч. Валиханову, композитору В. Я. Шебалину, поэту Л. Н. Мартынову. Омским отделением фонда культуры был организован сбор средств на памятник поэту и актеру В. С. Высоцкому [5, л. 36–37].

В Новосибирске, городе с неглубокими, но многогранными историко-культурными традициями, сложилась иная ситуация. Дореволюционная история города составила всего 24 года (основан в 1893 г.), одним из ключевых периодов советской истории стали 1940-е — 1960-е гг., когда в Новосибирске сформировалось одно из крупнейших в стране научных сообществ, создан Академгородок. Именно его выдающиеся представители в годы Перестройки стали главными фигурами памяти не только регионального, но и общесибирского значения. Были выдвинуты предложения установить в Новосибирске памятники инженерам-железнодорожникам А. М. Кошурникову, К. А. Стофато, А. Д. Журавлеву, погибшим в 1942 г. на реке Казыр при изыскании трассы железной дороги от Нижнеудинска до Абакана, а также создать в Академгородке памятник его основателю, академику М. А. Лаврентьеву и аллею ученых, с установкой бюстов академиком Г. И. Будкеру, А. П. Окладникову, А. И. Мальцеву и др. [6, л. 8–9]. Грядущий 100-летний юбилей Новосибирска в конце 1980-х гг. актуализировал фигуру «официального» основателя города — Н. Г. Гарина-Михайловского. В проекте

памятника, который планировалось установить на привокзальной площади, отдельно подчеркивались не только инженерные, но и литературные заслуги Н. Г. Гагарина–Михайловского в качестве известного русского писателя конца XIX — начала XX вв. [7, л. 13].

В ситуации конца 1980-х — 1990-х гг. большинство этих масштабных монументальных проектов не были реализованы. В условиях гиперинфляции и социально-экономической нестабильности инициаторам мемориальных акций пришлось либо откладывать свои замыслы «до лучших времен», либо идти по пути «удешевления» проектов. Так, одной из наиболее распространенных форм фиксации исторической памяти становится установка памятных досок.

В Новосибирске на рубеже 1980-х — 1990-х гг. отдельным направлением явились коммеморации ученых и деятелей науки. В 1988 г. в Академгородке был установлен памятник-бюст М. А. Лаврентьеву [8]. В 1989–1998 гг. на различных зданиях Академгородка были установлены мемориальные доски академикам АН СССР Д. К. Беляеву [9], Г. К. Борескову, С. С. Кутателадзе, В. А. Кузнецову, С. Л. Соболеву, В. П. Чеботаеву [10]. В 1997 г. мемориальная доска появилась на доме, где жил почетный гражданин Новосибирска, ректор Новосибирского технического института (ныне — университета) Г. П. Лыщинский [11].

В Омске в 1992 г. на фасаде областного музея изобразительных искусств (бывшего генерал-губернаторского дворца) появилась мемориальная доска Н. М. Ядринцеву [12, с. 112–113]. В 1993 г. на здании Омского музыкального училища была установлена мемориальная доска В. Я. Шебалину [13]. В Новосибирске, в апреле 1991 г. состоялось открытие мемориальной доски одному из основоположников космонавтики, ученому Ю. В. Кондратюку на фасаде здания, в котором он работал (ул. Советская, 24) [14]. В 1997 г. была установлена мемориальная доска Р. Л. Бартини на доме, где авиаконструктор жил с 1952 по 1956 гг. [15].

В конце 1980-х — 1990-е гг. распространение получило развитие мемориалов деятелям искусства. Осенью 1998 г. рядом со зданием Новосибирской государственной консерватории был открыт памятник М. И. Глинке [16]. Увековечивались не только классики, но также сибирские писатели и музыканты советского периода. В 1990 г. в память о поэте и переводчике А. И. Смердове на доме, где он жил, была установлена мемориальная доска. В 1998 г. в Новосибирске на стене дома, где располагалось региональное отделение Союза писателей была открыта мемориальная доска в честь поэта, писателя и переводчика А. И. Плитченко (1943–1997) [17]. В 1997 г. в Омске установили мемориальную доску в память известной сибирской песенницы А. М. Оленичевой [18]. В 1999 г. мемориальной доской была увековечена память основателя Омского отделения Союза писателей СССР, известного сибирского очеркиста Л. И. Иванова (1914–1998) [19].

Крупным юбилеем, вызвавшим широкую мемориальную кампанию, стало 200-летие А. С. Пушкина [1, с. 431]. В 1999 г. в Омске на одном из зданий, расположенных на улице, названной в честь поэта (угол ул. Пушкина, 8 — ул. Думская, 5), была установлена мраморная мемориальная доска с бронзовым барельефом [20].

В постсоветский период широкое развитие получили практики увековечения памяти актеров театра и кино. В 1990-е гг. в Омске были установлены мемориальные доски артистам Омского драматического театра, служившим в нем в период «золотого века омской драмы» (1960–1980-е гг.): народному артисту СССР А. И. Щеголеву (1993 г.), народным артистам РСФСР Т. А. Ожиговой (1994 г.), А. Ф. Теплову и Б. М. Каширину (1999 г.) [21].

В 1990-е гг. в сибирских городах возникла практика увековечения памяти художников, которые в советские годы находились в статусе «полуопальных». В 1994 г. в Омске была установлена мемориальная доска живописцу и монументалисту Н. Я. Третьякову [22]. В 1989 г. Новосибирским

отделением Союза художников было подготовлено предложение о создании мемориальной доски художнику Н. Д. Грицюку [23, л. 4], установлена доска в 2001 г. [24].

Усиление «научно-художественного» сегмента мемориального пространства крупных городов Западной Сибири во второй половине 1980-х–1990-х гг. свидетельствует о значительной гуманизации и гуманитаризации процессов, связанных с формированием, трансформацией и трансляцией образов и символов исторической памяти. Нельзя не отметить и огромное просветительское значение этих мемориальных объектов, информативность которых способствует распространению историко-краеведческих знаний и пробуждению интереса жителей городов к истории регионов и страны. Создание новых мест памяти, посвященных деятелям науки и искусства, способствовало также формированию уникальных социокультурных ландшафтов городских центров, что оказывает положительное влияние на укрепление их экскурсионно-туристической привлекательности. Помимо этого, данный способ коммемораций пробуждает творческий потенциал городской интеллигенции (архитекторов, художников, историков, краеведов, журналистов), позволяет внести разнообразие в работу по конструированию образов и символов памяти, раскрывающих возможности по формированию концепций брендинга городских центров.

Список литературы

1. *Святославский А. В.* История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. — М. : «Древлехранилище», 2013. — 592 с.
2. *Красильникова Е. И.* Мемориальное пространство Новосибирска в исторической динамике (1893–2000 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. — 2019. — № 61. — С. 32–43.

3. *Леонтьева О. Б.* Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX — начале XX вв. — Самара : ООО «Книга», 2011. — 448 с.
4. Бюджетное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области» (далее — ГИАОО). Ф. П-654. Оп. 1. Д. 12.
5. ГИАОО. Ф. П-654. Оп. 1. Д. 23.
6. Государственный архив Новосибирской области (далее — ГАНО). Ф. Р-2099. Оп. 1. Д. 6.
7. ГАНО. Ф. Р-2099. Оп. 1. Д. 1.
8. О памятнике академику М. А. Лаврентьеву // Наука в Сибири. — 1988. — 20 окт.
9. *Ушакова О.* Бронзовый барельеф // Наука в Сибири. — 1989. — 18 авг.
10. Посвящается академику В. Чеботаеву // Наука в Сибири. — 1998. — 11 сент.
11. Помня о Г. П. Лыщинском // Советская Сибирь. — 1997. — 10 апр.
12. *Вибс П. П.* Генерал-губернаторский дворец в Омске как памятник истории // Памятники истории и культуры Омской области. — Омск, 1996. — Вып. II. — С. 107–113.
13. *Трубицина Л.* В июньский светлый день // Вечерний Омск. — 1993. — 15 июня.
14. В память об Александре Шаргее // Вечерний Новосибирск. — 1991. — 8 апр.
15. К 100-летию Бартини // Вечерний Новосибирск. — 1997. — 4 июля.
16. Он памятник себе воздвиг нерукотворный... // Вечерний Новосибирск. — 1998. — 15 сент.
17. В память о А. Плитченко // Советская Сибирь. — 1998. — 14 нояб.
18. *Бучакова Т.* «С нее начинался наш хор...» // Вечерний Омск. — 1997. — 15 нояб.
19. *Виськин Ю.* Памяти Леонида Иванова // Время [Омск]. — 1999. — № 43.

20. Мемориальная доска А. С. Пушкину [Электронный ресурс] // Литературная карта Омска : [сайт]. — URL: <http://lib.omsk.ru/ip/litkarta/html/pers463.html> (дата обращения: 15.05.2020).
21. Во славу народных артистов // Омская правда. — 1999. — 16 июля.
22. *Васильева С.* Художнику, которым мы гордимся // Омский вестник. — 1994. — 22 нояб.
23. ГАНУ. Ф. Р-2099. Оп. 1. Д. 13.
24. Мемориальная доска — реализм не фантастический [Электронный ресурс] // «Vn.ru» — новости Новосибирской области : [сайт]. — URL: <https://vn.ru/news-11330/> (дата обращения: 15.05.2020).

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСТОРИИ ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА МАРИЙСКОГО КРАЯ XIX — НАЧ. XX ВВ.

Васина С. М.

Йошкар-Ола, Поволжский государственный
технологический университет

Аннотация. В статье делается попытка репрезентации истории приходского духовенства Марийского края в XIX — нач. XX вв. с точки зрения специфики и особенностей местного населения, во многом сохранившего в этот период свою исконную языческую религию.

Ключевые слова: православная церковь; Марийский край; приходское духовенство; марийцы.

Судьба русской православной церкви рубежа XIX–XX вв. представляет значительный интерес как для профессиональных историков, так и для любителей истории. Роль приходского духовенства в политических, общественных и социальных процессах заслуживает отдельного внимания. Именно священнослужители в приходах являлись во многом проводниками не только духовных постулатов и догм, но и тех мероприятий и реформ, которые проводились светскими властями.

В регионе Среднего Поволжья, многонациональном и разнokonфессиональном, приходское духовенство сыграло важную роль в просвещении местного населения, распространении и внедрении христианской религии. Приходским священникам приходилось нелегко среди «инородцев», которые

часто просто не понимали смысла христианских обрядов, потому что не знали русского языка. Синод обращал особое внимание на открытие школ в национальных приходах, так как «в населении инородческом она принимает на себя все дело христианского воспитания, ибо инородческая семья, за редким исключением, не может дать детям христианских навыков, а напротив, растит в бытовых и отчасти даже религиозных навыках и понятиях языческих» [1, с. 91].

Именно священники вплоть до реформ 60–70-х гг. XIX в. являлись практически единственными основателям школ в своих приходах. Причем очень часто это было результатом личной инициативы священнослужителя и редко поощрялось. Так, здание первого в Марийском крае сельского училища было построено в село Морки Царевококшайского уезда в 1820 г. на средства местного священника Якова Андреевича Смирнова, который был назначен надзирателем данного учебного заведения [2, с. 151].

Открывая церковноприходские школы в «новокрещенных» приходах, церковь ставила своей целью через обучение русскому языку приобщить марийцев к христианству. Особенно остро этот вопрос был поднят после того, как до Николая I дошли сведения о крупных молениях марийцев в 1827 г. [3, с. 48].

Для активизации миссионерской деятельности в 1830 г. в Казанской епархии была учреждена православная миссия. Естественно, главные миссионерские функции были возложены на сельских священников, а одним из основных путей приобщения к христианству стало открытие школ. Однако марийцы неохотно отдавали своих детей в церковноприходские школы, «подтверждением чему служит факт открытия лишь одного Шиньшинского училища в Царевококшайском уезде в период с 1838 по 1846 гг.» [2, с. 154].

Конечно, священники были заинтересованы в том, чтобы марийское население отказалось от веры своих предков и обратилось к христианству. На практике получалось, что

многие из прихожан по бумагам числились христианами, а по факту оставались язычниками и посещали непонятную и чуждую для них церковь крайне редко. А от этого напрямую зависело материальное благополучие священно- и церковнослужителей.

Вопросы содержания приходского духовенства в период кон. XIX — нач. XX вв. были одними из самых сложных и проблематичных. Главные заботы о материальном благополучии сельского духовенства ложились на прихожан. Именно прихожане должны были выплачивать ругу — «годовое содержание попу или причту от прихода, деньгами, хлебом или припасами, по уговору, или по положению» [4, с. 108]. Но сбор руги для священнослужителей марийских приходов был непростым делом. Не усвоившие христианства, будучи христианами только по имени, марийские крестьяне не всегда дружелюбно относились к выплатам духовенству. Под разными предлогами они оттягивали выплаты или вообще отказывались платить под предлогом «что сие условие чинено не ими, а их предками» [5, с. 133].

Еще одним источником дохода приходских священников была плата за тербоисправление, то есть за те обряды, которые совершались в церкви. И здесь между приходскими священниками и сельскими жителями не все было благополучно. Церковному руководству часто приходилось разбирать жалобы марийских прихожан на чрезмерные сборы за требы, которые часто превосходили аналогичные показатели в русских приходах. Данный факт, в определенной мере, скорее всего был связан с регулярной недоплатой ружных выплат, что заставляло священнослужителей завышать сборы за совершение церковных обрядов.

Действительно, русским священникам в марийских приходах было очень непросто. Мало кто из них знал марийский язык, или хотя бы стремился его изучить. Таких подвижников были единицы. Лишь во второй половине XIX в. появляются священно- и церковнослужители — выходцы из

марийского народа, носители языка. Благодаря знаменитой системе Н. И. Ильминского, в основу которой было положено приобщение к христианской религии через родные языки нерусских народов Поволжья, часть марийского населения сознательно начинает принимать православную веру, постепенно отказываясь от языческих обрядов. Но следует сказать, что и сегодня часть марийского народа осталась верна вере своих предков и именно марийцев называют «последними язычниками Европы».

Судьба же приходских священников Марийского края в кон. XIX — нач. XX в. была непростой и противоречивой. Значительная их часть вынуждена была жить среди людей с другими представлениями о мироздании и смысле жизни. Однако священнослужители в своем большинстве подавали положительные примеры жизнедеятельности и являлись проводниками посвящения и культуры среди марийского населения.

Список литературы

1. Собрание правил, законоположений и распоряжений Святейшего Синода о церковноприходских школах и школах грамоты, с присоединением программ учебных предметов для церковноприходских школ. — Вятка, 1892. — 67 с.
2. *Васина С. М.* Приходское духовенство Марийского края в XIX — начале XX веков. — Йошкар-Ола : МарГТУ, 2006. — 204 с.
3. *Иванов А. Г.* Всемарийское языческое моление 1827 г. и действия властей // Марийский археографический вестник. — Йошкар-Ола, 1998. — Вып. 8. — С. 48–75.
4. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / Владимир Иванович Даль. — М. : Рус. яз. — Медиа, 2003. — Т. 4 — 688 с.
5. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. 165. Оп. 1. Д. 320. Л. 55.

**ПАТРИОТИЧЕСКОЕ СЛУЖЕНИЕ
ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА
УФИМСКОЙ ЕПАРХИИ В 1914–1915 гг.:
ПО МАТЕРИАЛАМ ЦЕРКОВНОЙ
ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ**

Павлова О. С.

Стерлитамак, филиал Башкирского
государственного университета

Аннотация. В статье на материалах церковной периодической печати, в частности, «Уфимских епархиальных ведомостей» рассматривается деятельность православного духовенства Уфимской епархии по оказанию помощи фронту и тылу в годы Первой мировой войны. Усилиями епархиального духовенства был организован сбор средств на нужды фронта, открыты госпитали для раненых солдат, прибывших в Уфимскую губернию, обеспечены жильем и всем необходимым семьи солдат и беженцев. Активное участие уфимское епархиальное духовенство принимало в воспитании патриотических чувств в обществе проповеднической деятельностью и личным примером.

Ключевые слова: Первая мировая война; патриотизм; служение; духовенство; Уфимские епархиальные ведомости.

Начало Первой мировой войны было ознаменовано широким патриотическим подъемом среди населения Российской империи. Способствовала этому и активная позиция Русской Православной церкви, которая с первых дней войны задействовала все свои силы для оказания помощи фронту

и тылу. Святейший Синод в августе 1914 г. издал особый указ, в котором призывал монастыри, церкви и прихожан жертвовать «на врачевание раненых и больных воинов», собирать средства в пользу Красного Креста и т. п. [1, л. 24–26]. Этот призыв нашел живой отклик во всех епархиях страны, в том числе и со стороны уфимского епархиального духовенства.

Так, 6 августа 1914 г. Епископ Уфимский и Мензелинский Андрей организовал собрание духовенства и церковных старост Уфы с целью обсудить вопросы о подготовке помещений под госпитали для раненых и больных воинов и об организации в приходах помощи семьям лиц, находящихся в войсках. По результатам заседания были приняты следующие решения: под госпитали предлагалось отвести больницу Уфимского благовещенского женского монастыря и больницу Уфимского мужского духовного училища. Было принято решение установить ежемесячные взносы от духовенства Уфы [2, л. 30–31]. Об организации помощи семьям воюющих на фронте, отмечалось, что в некоторых приходах губернии организацию помощи должны были взять на себя местные церковно-приходские попечительства, поэтому создание особых попечительных советов предлагалось предоставить на усмотрение причтов и церковных старост, но с условием ежемесячной подробной отчетности и тех и других епархиальному начальству [3, с. 291–292].

Духовенство епархии должно было содействовать организации в своих приходах полевых работ, а в случае затруднения обращаться за содействием к участковым земским начальникам. Настоятели и настоятельницы всех монастырей епархии также должны были организовать (трудами братьев и сестер обитателей) обработку окрестных полей семьям взятых на войну лиц. Отметим, что такая помощь со стороны духовенства и монастырей должна была оказываться всем нуждающимся без различия вероисповедания. Настоятельницы всех монастырей епархии должны были выяснить у местных земских управ сведения о возможности

организовать краткосрочные опытные курсы по уходу за больными и ранеными для сестер обителей, а в случае положительного решения вопроса, командировать для такого обучения до пяти наиболее способных сестер от каждой обители. Все женские монастыри обязывались принимать и в кратчайший срок выполнять все заказы Красного Креста по шитью одежды [4, с. 214–215].

Согласно свидетельствам отчетов о деятельности Уфимской епархии на конец октября 1914 г. указывалось, что монастыри епархии все без исключения продолжают исполнять работы по изготовлению белья для Красного Креста, земских и городских организаций, командируют сестер для ухода за ранеными воинами в местных городских лазаретах. Некоторые из монастырей оказывают и материальную помощь семьям лиц, призванных в ряды войск. Например, Алексеевский мужской монастырь Стерлитамакского уезда сложил с нескольких из указанных семейств долги как денежные, так и натурою — хлебом, зерном и овощами, и в настоящее время оказывает пособие сеном и соломой для прокорма скота [5, с. 486]. В отчете отмечалось, что все благочинные епархии свидетельствуют о весьма большой отзывчивости населения в оказании посильной помощи, что жертвуют и богатые, и бедные, приносят в условленный пункт, чаще к храму, кто что может: деньги, одежду, хлеб, овощи, сено, соломой и т. п. Поскольку пожертвования были значительными, то после раздачи остатки, по желанию всех жертвователей, направлялись в Красный Крест или в городские лазареты. Сверх указанных выдач, некоторые попечительства и советы оказывали посильную помощь на самый необходимый ремонт деревенских построек для приведения их в годное для жительства состояние, снабжали учебными пособиями детей школьного возраста. Так, попечительный совет Златоуста оказал пяти семьям лиц, служащих на заводах помощь на сумму 27 руб., для выезда семейств на родину [5, с. 487–488].

В целях пропаганды патриотических настроений в обществе, в «Уфимских епархиальных ведомостях» появилась новая рубрика под названием «Из газет» (а с 1915 г. она стала называться «С войны»), на страницах которой приводились красноречивые свидетельства проявленных русскими солдатами и офицерами мужества и героизма в тылу и на поле боя. Эти очерки были напечатаны под заголовком «Из боевых встреч» [4, с. 374–375; 5, с. 382–384; 3, с. 229–233]. В 20 номере ведомостей были опубликованы тексты гимнов стран-союзниц России в Первой мировой войне [6, с. 380–382]. Также появилась серия статей, свидетельствующих, со слов очевидцев, об уникальных примерах мужества православных священников, которые словом веры вдохновляли солдат в самые тяжелые моменты их жизни (статьи «Крест на войне», «Родные звуки», «Спаси пришел...», «Атеист») [6, с. 383–387]. Отдельной тематической линией шли статьи, посвященные героизму и мужеству священнослужителей, проявленных на поле брани или на оккупированных врагом территориях. Отметим: «Стойкость священника», «Православные пастыри», «Духовенство и война», «Герои-пастыри» [4, с. 374–375; 5, с. 490–492; 7, с. 62–64; 8, с. 127–128]. Данные факты стали основанием тому, что Святейший Синод заявил о намерении собрать сведения о деятельности православных священников в этой войне для издания книги с описанием их служения и подвигов.

Таким образом, духовенство Уфимской епархии в годы Первой мировой войны приняло активное участие в организации помощи больным и раненым воинам, их семьям, а также беженцам и сиротам. Значительной была его роль и в воспитании патриотических чувств и настроений в обществе, что нашло отражение не только в проповеднической деятельности, но и в личном примере.

Список литературы

1. НА РБ (далее — Национальный архив Республики Башкортостан). Ф. И-112. Оп. 1. Д. 57. Л. 24–26.
2. НА РБ. Ф. И-112. Оп. 1. Д. 89. Л. 30–31.
3. Уфимские епархиальные ведомости. — 1914. — № 19. — 1 окт.
4. Уфимские епархиальные ведомости. — 1914. — № 17 — 1 сент.
5. Уфимские епархиальные ведомости. — 1914. — № 23. — 1 дек.
6. Уфимские епархиальные ведомости. — 1914. — № 20. — 15 окт.
7. Уфимские епархиальные ведомости. — 1915. — № 2. — 15 янв.
8. Уфимские епархиальные ведомости. — 1915. — № 3. — 1 февр.

СТАЛИНГРАД — ОБРАЗ ПАМЯТИ НАРОДА И СИМВОЛ ПОБЕДЫ

Аншакова А. А.

Самарский государственный институт культуры

Аннотация. В статье рассмотрены ключевые и переломные моменты жизни Сталинграда в период Великой Отечественной войны. Труд, героизм, упорство, сплоченность, любовь к своей стране — главные ценности, которыми руководствовались защитники города. В Сталинградской битве прославились многие герои, как в тылу, так и на фронте. В наше время Волгоград (Сталинград) является городом исторической славы, образом героической памяти народов нашей страны.

Ключевые слова: Сталинград; Великая Отечественная война; патриотизм; подвиги; герои; город-музей.

Сталинград — город-герой, расположенный на великой русской реке Волга, где состоялась в 1942 г. кровавая и героическая Сталинградская битва. За годы войны город значительно опустел, потерял много жизней, но, несмотря на это, в 1943–1944 гг. Сталинград начал свое восстановление. Жители города снабжали фронт необходимой продукцией, большая часть промышленных предприятий, заводов возобновили свою работу, восстанавливалась городская инфраструктура, медицинские учреждения [1, с. 76].

Великая Отечественная война (1941–1945 гг.) — самая сложная и драматичная страница в истории нашей страны, которую никогда не забудут. Нет ни одной семьи, мимо

которой война прошла стороной. Народы нашей страны страдали, но лишь сплочение, труд и стремление к победе помогло советским людям спасти свою Родину. История войны содержит примеры крупных сражений, великих подвигов, настоящих героев, которые сражались за свою землю, их мы будем помнить всегда, для нас они бессмертны. Множество городов и областей впитали в себя кровь отважных бойцов, сумели противостоять фашистским войскам, разгромив и уничтожив их, а затем получили достойное звание города-героя. Сталинград — один из самых значимых городов-героев нашей страны.

Одно из важнейших генеральных сражений Великой Отечественной войны между Красной армией и вермахтом — Сталинградская битва. Она проходила с 17 июля 1942 по 2 февраля 1943 г. По своим масштабам битва превзошла все сражения прошлого. В противостоянии на Волге участвовали свыше двух миллионов человек, двадцать шесть тысяч орудий и минометов, более двух тысяч танков и около двух тысяч самолетов. Огромны были потери обеих сторон. Целью немецкого наступления был захват большой излучины Дона, волгодонского перешейка и Сталинграда. Если бы фашисты воплотили свой план в реальность, то это привело бы к блокировке транспортного сообщения между центральными районами СССР и Кавказом. Также это создало бы плацдарм для дальнейшего наступления с целью захвата кавказских месторождений нефти. За короткие сроки Красной Армии удалось заставить немцев увязнуть в оборонительных боях, окружить группировку немецких войск, в результате операции «Уран» сжать кольцо окружения. Наряду с боеспособной техникой, вооружением, важную роль также сыграло моральное состояние народа, сила и воля духа. Ведь именно в таких суровых условиях формировалось мужество, стойкость, доблесть, патриотизм.

В 2020 г. исполнилось 75 лет Победе советского народа в Великой Отечественной войне. Казалось бы, прошло

достаточно времени, чтобы выявить причины и последствия войны, проанализировать ход событий, установить виновных в развязывании мирового конфликта и выучить его уроки [2, с. 251]. Народ СССР заплатил высокую цену за право на жизнь. Наше поколение должно помнить это и быть благодарными за мирное небо над головой. В последние десятилетия в зарубежных СМИ часто принижают роль Советского Союза, советских солдат во Второй мировой войне, распространяются исторические концепции, призванные обесценить Победу СССР, уравнивать роль нашей страны с германским фашизмом в развязывании войны. Многие отечественные историки ведут борьбу с такими фальсификациями [3; 4]. Ценой самопожертвования, проявляя беспримерное мужество и героизм, советские люди разгромили захватчиков и освободили Родину от врага. Победа в войне — это гордость для страны и потомков.

В современном мире очень важно помнить о том, какой ценой досталась Великая Победа советскому народу. В День Победы, который ежегодно отмечается 9 мая, проводится множество митингов и мероприятий, посвященных войне, например, «Бессмертный полк», возложение цветов к обелискам героев и т. д. Нужно по возможности помогать ветеранам, которые еще живы, так мы можем показать свое уважение и почтить память тех, кого с нами уже давно нет.

Победа в Сталинградской битве ознаменовала коренной перелом в ходе войны против фашистов. Подвиги солдат вызвали небывалый патриотический подъем не только на полях сражений, но и в тылу. «За оборону Сталинграда» — именно такими медалями и орденами были награждены свыше 800 тысяч солдат. Звание Героя Советского Союза получили около 308 воинов. Советские Вооруженные Силы в ходе Сталинградской битвы проявили массовый героизм, показали свое превосходство над гитлеровским вермахтом. Опираясь на всенародную поддержку, на крепкий тыл и неисчерпаемые ресурсы социалистического государства, Красная

Армия не только выдержала натиск опасного и сильного противника, но и в ходе оборонительных сражений усилила свою мощь, а затем добилась коренного перелома в тяжелой борьбе [5, с. 87]. Это заслуга не только солдат, готовых умирать за свою Родину. Свою лепту внесло и мирное население: врачи и медсестры, без страха перед смертью спасавшие жизни воинов под артобстрелами; рабочие, стоявшие у станков круглые сутки ради обеспечения армии; в конце концов, простые жители деревень, обеспечивающие тыл и фронт продовольствием, скрывавшие в своих подвалах советских бойцов от немцев. Все это вместе взятое и составляло мощь нашей армии, отразившей натиск захватчиков и спасшей нашу страну. Многие герои Сталинграда — В. И. Чуйков, В. Г. Зайцев, Я. Ф. Павлов — широко известны, память о них бережно хранится новыми поколениями. Вместе с тем было множество других советских граждан, прославивших навеки свои имена.

Максим Александрович Пассар — снайпер. Его необычная фамилия переводится с нанайского языка как «меткий глаз». Слава об отважном нанайце, у которого была редкая способность видеть в темноте как днем, сразу разнеслась по полку, а позже перешла за линию фронта. К октябрю 1942 г. «меткий глаз» был признан лучшим снайпером Сталинградского фронта, также он был восьмым в табели лучших снайперов Красной Армии. К моменту гибели Максима Пассара на его счету было 234 убитых фашиста. Немцы боялись меткого снайпера, называя его «дьяволом из гнезда чертей». Снайпер был дважды награжден орденом Красной Знамени, но звание Героя России он получил посмертно, в 2010 г.

Огромную роль на фронте играли медицинские работники. Наталья Александровна Качуевская добровольно пошла на фронт медсестрой в 19 лет. Вынесла с поля боя 79 солдат. В одном из боев за Сталинград, попав в окружение с 45 бойцами, она не только оказывала раненым медицинскую помощь, но и стреляла в фашистов. Когда враги приблизились,

подпустила их близко к себе и взорвала гранату. Вместе с ней погибло 10 фашистов. В 1997 г. ей было посмертно присвоено звание Героя России. Зинаида Ивановна Маресева выносила раненых к переправе через Волгу, а после — стала разведчицей, погибла, возвращаясь с задания на минном поле. Посмертно ей было присвоено звание Героя Советского Союза, как и целому ряду медицинских работников — сержанту медслужбы М. С. Боровиченко, санинструктору стрелковой роты В. О. Гнаровской, санитару стрелковой роты Н. С. Кащеевой, военфельдшеру кавалерийского полка Х. Л. Якупову. Орденом Ленина были награждены более 20 медиков-сталинградцев [6, с. 45].

Борьбу с фашистами вело и мирное население, в тылу немцев воевали партизанские отряды. В захваченном гитлеровцами хуторе Вербовка Калачевского района действовал «босоногий гарнизон». Бойцами его были хуторские ребята десяти–четырнадцати лет: братья Аксён и Тимофей Тимонины, Василий и Николай Егоровы, Максим Церковников, Федор Силкин, Емельян Сафонов и другие — всего 20 человек. Они, как могли, боролись с захватчиками. В один из дней был совершен дерзкий налет на почту и похищены мешки с ценными документами и письмами. Стало известно в хуторе и об исчезновении продуктов из хорошо охраняемого немецкими часовыми амбара. Пропадало оружие. Все это вселяло страх и сеяло панику среди фашистов. В колхозах и совхозах в прифронтовой зоне трудилось более 100 тыс. учащихся. Пионерские звенья и бригады с утра до вечера собирали колоски, очищали на токах зерно, сгребали сено, копнили его, ухаживали за животными, доили коров. Особо отличились Тося Антипова, Юра Михайлов, Рая Алексинская [7, с. 87].

Таким образом, Сталинград — один из тех городов, который, несмотря на все тяжелые условия, смог отбить противника. Смог продемонстрировать сильный дух своего народа. Благодаря сплоченности и высокому уровню патриотизма

граждан, СССР одержал Победу над фашистскими захватчиками и показал мощь своего государства и народа на мировой арене [8, с 308]. Сегодня город Волгоград (Сталинград) является не просто одним из крупных городов Поволжья. Это — город-музей, призванный сохранить память войне 1941–1945 гг. для потомков. Крупнейший мемориальный комплекс «Сталинградская битва» стал примером того, как в рамках городского пространства на берегу Волги можно представить объект культурного наследия, выполняющий очень важную задачу — в простых и ясных формах рассказать о подвиге советского народа в Великой Отечественной войне.

Список литературы

1. *Самсонов А. М.* Сталинградская битва. — М. : Наука, 1989. — 627 с.
2. *Чирков М. С.* «Произвольные границы, начерченные диктаторами» : попытки ревизии роли СССР во второй мировой войне // Завершение коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны : проблемы исследования и сохранения исторической памяти : Междунар. науч.-практ. конф. — Оренбург : Оренбургский государственный педагогический университет, 2018. — С. 251–255.
3. *Чирков М. С.* В поисках исторической правды : фальсификации истории Великой Отечественной войны на рубеже XX–XXI вв. // Мир Евразии : от древности к современности : сб. мат. Всерос. науч. конф. — Уфа : Башкирский государственный университет, 2019. — С. 238–245.
4. *Чирков М. С.* Великая Победа в современном массовом сознании : к проблеме исторической памяти на пространстве бывшего СССР // Приграничный регион в историческом развитии: партнерство и сотрудничество : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию Победы советских и монгольских войск на реке

- Халхин-Гол. — Чита : Забайкальский государственный университет, 2019. — С. 152–154.
5. *Тернер Дж.* Сталинград день за днем. Величайшая победа над смертью. 1942–1943. — М. : Центрполиграф, 2013. — 189 с.
 6. *Смирнов Е. И.* Война и военная медицина : мысли и воспоминания — М. : Медицина, 1976. — 463 с.
 7. *Локтионов И. И.* Волжская флотилия в Великой Отечественной войне. — М. : Воениздат, 1974. — 182 с.
 8. *Якунин В. Н.* Патриотизм в системе ценностей советского руководства накануне и в годы Великой Отечественной войны // *Личность. Общество. Государство : проблемы развития и взаимодействия* : сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. — Краснодар : Кубанский государственный университет, 2019. — С. 303–308.

**АРХИТЕКТУРНО-ЛАНДШАФТНАЯ
СРЕДА ГОРОДА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ
В ИСКУССТВЕ**

ГЕНПЛАН И ОБРАЗ СИБИРСКОГО ГОРОДА, НА ПРИМЕРЕ КРАСНОЯРСКА

Крушлинский В. И.

Красноярск, Сибирский федеральный университет,
Институт архитектуры и дизайна

Аннотация. В статье поднимается проблема проектирования генплана города и определения в нем значимых территорий для размещения центральных ансамблей, набережных, общественных пространств, элементов экологического каркаса города, промзон и главных магистралей города. Предлагается включить в план стратегии развития города реконструкцию территорий трущоб и разрушенных промплощадок, мероприятия по улучшению экологии. Особо подчеркивается изучение и учет в проекте генплана уникальных природных условий, достопримечательностей ландшафта, сложившихся архитектурных ансамблей.

Ключевые слова: генплан города; экологический каркас; образ города; стратегия развития; трущобы; промзоны; плотность застройки.

Исторически города Сибири сложились на больших реках при впадении малых рек, окруженные горами, степями, разнообразными и богатыми ландшафтами. Развитие происходило волнами: сначала остроги, с последующими посадками и гужевыми дорогами, позже Московским трактом, строительством Транссиба и огромных мостов через сибирские реки. С железной дорогой началось интенсивное промышленное освоение Сибири и развитие сибирских городов.

Значительными «поправками» к развитию были многочисленные пожары в деревянном городе. Интенсивное развитие промышленности началось в период индустриализации, которое еще больше ускорилось во время эвакуации промышленности во время Великой Отечественной войны [1, с. 9].

Еще более значительным и целенаправленным оказалось развитие предприятий, уже как научно-производственных объединений, в послевоенное время. К примеру, в Красноярске было размещено более дюжины крупнейших заводов, с поселками для работников, большая часть которых была порушена в 1990-е гг. Некоторые бывшие промплощадки занимаются лишь мелким бизнесом или многоэтажным жильем.

Многие сибирские города до сих пор представляют собой несколько разросшихся поселков при крупных заводах. Массовое индустриальное строительство 1960–1980-х гг. резко изменило облик крупных городов: появились новые микрорайоны, возросла этажность застройки, качество зданий стало определяться качеством изделий домостроительных комбинатов, и лишь в последнее время стало выполняться качественное благоустройство и отделка. Микрорайоны, построенные в советское время, обеспечивались строительством детских садов и школ. Увеличение проектных работ потребовало создание десятков проектных институтов.

На протяжении многих лет институтом Красноярскгражданпроект, руководством города и края проводилась градостроительная политика формирования новых крупных ансамблей в городе, в том числе на набережных. Появился оперный театр с театральной площадью (архитекторы А. С. Демирханов, К. Ф. Неустроев, А. С. Брусянин), предместная площадь (Э. М. Панов, В. Веретнов, А. Матнин), ансамбль на Стрелке с Большим концертным залом, музеем имени Ленина (КИЦ), институтом КатэкНИИ, гостиницей «Метрополь» (А. С. Демирханов, В. В. Орехов, Н. В. Петрова, В. К. Шадрин) и т. д. [2, с.18, 22, 50].

В конце 1970-х гг. Правительством России и руководством Красноярского края был проведен всесоюзный конкурс на проект ТЭО Нового центра Красноярска, что было связано с бурным ростом и развитием крупнейшего промышленного и научного центра Сибири. Участвовали более десяти центральных и региональных проектных и научных институтов. По результатам такой грандиозной работы было составлено техническое задание для института Красноярскгражданпроект (гл. арх. проекта В. Крушлинский). Место для нового центра было отведено на территории бывшего аэропорта, по рекомендации предыдущего генплана. Территория включала около двадцати новых микрорайонов, новую набережную, связь исторического центра и района «Аэропорт». Была сделана корректировка генплана, запроектирован новый Николаевский мост, а также схема метро с различными вариантами развития. Параллельно проектировалась новая центральная площадь с Дворцом Советов (арх. В. И. Ульянов) и выходом на набережную, зелеными диаметрами и крупными общественными зданиями. На очередном градостроительном совете по новому центру главой края П. С. Федирко было предложено разработать проект зоны массового отдыха для горожан на острове Татышев, что и было выполнено в комплексе [1, с. 114]. К сожалению, в 1990-е гг. территории, предполагаемые под зеленые диаметры, были застроены типовым жильем, а главная площадь была занята ледовым спорткомплексом для Универсиады-2019.

Особое влияние на качество городской среды имеет экологическая проблема, которая связана с невыполнением нормативов по озеленению в генплане, с применением в промышленности устаревших технологий, загрязняющих не только производство, но и растущий город. Хронически не решаются проблемы утилизации все возрастающего количества мусора, «хромает» и уборка территорий. Отрицательный пример эпидемий подтверждает связь этих проблем с большой плотностью населения, непомерными размерами

и неконтролируемым ростом городов. Нередко на территории миллионного города отсутствует единая ливневая канализация, что при низкой мощности очистных сооружений загрязняет реки. Необходима разработка проекта экологического каркаса города, а также конкретных рекомендаций для улучшения качества среды города [3, с. 37].

До сих пор нет четких рекомендаций по степени автомобилизации города, идет бесконтрольный процесс увеличения количества автотранспорта. На практике зеленые насаждения рассматриваются как скрытый резерв для автостоянок, торговых предприятий, общественных медицинских учреждений. На жилых территориях появление подземных парковок ограничивается их высокой стоимостью. Это говорит о необходимости разработки новых нормативов по плотности застройки и озеленения.

В последнее время остро поднялась проблема этажности застройки и использования типовых многоэтажных домов. Последствия этих проблем: затенение дворов, нарушение инсоляции, отсутствие благоустройства. Возникает необходимость корректировки нормативов по плотности и по индивидуальной форме зданий, каждое из которых может формировать свое пространство.

Отдельно стоит разрешить проблему трущоб, количество территорий которых в сибирских городах доходит до половины. Это очень серьезная социально-экономическая и градостроительная задача, от которой много десятилетий открещивалась власть под предлогом нехватки средств. Это говорит только о необходимости другой экономической политики. То есть уже сегодня необходимо объявить конкурс на разработку планировки территорий трущоб, с расчетом стоимости вариантов частно-государственного партнерства. Похожая проблема использования бывших промплощадок и большепролетных зданий, которые там еще есть. Пока опыт подсказывает, принимаются скороспелые решения, строительство типового жилья — и опять без школ и детских

садов. Все это не способствует улучшению качества среды [4, с. 24].

В 1970–1980-е гг. проектировали так называемые «пятилетки» к генплану города, что было связано со значительным ростом сибирских городов, их развитием. К примеру, Новокузнецк, Братск, Кемерово и др. корректировали свои генпланы по многу раз по мере строительства промпредприятий и жилья. Сегодня другая ситуация, но при ее анализе корректировка генпланов необходима, тем более к 400-летию Красноярска. Подобная ситуация с экологией, трущобами, бывшими заводами и в других городах Сибири, где также, согласно закону 172-ФЗ «О стратегическом планировании», требуется приступить к корректировке генплана на основе серьезных социально-экономических программ по улучшению качества среды.

По рекомендации Президента РФ в Красноярске было возобновлено строительство метро, которое в линейном городе снимет около трети пассажиропотока, что и было отмечено еще в обосновании строительства (Краноярскгражданпроект, 1986 г.). Остается запроектировать пересадочные узлы на другие виды транспорта и откорректировать перспективные направления в связи с изменением направлений потоков и развития города. По результатам визита Президента РФ в институт леса КНЦ СО РАН для решения экологических проблем была сформирована лаборатория экоурбанистики. Начало для изучения экологии города, при всех сложностях комплекса природных климатических условий Сибири, было положено. Здесь надо отметить, что еще в 1980-е гг. институтами ПромстройНИИпроект и Краноярскгражданпроект (ГИП Калинина С. Е., ГАП Крушлинский В. И.) был выполнен проект охраны природы города, что тогда называлось ТЕРКСОП. В той работе нам удалось составить схему загрязнений в городе, выйти на схему экологического каркаса города с увеличением количества озеленения (совместно с Красноярским Гидрометцентром). По результатам работы

было разработано техническое задание для нового генплана города (институт Ленгипрогор) [5, с. 102]. Уже тогда стало понятно, что некоторые районы города надо разуплотнять, добавлять зеленые территории, так необходимые для города, что всем промпредприятиям необходимо выполнить проекты охраны природы города в своей зоне влияния, что все природные леса города, попавшие в его структуру либо в контактную или буферную зону, следует перепроектировать в лесопарки, разумеется, на основе расчета экологической емкости и устойчивости территорий.

В отечественном градостроительстве немало ярких примеров формирования крупных ансамблей на стадии генплана. При этом некоторые ансамбли создавались веками, дополнялись и украшались по нескольку раз, собирая иногда мастерство поколений талантливых архитекторов. Существует мнение, что во время массового строительства при ограниченной «палитре» возникают большие трудности формирования ансамблей. Эти трудности можно преодолеть, если при разработке генплана расширить палитру, привлекая не только этажность зданий и материал стен, но и ориентацию на доминирующие элементы ландшафта, местные природные условия, высокие видовые точки, набережные и берега огромных и небольших рек, озеленение и формы горного окружения города, а также разностью отметок рельефа и др.

Город — самая сложная и самая гениальная система, придуманная человечеством, но и самая опасная, что подтверждается всевозможными эпидемиями, пожарами, революциями и экологией. И лишь глубоко погружаясь в историю города и ее влияние на ландшафт, анализируя варианты развития, можно сформулировать основы образа города и делать выбор вариантов развития.

Подведем итоги. Бурное развитие городов, процесс вынужденной урбанизации, большое количество необходимых проектных работ и опора на тотальный функционализм

привели к неполноценному качеству среды, к типовому характеру застройки. В проектах генпланов городов мало внимания уделяется художественному качеству среды, и детальному учету местных условий и особенностей, часто такого раздела нет и в техническом задании. Перед разработкой генплана необходимо выполнить научно-исследовательскую работу с детальным изучением местных условий и индивидуальных достопримечательностей, с разработкой рекомендаций к проектированию. Необходима корректировка нормативов по плотности застройки и этажности, по озеленению и благоустройству. Для миллионных городов, возможно, вернутся перед разработкой генплана к выполнению стадии проекта ТЭО или ПЗ, с обязательной аналитической и научной частью, с включением их в техническое или проектное задание.

Список литературы

1. *Крушлинский В. И.* Лицо сибирского города. — Красноярск : Изд-во «Кларетианум», 2004. — 200 с.
2. *Крушлинский В. И.* Мастера архитектуры Красноярска. — Красноярск : СФУ, 2019. — 104 с.
3. *Крушлинский В. И.* Город и природа Сибири. — Красноярск : КГУ, 1986. — 230 с.
4. *Крушлинский В. И., Сарченко В. И.* Генплан и качество среды города. — Красноярск : СФУ, 2014. — 124 с.
5. *Крушлинский В. И.* Основы теории и практики развития города. — Красноярск : СФУ, 2016. — 218 с.

ОБРАЗ СУРГУТА В ПРОЕКТЕ ЕГО ПЕРВОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО ПЛАНА

Прищепа А. И.

Сургутский государственный университет

Аннотация. В статье представлено исследование процесса разработки и содержания первого Генерального плана Сургута, подготовленного во второй половине 1960-х гг. в связи с началом промышленного освоения Западно-Сибирской нефтегазовой провинции. Отмечаются причины различных проектно-изыскательских подходов к его формированию, наличие концептуальных дислокационных и структурных альтернатив в ходе утверждения проекта плана. Особое внимание уделяется отражению общественного мнения горожан о необходимости сохранения в проекте нового города исторического образа «Старого Сургута».

Ключевые слова: планирование; архитектор; институт; застройка; историческая память; строительный объект; благоустройство; промышленная зона; городская инфраструктура.

В истории градостроительного проектирования на Севере Западной Сибири можно выделить период «возникновения и последовавший за ним период «становления» [1, с. 8]. Применяя к Сургуту этот алгоритм, можно утверждать, что здесь первый период продлился до 1970 г., когда был утвержден первый «Генеральный план застройки города». Отличие второго от первого этапа заключается в повышении степени управляемости этим процессом, когда появились согласованные, утвержденные схемы и проекты районных

планировок. До этого же такая планируемая управляемость в значительной степени являлась номинальной, поскольку реализация градостроительных планов оставалась за ведомствами. Оперативные решения зачастую учитывали только текущие обстоятельства, что усложняло задачи на следующих этапах проектирования, вводило новые условия в процесс его дальнейшего научного поиска.

Открытие Мегионского и Усть-Балыкского месторождений нефти в 1961 г. являлось, казалось бы, убедительным аргументом в пользу наличия в Западной Сибири крупной энергетической базы углеводородного сырья. Однако руководство страны не спешило форсировать события. Постановление Совета Министров СССР, в котором правительство официально признало обнаружение в регионе нефтяных и газовых месторождений значительной нефтегазоносности, было принято только в мае 1962 г. В нем содержалась их весьма сдержанная оценка, которая не отражала корректировки предшествующей экономической политики развития топливно-энергетического комплекса СССР. Открытые нефтегазовые месторождения не рассматривались еще как предвестники рождения новой Западно-Сибирской топливно-энергетической провинции и, тем более, доминирующей и безальтернативной. В этом же постановлении вполне определенно указывались факторы, не позволявшие в то время сосредоточиться на организации новой крупной базы поисковых и разведочных работ. Они были связаны с природно-климатическими условиями освоения этой территории и слабой технической оснащенностью геологоразведочных организаций [2, л. 76].

Гораздо решительнее и активнее, по понятным причинам, на потенциальную перспективу развития нефтегазового производства в Ханты-Мансийском национальном округе реагировал Тюменский областной комитет КПСС во главе с Б. Е. Щербиной. В декабре 1961 г. он представил докладную записку в адрес ЦК КПСС. Щербина констатировал

открытие в Тюменской области нефтегазоносной провинции с большими потенциальными запасами нефти и газа, но и ставил вопрос о значительном увеличении объемов геологоразведочных работ для организации в ближайшие годы нефтедобывающей и газовой промышленности [3, с. 199].

Отсутствие определенности в оценке объемов открытого углеводородного сырья затрудняли работу по проектированию моделей и формированию образов новых городских поселений, призванных обеспечить размещение прибывающих трудовых ресурсов нефтяников, газовиков и строителей.

Строительство Сургута в первой половине 1960-х гг. начиналось с выбора площадки и планового размещения на ней первоочередных объектов производства, жилья, дорог, инженерных сетей, очистных сооружений. Нужно было сохранить для будущей капитальной застройки наиболее благоприятные и выразительные территории, зеленые массивы, наметить первоочередное и перспективное зонирование с определением промышленных, селитебных, коммунальных и иных территорий с тем, чтобы в дальнейшем при разработке генеральных планов эти отводы можно было органически включить в градостроительные решения. Большую работу в решении этих задач на начальном этапе проектирования Сургута сыграл институт «Башнефтепроект» (БашНИПИ-нефть) под руководством М. П. Мазина, коллектив которого имел большой опыт обустройства нефтяных территорий в Башкирии и Татарии [4, с. 156].

Проектный институт № 2 все будущие предприятия, названные министерствами, разместил на плане и двух зонах. В 10 км западнее Сургута, в «западном промышленном узле», должны были строиться деревообрабатывающие предприятия. На севере вдоль территории Старого Сургута, Черного Мыса в нескольких километрах планировалось размещение домостроительного комбината. Восточный промузел должны были составить предприятия по производству зданий и строительные организации, обслуживающие основные

потребности нефтяников. На восточной окраине этой территории, ограниченной речкой Черной, должна была строиться Сургутская ГРЭС, работающая на попутном нефтяном газе. Для расположения города оставалась полоса земли, включавшая массив территории от речного порта и рыбоконсервного завода до реки Кедровки вдоль основного русла реки Оби с охватом лесного массива, существующего аэродрома и застроенных территорий города — Старый Сургут, поселки геологов, строителей, нефтяников.

Другой вариант плана предусматривал застройку территории западнее реки Кедровки вдоль поймы Оби — между поселком Белый Яр и поселком НПУ «Сургутнефть» до западного промышленного узла между речкой Бардаковкой и болотом.

После того, как БашНИПИнефть разработал системы сооружений промышленных объектов и первых рабочих поселков, 22 февраля 1966 г. бюро Тюменского обкома КПСС на своем заседании утвердило план регулирования текущей застройки Сургута до 1970 г., представленный Московским проектным институтом «Гипрогор» [5]. В соответствии с его расчетами, численность населения города в 1970 г. должна была составить 60 тыс. человек. Весь объем нового капитального пятиэтажного жилищного строительства в размере 350 тыс. кв. метров и необходимые для него объекты соцкультбыта предполагалось разместить на свободных территориях между поселком нефтяников и западным промышленным узлом, т. е. растягивая город еще на добрый десяток километров западнее строящегося жилого района нефтяников. Как новая, так и существующая застройка, согласно плану, обеспечивались всеми видами инженерного оборудования и благоустройства: водопроводом, канализацией, энергоснабжением, дорожной сетью, озеленением и инженерной подготовкой.

«Гипрогором» были учтены замечания и рекомендации Сургутского райкома КПСС и горисполкома в части

уплотнения существующей застройки Сургута, а также выделения дополнительных территорий для двухэтажного и индивидуального жилищного строительства, соответственного росту численности населения этого района, а также увеличения объемов социально-культурного и бытового строительства.

Московский проектный институт № 2 являлся также автором плана Сургутского промышленного узла, представлявшего собой схему размещения предприятий, складских и транспортных сооружений. Основным видом городского общественного транспорта был принят автобус. П. А. Мунарев в своих воспоминаниях ошибочно датирует это решение 1967 г. [6, с. 67].

На основании принятого плана регулирования текущей застройки в Сургуте развернулось интенсивное оснащение площадок для массовой капитальной застройки города, оснащение их всеми видами инженерного оборудования, строительство общегородской магистрали от жилого района нефтяников до Черного Мыса.

Однако уже тогда город, еще не начав строиться, растянулся километров на 16–18. В 1969 г. побывавший в Сургуте журналист А. Нежный в очерке «Города, которые мы строили» писал: «Поселки старались ставить там, где поудобнее. Но Сургуту вышло от этого великое неудобство: его растянули вдоль Оби на 15 километров, и стал он как худосочный подросток, сердце которого не успевает перегонять кровь во все уголки слабого тела... Сургут вообще представляет собой город несколько несообразный. Станный город — где ни тронь, всюду больно» [7, с. 188].

Руководство и общественность города сначала робко, а затем все увереннее стали возражать против такого проекта «Гипрогора». Это мнение было рассмотрено в областном отделе архитектуры и исполкомом областного Совета депутатов трудящихся. «Гипрогору» было дано задание разработать генеральный план строительства города с учетом

этих замечаний. На споры и согласования ушло несколько лет. Одновременно в Госплане РСФСР его предполагаемую численность на перспективу до 1985 г. [5, л. 6–7].

К 1969 г. Московским проектным институтом «Гипрогор» был подготовлен «Генеральный план застройки города», руководителем авторского коллектива которого являлся П. П. Джишкариани [6, с. 67]. Этот план был рассчитан на 130 тыс. жителей. Он предусматривал строительство города на площадке между нынешним санаторием «Кедровый Лог» и поселком Белый Яр. На территории от «Кедрового Лога» до Старого Сургута, где уже начали обустраиваться первые пионерные базы нефтяников, газовиков и строителей, предполагалось разместить промышленную зону [8].

Однако и этот план застройки Сургута не удовлетворял старожилов города. Согласно ему город удалялся от Оби на 7 км заливной поймой, которая после весеннего паводка превращалась в болото. К растянувшемуся на 16–18 км городу добавлялось еще 10 км новой застройки. При этом уничтожался большой массив хорошего леса, в котором Сургут испытывал и без того большую потребность. Серьезные возражения вызывало непомерное растягивание всех инженерных коммуникаций и их большая удаленность от восточной промышленной зоны, речного порта и будущей ГРЭС.

Выражая их мнение, первый секретарь Сургутского горкома КПСС В. Бахиллов и председатель исполнительного комитета Сургутского городского Совета депутатов трудящихся П. Мунарев обратились в Тюменский обком КПСС с просьбой поменять площадку и перенести строительство города на территорию ныне существующего Сургута. В качестве аргумента ими выдвигалось наличие в то время на поселениях нефтяников, газовиков, строителей и энергетиков электро-, тепло- и водоснабжения, инженерных коммуникаций, дорог и канализации, «за которые можно было зацепиться» на начальном этапе масштабного городского строительства. После обсуждения позиции руководителей города сначала

в областном отделе архитектуры, а затем на заседании бюро Тюменского обкома КПСС «Гипрогору» было дано задание разработать новый генеральный план застройки города Сургута в уже сложившихся границах [10, с. 68].

Эту точку зрения активно поддерживал Главный архитектор Тюменской области 1960–1976 гг. Владимир Аввакумович Бешкильцев, который, понимая, что главной композиционной осью пространства, оказывающей решающее влияние на планировочную структуру нового города, является река Обь, категорически возражал против того, что траектория застройки города должна начинаться от железнодорожной станции и проходить в стороне от исторической территории Старого Сургута и настоял на том, чтобы в структуру Генерального плана вошел Старый Сургут [4, с. 251].

Он был окончательно утвержден на заседании Госстроя СССР в 1970 г. [6, с. 68] и отличался большой компактностью городской территории. В условиях Среднего Приобья требования к компактности застройки, сближению основных функциональных зон, сокращению транспортных и инженерных коммуникаций имели особое значение ввиду ограничения размеров и числа участков, пригодных для застройки, высокой стоимости освоения территории и строительства, а так же необходимости сокращения пути движения транспорта и переходов в суровых климатических условиях. В Сургуте на компактно застроенной территории легче было осуществлять благоустройство, особенно на первом этапе строительства. При этом удалось избежать обнажения больших поверхностей грунта, чрезмерного запыления и загрязнения города.

Список литературы

1. *Литвинов С. В.* Архитектурно-планировочное развитие городов Среднего Приобья (исторический анализ и

- решения) : автореф. дисс. ... канд. архитектуры. — СПб., 2007. — 25 с.
2. Государственный архив Тюменской области (далее — ГАТО). Ф. 814. Оп. 5. Д. 1249. Л.76 — 77 (об)
 3. *Комгорт М. В.* Открытие Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции и перспективы промышленного освоения ресурсного потенциала региона в 1960-е гг. // Вестник Томского государственного университета. — 2010. — № 331. — С. 77–81.
 4. История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. — М., 2004. — 511 с.
 5. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (далее — ГАСПИТО). Ф. 124. Оп. 182. Д. 18. Л. 6–7.
 6. *Мунарев П. А.* Так было, так начиналось... — Сургут, 1997. — 131 с.
 7. *Нежный А.* Города, которые мы строим : о проблемах градостроительства. Заметки публициста // Новый мир. — 1969. — № 10. — С. 188–206.
 8. *Мельниченко М.* Виктор Унжаков : «Я не делал карьеру. Я просто работал» // Сургутские ведомости. — 2003. — 10 нояб.

УСТЬЕВОЙ ПОРТ АРХАНГЕЛЬСК — «СТОЛИЦА РЕК, ЛЕСОВ И БОЛОТ»

Смирнова М. А.

Архангельск, Северный государственный
медицинский университет

Аннотация. В статье сделана попытка выявить основные факторы, повлиявшие на планировку города Архангельска и создавшие его узнаваемый образ. Это — природные условия, оборонное значение, хозяйственная деятельность, духовная жизнь. Историческое развитие города привело к изменению его функций, что повлекло за собой изменение образа. Эти процессы происходят сейчас.

Ключевые слова: городоведение; полифункциональный город; образ города; Архангельск.

Образ города складывается из очень многих элементов. Иногда город вырастает из более мелкого удачно расположенного поселения. А может сразу быть задуманным талантливыми зодчими как город, со своими специфическими функциями. В середине XVI в. главными функциями для многих городов, расположенных в пограничных зонах, были оборона и торговля. Иногда они дополнялись другими, в зависимости от географических условий или основной деятельности жителей. Из этого формировался «образ города», который занимал достойное место в общей картине страны. Но исторические события имеют сильное влияние на окружающий мир и могут изменить все, что вокруг, в т. ч. и «образ города».

Таков город Архангельск, возникший в последние годы правления царя Ивана IV (Грозного). Официальной датой

основания считается 1584 г., хотя сейчас ведутся малообоснованные споры по удревнению города [1, с. 5; 2]. Сохранилась царская грамота от 4 марта 1583 г., по которой Иван IV велел своим воеводам Петру Афанасьевичу Нащокину и Алексею Микифорову сыну Волохову, по прозвищу Залешанин, «город делати» на Северной Двине «наспех» пошными людьми «по росписи и по чертежу», что они и выполнили, «поставив одним годом» город вокруг стоявшего на мысе Пур-Наволоок древнего Михайло-Архангельского монастыря и вернулись в Москву. А за год до этой грамоты, еще в 1582 г., Петр Нащокин искал здесь удобное место для устройства крепости и порта. Это было необходимо для создания оборонного пояса крепостей, призванных защищать не только пограничный Север, но и центр страны, Москву. Неудачная для Московии Ливонская война привела к потере торгового пути в Европу через Балтику, а английская экспедиция Хью Уиллоби (1553) открыла дорогу английским, затем голландским и другим европейским судам в русские земли через Белое море.

Порт святого Николая около Николо-Корельского монастыря (современный Северодвинск) на левом берегу реки, устроенный Ричардом Ченслером с разрешения Ивана IV, три десятилетия выполнял важную для русско-английской торговли деятельность, но имел много недостатков, прежде всего гидрологических (прибрежные отмели, высокие приливы-отливы) и оборонных (контроль только одного русла). Наличие безбрежных болот, подходящих близко к берегу, не позволяло в те годы построить надежную дорогу для вывоза товаров, суда других стран, конкурируя с Англией, не могли свободно приходить к английским причалам.

Северная Двина впадает в Белое море тремя мощными рукавами (руслами), имеет очень разветвленную дельту, с моря можно пройти по руслам почти на сто километров в глубь территории. Многочисленные протоки, некоторые из них как настоящие реки, образуют запутанные лабиринты

из островов; множество отмелей, разная скорость течения водного потока и другие гидрологические особенности реки могли служить препятствием для неопытных мореходов, но хорошо были знакомы местным рыбакам.

Московские воеводы внимательно изучили все особенности местности и гидрологию устья реки и решили выбрать для устройства крепости и порта высокий правый берег, где с XIV века находился другой монастырь — Михайло-Архангельский. Он располагался в южной части широкого мыса Пур-Наволоок, рядом с которым начиналось дробление Двины на русла. Других поселений здесь почти не было на десятки верст. Река у мыса плавно поворачивала на север, к морю, до которого надо было пройти руслами 35–40 километров («от начала мели, которая образует собой вход в реку Двину, до Св. Михаила Архангела 12 лье, и все заполнено островами, и между ними ходят барки...», — отмечал Жан Соваж в 1586 г. [3, с. 42]). Вверх по реке от мыса русло было одно, которое и должна была контролировать крепость. С востока, в нескольких километрах от реки (примерно 2–3), тянулись топкие болота, которые вскоре станут естественной границей будущего города.

Монастырь оказался внутри крепости, что тоже было сделано для безопасности людей. В случае нападения крепость могла бы защитить всех, хотя и была относительно небольшой — длина стены по периметру составляла лишь 417 сажень (около 900 метров) [4, с. 18]. От крепостных Архангельских ворот «открывалась перспектива Большой Проезжей дороги» — столичного тракта.

Монастырские причалы пришлось расширять и, чтобы обезопасить суда от приливов и отливов, далеко в реку ушли «три моста — аглицкий, галанский и поморский» — пирсы для приема морских судов.

Так началась история международного порта Новохоломгорского, вскоре переименованного в Архангельск. Природно-географические условия стали главными для выбора

места и устройства порта, который надежно охраняла крепость. Но столь же важными были возможности устройства надежной обороны, ведь именно воеводам царь доверил найти место для будущей пограничной крепости и международного порта. За всю историю существования города он ни разу не был захвачен (хотя такие попытки предпринимались), кроме уникальной ситуации лета 1918 г., когда флот Антанты подошел к Архангельску и торжественный парад иноземного войска был проведен при большом стечении архангелогородцев.

Равнинный ландшафт местности требовал каких-либо вертикалей, самый удачный вид на город всегда открывался со стороны реки. Поэтому отличительной особенностью города стали башни различной высоты. Первое известное изображение города относится к 1613 г. (врезка карты Герарда Гесселя) [5, с. 18–19], на нем можно увидеть крепостную деревянную стену в два уровня с двумя воротными и четырьмя наугольными башнями. Все башни многогранные, крытые шатрами, вдали силуэты шатровых церквей, берег укреплен подпорной стенкой. Французский купец Жан Соваж, посетивший только что рожденный порт (1586), увидел Архангельск, который представляет собой замок, сооруженный из заостренных и перекрещенных бревен. «<...> постройка его из бревен столь превосходна — нет ни гвоздей, ни крючьев, — что это прекрасное творение, так что нечего похулить; и для того, чтобы сделать все это, использовался один только топор. И нет такого специалиста-архитектора, который мог бы сделать более прекрасное творение, нежели это» [3, с. 42]. По обе стороны крепости — более низкие силуэты домов посада, лавок и амбаров — всего, что необходимо для работы порта, который стал быстро развиваться, так же, как и город.

И далее, если «пробежать» по четырем с лишним сотням веков, образ Архангельска складывался из постоянных элементов: это природа, в первую очередь — река Северная

Двина, мыс Пур-Наволок, окрестные болота; это хозяйственная деятельность — порт, лесопильные заводы (XIX–XX вв.); это духовная деятельность — храмы многих конфессий, украшавшие улицы города. В последующие века город раздвигался от мыса Пур-Наволок по реке в обе стороны, не уходя далеко от реки, не забираясь в болота и не перебираясь на низкий левый берег, который весной заливала река.

В середине XVII в., по распоряжению царя Алексея Михайловича, появился новый градообразующий центр — каменные Гостиные дворы, которые были построены к 100-летию Архангельска (1684) и заняли северную часть мыса Пур-Наволок. Пожары много раз уничтожали деревянную застройку, а каменных дел мастеров на севере не было. Московские зодчие (Матиас Анцын, Дмитрий Михайлович Старцев) решили эту проблему, возвели замечательное здание, соединив в одном огромном сооружении и крепость (никогда не воевавшую), и торговые ряды, которые предусматривали некоторые черты оборонного зодчества. Часть этого комплекса сохранилась до сих пор. И вновь активная жизнь города сосредоточилась именно здесь, на Пур-Наволоке, а город стал тянуться все дальше по берегу. При Петре I город стал занимать ближние острова дельты реки, появилось Соломбальское селение (Архангельское адмиралтейство), расширяющийся посад также двигался по берегу в южную сторону. Современный Архангельск занимает несколько десятков километров по правому берегу реки в обе стороны от мыса Пур-Наволок, длина только центральной набережной составляет 7,5 км.

Нидерландский художник, писатель и путешественник Корнелиус де Бруин в 1701 г. побывал в Архангельске. На его рисунках мы видим красивый город, сохранились и его описания, сделанные во время путешествия: «Город расположен вдоль берега реки на три или четыре часа ходьбы, а в ширину не свыше четверти часа. Главное здание в нем есть палата, или двор, построенный из тесаного камня и разделяющийся

на три части. Иностранные купцы помещают свои товары и сами имеют для помещения несколько комнат в первом отделении, находящемся налево от реки. Здесь же помещаются и купцы, ежегодно приезжающие сюда из Москвы и ожидающие отъезда последних кораблей, возвращающихся в свое отечество. <...> Кремль, в котором живет правитель (воевода), содержит в себе лавки, в которых русские во время ярмарки выставляют свои товары. Кремль окружен бревенчатой стеной, простирающейся одной частью до самой реки. Что до зданий, все дома этого города построены из дерева, или лучше сказать из бревен, необыкновенно на вид толстых, что кажется чрезвычайно странным снаружи для зрителя. <...> Улицы здесь покрыты ломаными бревнами и так опасны для проходящих по ним, что постоянно находишься в опасности упасть. Вдобавок в городе находятся беспорядочно разбросанные развалины домов и бревна после пожара. Но снег, выпадающий зимой, уравнивает и сглаживает все...» [5, с. 81–84].

При Екатерине II появился первый регулярный план строительства города, после очередного пожара город восстанавливался на пепелище. И снова учитывали уже сложившиеся традиции — река, как главная улица, заполненная парусниками, и болота, которые не давали уйти в глубину территории. Ограничительной границей стал Обводный канал, созданный на границе болот через четыре проспекта от реки. Узкая лента улиц с четко нарезанными кварталами жилой застройки производила хорошее впечатление на всех, кто это видел.

Таким центр города сохранялся до середины XX в. Конечно, были изменения, связанные с хозяйственной деятельностью. После закрытого Адмиралтейства (1862) Соллombальское селение официально приписали к Архангельску и в городскую черту вошли острова дельты [6, с. 78], до самого выхода в Двинскую губу Белого моря. Острова стали застраиваться лесопильными заводами, которых было около

30 в начале XX в., центр города остался прежним. Каждая лесопилка располагалась на берегу реки (протоки), технологически это было оправдано, главный фарватер проходил вдоль всех заводов и забирал готовые распилы. В 1930-е гг. Северный край и Архангельск стали «всесоюзной лесопилкой», все было подчинено лесоэкспорту — и спецпоселки, и лагеря, и лесопилки. До сих пор главный судовой ход идет вдоль лесопилок, хотя многие из них уже давно не работают и представляют весьма печальное зрелище заброшенности. Заводские поселки такие же унылые. Эта островная заводская часть города, находясь вдали от центра, конечно, никого сегодня не радует, хотя проживает там немало архангелогородцев.

На рубеже XIX–XX вв. в Архангельск Савва Мамонтов привел железную дорогу, но ветку вели из центра страны, поэтому поезда стали приходить на левый берег, а мостов не было. Город располагался на правом берегу. Началось медленное освоение левого берега, связанное с железной дорогой, оно происходит и сегодня. Железнодорожный мост появился в 1964 г.

В Первую мировую войну начался резкий подъем работы Архангельского торгового порта, что привело к его значительной реконструкции даже в условиях войны. Порт стал вторым по значимости в мире, после порта Сан-Франциско и, как минимум полвека, поддерживался в этом ранге. Образ Архангельска был узнаваемым по портовым кранам, по мачтам судов разного типа, которые заполняли причалы и рейды.

В 1930-е гг. город лишился своей красоты — были взорваны все храмы, которые создавали удивительную приятную картинку, если смотреть с реки, которая работала тогда в полную силу. Порт был востребован.

В 1960-е гг. началась плановая реконструкция города, появились новые жилые кварталы, которые строились на осушенных болотах. Центр еще долго оставался деревянным,

пока примыкающие к центру заболоченные пространства осушались и застраивались. А в 1980-е гг. архитекторы увидели, что город, расположенный на равнине, требует вертикалей, а их уже не было (шпили церковей давно исчезли). Поэтому в самом центре, в восточной части мыса Пур-Наволок создали парадную административную площадь, убрав при этом несколько кварталов старой деревянной застройки, в том числе и красивые особняки, и построили 24-этажную башню, которую сейчас видно со всех сторон — и с левого берега, с островов, с реки. Так сегодня обозначен центр города, он узнаваем.

А сейчас вновь возводятся храмы, которые украшают набережную, появляются новые памятники, даже — жилые комплексы. Но город утратил свою «узнаваемость» и индивидуальность. Река сильно обмелела, суда редко заходят в порт, опустели рейды. Нарушены выработанные веками традиции застройки. Конечно, со стороны реки город все еще выглядит красиво, но уже нет единства и композиции, какие существовали в прошлые века. Отдельные части города располагаются и у реки, и на осушенных болотах, многие жилые массивы точно такие же, как и в других регионах. Остатки былого величия сохранились маленькими островками на набережной Северной Двины.

Но появились новые технологии строительства, а следом — новые сооружения — памятники, здания, храмы. Сейчас активно формируется новый образ Архангельска, но уже не деревянного. Дерево исчезает из жизни города, заменяется на камень, стекло, бетон. Мосты соединили берега и часть островов стали полноправной частью города. У обмелевшей реки отвоевывается часть берега, где строят дома, закрывающие панорамный вид с реки. Вертикалей сейчас много, но единый образ города пока не сложился.

Список литературы

1. *Лукин Ю. Ф.* Сколько лет Архангельску? Точка зрения // Бизнес-класс экспресс Архангельск. — 2001. — 25 июня.
2. *Лукин Ю. Ф.* Новая Архангельская летопись. — Архангельск : Рос. акад. соц. наук, Арханг. отд-ние, 2008. — 229 с.
3. Записка о путешествии в Россию Жана Соважа Дьеппского в 1586 году // Северные ворота России : сообщения путешественников XVI–XVIII веков об Архангельске и Архангельской губернии. — М. : ОГИ, 2009. — С. 35–44.
4. *Мильчик М. И., Попова Л. Д.* Первые ворота Российского государства : очерки градостроительной и архитектурной истории Архангельска и Холмогор. — СПб. : Лики России, 2002. — 222 с.
5. Путешествие через Московию Корнелия де Бруина. 1701, 1708 // Северные ворота России : сообщения путешественников XVI–XVIII веков об Архангельске и Архангельской губернии. — М. : ОГИ, 2009. — С. 51–112.
6. Летопись города Архангельска, 1584–1989 / сост. : В. А. Волынская, В. А. Радишевская, Т. В. Титова. — Архангельск : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1990. — 295 с.

ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА РУССКОГО СЕВЕРА И АРКТИКИ КАК РЕГИОНАЛЬНЫЙ СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ (НА ПРИМЕРЕ АРХАНГЕЛЬСКА)

Фельдт И. Н.

Архангельск, Северный (Арктический) федеральный
университет имени М. В. Ломоносова

Аннотация. В статье анализируются возможности использования образа культурного ландшафта Русского Севера и Арктики как символического капитала при моделировании образа города. Демонстрируется использование символических ресурсов при формировании городской идентичности. Проблема раскрывается на конкретных примерах Архангельска.

Ключевые слова: символический капитал территории; культурный ландшафт; Русский Север; Арктика; образ.

В современной социокультурной ситуации ключевые образы культурных ландшафтов активно используются как один из определяющих факторов привлекательности территорий, они лежат в основе имиджевой политики регионов и осмысливаются как мощный ресурс формирования позитивной культурной идентичности. Город, территориальный центр определенного пространства, оказывается перед непростой задачей максимально использовать образ места при конструировании собственно образа. При решении этой проблемы культурный ландшафт территории становится символическим капиталом.

Образ города, точнее, его интерпретации в СМИ, в текстах представителей городской власти, в представлениях рядовых горожан, творческой интеллигенции, туристов, обязательно использует собственный городской текст, включающий историко-культурный контекст города, городскую среду, архитектурные памятники, городские мифы и легенды. Но каждый город, в большей и меньшей степени, опирается на пространство, специфику культурного ландшафта окружающей территории, включая ее в городской образ. На сегодняшний день нет единого подхода к понятию «символический капитал территории». Мы согласны с определением, которое дает в своей статье Н. Г. Федотова. Символический капитал территории она определяет как «совокупность представлений о значимости территориальных смыслов (сгустков информации о территории), на основании которых происходит ее идентификация, формируется известность и признание за ней уникальных практик» [1, с. 107].

Не может быть единого подхода к процессу использования городом потенциала культурного ландшафта окружающего пространства. Иногда городской культурный текст самодостаточен, ему хватает своего контекста и своих нарративов. Но в ряде случаев, на наш взгляд, культурный ландшафт пространства доминирует при конструировании образа города. Это можно увидеть на примере Архангельска. Архангельск на протяжении всей своей истории активно позиционировал себя через пространственные категории: Север, Русский Север, Поморье, а теперь еще и Арктика. Провинциальный город, но с маркерами столичности: Архангельск называет себя «столицей Севера», «столицей Поморья», «воротами в Арктику». К сожалению, исторический деревянный город практически полностью утрачен. Символическим капиталом самого города, безусловно, являются название, неизменным пережившее все сложные периоды в истории России, и географическая доминанта: река Северная Двина, вдоль берегов которой Архангельск расположен.

Не только краеведческие научные тексты, но и все документы современной культурной политики Архангельской области включают образ Русского Севера. Основные программы, такие как Государственная программа Архангельской области «Культура Русского Севера» (2013–2024), подчеркивают, что отличительной особенностью Архангельской области является уникальное наследие Русского Севера [2]. В образе Русского Севера мы видим наряду с другими явное преобладание географических характеристик: удаленность, окраинное положение, отсутствие крепостного права, суровые природные условия, северорусский жилищный комплекс, слабая освоенность территории, севернорусские диалекты, старообрядчество, народное православие, сохранность культурного материала [3, с. 169]. Последние пять лет после Указа Президента Российской Федерации, по которому часть Архангельской области и сам Архангельск включены в арктическую зону [4], ускорился процесс разработки арктического бренда как ключевого в региональной культурной политике.

В качестве одного из инструментов конструирования образа города выступает нейминг (разработка названий), а совокупность урбанонимов (городских названий/топонимов) является важнейшей составляющей городского текста. Анализ урбанонимов Архангельска показывает, что исторически устойчивыми являются тематические группы номинаций, включающие такие понятия, как: Север, Поморье, Беломорье, Двина. Ставка городских властей на арктическую тематику привела к росту использования урбанонима «Арктика» в городском пространстве, с таким названием появились: кафе, офисный центр, центр коллективного пользования научным оборудованием, северное производственное объединение, лизинговая компания, физкультурно-оздоровительный комплекс, мастерская по ремонту бытовой техники, Национальный парк «Русская Арктика», администрация морских портов западной Арктики, первичная профсоюзная

организация, ТСЖ и др. Название университетов также объективирует тему Севера: «Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова» и «Северный государственный медицинский университет».

Выбрав арктический вектор в качестве определяющего, Архангельск обратился к решению задачи по формированию у жителей областного центра арктической идентичности. Под арктической идентичностью мы понимаем не врожденную, а приобретенную ментальную связь человека с культурным пространством Арктики. Проявлением этого можно считать ощущение жителями региона арктического пространства как знакомого, близкого, перспективного для себя. Символический капитал места — это доверие, которое вызывает определенная территория. В основе такого доверия лежит уверенность жителей в возможности реализовать свой потенциал. Формирование «близкого» образа Арктики невозможно без его популяризации. В Архангельске можно выделить две ключевые стратегии: образовательную и туристскую. Так, Северный (Арктический) федеральный университет реализует такие проекты, как «Плавучий университет», Дни Арктики, Международный кинофестиваль стран Арктики «Arctic open», Школа юного полярника и многое другое. Национальный парк «Русская Арктика», например, разработал курс «Арктиковедение», запланировано издание «Арктической азбуки». В Архангельском детском городе профессий «НордВиль» открыт павильон, посвященный работе в арктических условиях полярников и метеорологов.

Любой культурный ландшафт наряду с современным событийным пластом обладает пространством прошлого. Но если для большинства территорий такие «места памяти» доступны, то для Арктики все наиболее знаковые события «проживаются» издали. Именно поэтому так важно тиражирование образа Арктики в пространстве Архангельска. На это направлено развитие арктического туризма. Культурные ландшафты Русского Севера и Арктики обладают мощным

наследием, куда входят памятники Поморской культуры, культуры коренных народов Севера, православные святыни периода советского освоения Арктики и объекты ГУЛАГа, мощный пласт памятников военной истории. Конечно, привлекательной является дикая природа Севера и Северный полюс. К сожалению, реальный арктический туризм мало доступен, прежде всего, из-за высокой цены. Но Архангельск с 2018 г. разрабатывает маршрут, входящий в проект «Серебряное ожерелье» под названием «Архангельск: здесь начинается Арктика». По сути, это тур, включающий посещение самого Архангельска, Северодвинска и музея под открытым небом «Малые Корелы». Встречаются утверждения, что здесь происходит подмена, и в качестве «арктических» направлений туризма разрабатываются маршруты, имеющие к Арктике лишь условную привязку. Но позиционирование Архангельска в качестве «ворот в Арктику», труднодоступность реальных арктических просторов делает возможным при моделировании образа Архангельска совмещение образов культурного ландшафта Арктики и Русского Севера, так происходит накопление и поддержание символического капитала места.

Можно согласиться с мнением Д. Н. Замятина о том, что наследие является символическим капиталом территории, что эффективная, успешная институционализация наследия, понимание его роли в развитии культуры и общества связано с тем символическим капиталом, который оно может формировать или способствовать его формированию [5, с. 12]. Проецируя этот тезис на Архангельск, мы видим возможности активного использования культурных ландшафтов Русского Севера и Арктики как регионального символического капитала, позволяющего эмоционально проживать пространство и моделировать позитивный образ территории.

Список литературы

1. Федотова Н. Г. Территориальная идентичность как символический ресурс региона // Вестник Новгородского государственного университета. — 2015. — № 90. — С. 105–109.
2. Государственная программа «Культура Русского Севера» [Электронный ресурс // Правительство Архангельской области : [сайт]. — URL: <https://dvinaland.ru/budget/programs/04> (дата обращения: 01.06.2020).
3. Калуцков В. Н. Ландшафт в культурной географии. — М. : Новый хронограф, 2008. — 320 с.
4. Указ Президента РФ от 02.05.2014 N 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Гарант.ру : [сайт]. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70547984/> (дата обращения: 01.06.2020).
5. Замятин Д. Н. Геокультурный брендинг городов и территорий : от теории к практике. Книга для тех, кто хочет проектировать и творить другие пространства. — СПб. : Алетейя, 2020. — 740 с.

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ИСКУССТВЕННО СОЗДАННЫЕ ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КОМИ)

Беляева Н. Ж.

Сыктывкар, Национальная галерея
Республики Коми

Аннотация. В статье говорится о городах Республики Коми, созданных на месте старинных поселений, и городов, развившихся из пунктов ГУЛАГа. Сравнивается также отражение образа таких городов в изобразительном искусстве 1940–1950-х гг. Города, созданные насильственным путем для решения экономических проблем, в постсоветское время испытывают большие трудности.

Ключевые слова: старинные города; ГУЛАГ; лагерные пункты; освоение севера; образ города; коми изобразительное искусство.

В начале XX в. на территории, которую сейчас занимает Республика Коми, был всего один город — Усть-Сысольск, административный центр одноименного уезда Вологодской губернии. По размерам уезд был больше, чем многие российские губернии, а плотность населения составляла всего 1–2 чел. на кв. км. В XX в. Республика Коми значительно увеличилась (она больше, чем Германия или Италия и немного меньше, чем Франция), но плотность населения не увеличилась.

Погост Усть-Сысола впервые упоминается в Яренской сотной писцовой книге в 1586 г. В 1780 г. Усть-Сысольск стал городом, в 1930 г. — переименован в Сыктывкар

(по-коми — «город на Сыsole»). Поскольку он был единственным городом, то местное население называло его просто «кар» (город). Интересно, что эта традиция сохранилась на юге республики до сих пор, жители другого города, Микуня, до сих пор говорят, выезжая в Сыктывкар — «поехал в город».

Большинство старинных населенных пунктов в Коми образованы множеством небольших деревень, вытянутых по дорогам, проходивших вдоль рек. Усть-Сыольск включил в себя селения Кируль, Подгорье, Половину, Кокулькар, Микулсикт, Тентюковгрезд и другие, многие из которых до сих пор остались в неофициальных названиях районов города. Яркий пример подобной структуры — село Ыб, протянувшееся на 15 километров.

На юге республики проживало в основном коми население, это отражалось и на городе. До революции коми составляли более 80 % жителей, сейчас — только 26 % (для сравнения — в Воркуте коми менее 2 %). Большая миграция в XX в. (ГУЛАГ, всесоюзные стройки, советская система распределения после вузов) способствовала тому, что сейчас в городе проживает более 70 национальностей, действуют национально-культурные автономии и город постепенно становится мультикультурным. Сыктывкар до сих пор остается центром притяжения для жителей республики, до 2019 г. только здесь наблюдался прирост населения. Если в 1782 г. здесь было 1727 жителей, в 1939 — 25 тыс., то сейчас 244 тыс., то есть почти треть всего населения республики.

Город всегда был многоукладным: большинство домов построены по деревенскому типу, рядом расположены огороды, на улицах пасся скот, каменных домов было мало. Такие тенденции сохранились до настоящего времени и рядом с высотками зачастую стоят избы начала XX в. В центре города есть несколько районов с частной застройкой разного времени.

Остальные города республики были созданы уже в советскую эпоху. Из девяти городов шесть выросли из лагерных

пунктов (Ухта, Воркута, Печора, Инта, Сосногорск, Микунь), два появились как центры добычи нефти и газа в восьмидесятые годы (Усинск и Вуктыл). И те, и другие были созданы «с нуля», поскольку никаких населенных пунктов на месте будущих городов не было. И только поселение Емва, получившее статус города в 1985 г., включило в себя одно из стариннейших сел края — Княж-погост, известное с 1490 г., и одновременно поселок Железнодорожный, образованный в рамках Севжелдорлага. Части города (старинный Княж-погост и лагерный поселок Железнодорожный) находятся на разных берегах реки Вымь (по-коми Емва). Это было характерной практикой создания лагерей — через реку от старых деревушек (что напоминает, с одной стороны, Стикс, а с другой стороны — коми традицию располагать кладбища чрез реку от населенного пункта). А Емва, таким образом, представляет собой промежуточный вариант между городом, выросшим на месте старинного поселения, и искусственным городом, созданным в советское время, о чем говорят и названия микрорайонов города — Ачим, Новый, а также 20-ый и 21-ый (номера бывших лагпунктов). И еще одна характерная особенность — почти все города в республике названы по именам рек, на которых они стоят, исключения составляют только Микунь и Сосногорск.

Если говорить о лагерных городах, то они создавались параллельно освоению республики силами заключенных ГУЛАГа. Так, в 1929 г. при впадении р. Чибью в р. Ухту возник поселок нефтяников Чибью, основанный членами экспедиции ОГПУ. В 1931 г. был создан Ухто-Печорский лагерь, в 1939 г. поселок переименовали в Ухту, а уже в 1943 г. сделали городом. Построенная в 1937–1941 гг. железная дорога Котлас — Воркута способствовала тому, что Ухта, Воркута, Микунь, Сосногорск, Печора, Инта, Емва оказались связаны с центром страны железнодорожным сообщением (тогда как Сыктывкар, отстоявший в стороне от магистрали, присоединился к ней только в 1961 г.). Это способствовало быстрому

росту населенных пунктов, к концу 1980-х гг. население в городах достигло максимума (Воркута — 117 тыс. чел., Ухта — 112, Печора — 66, Инта — 60, Сосногорск — 30, Емва — 19, Микунь — 12). Ухта находилась в центре республики и туда хотели перенести столицу. Однако начавшаяся война перечеркнула эти планы.

Лагерные города возводились при помощи профессиональных архитекторов — заключенных, поэтому они отличаются продуманностью, удачными конструктивными решениями, цельностью, обилием красивых зданий в стиле сталинского ампира. Ухту называли «Жемчужиной Севера» за ее архитектуру. В северные города вкладывались большие деньги и лучшие человеческие ресурсы. Неудивительно, что первые музыкальные театры появились при лагерях, на севере были удивительные библиотеки, собранные из собраний заключенных и вольнонаемных, инженерные и научные учреждения. Сосредоточие элиты интеллигенции способствовало быстрому развитию территорий, во многом обгонявших столицу республики. К примеру, телевидение появилось сначала в Воркуте (1958), затем в Ухте (1960), а только потом в Сыктывкаре (1964).

Если посмотреть, как образы городов отражались в советском изобразительном искусстве, то вырисовывается любопытная тенденция, заложенная еще в 1940-е гг. Коми отделение Союза Художников СССР разработало своеобразный список тем, которые было необходимо отобразить в живописи и графике. Среди них особо выделялась тема нового города. В случае с Сыктывкаром рекомендовалось изображать недавно выстроенные большие каменные дома, автомобили, строительные краны, «лучшие здания, парки культуры и отдыха» [1, л. 100]. Если же говорить о недавно созданных городах, то в большей степени нужно было показать их роль в освоении природных богатств республики; появлялись штампы: «Ухта — нефтяная промышленность на севере. Воркута — заполярная кочегарка» [1, л. 100]. Появились

определения «новый север», «новый пейзаж коми», «в который вошло новое: нефтяные вышки или железная дорога или новые индустриальные города, поселки» [2, л. 95].

Если сравнить графические серии самого известного коми художника В. В. Полякова «Новая Воркута» (1944–1945) и «Сыктывкар» (1955), то мы сразу заметим превалирование индустриальных сюжетов для Воркуты («Бункер шахты «Капитальная», «Отправка эшелона с углем в Ленинград», «Шахты в Заполярье»). А изображения столицы отличаются уютностью, мягкостью, лиричностью («Белая ночь», «Летний вечер в Сыктывкаре», «Зимой в Сыктывкаре»).

Апофеозом «нового города» является графическая работа В. В. Полякова «На Севере» (1951) на которой изображены оленцы на оленьей упряжке, застывшие в изумлении перед городом, раскинувшимся на другом берегу: там, где традиционно проходили пути оленьих стад и не было никаких поселений, поднялись большие дома, нефтяные вышки. Эту работу ругали за эклектичность, в образе города угадывались одновременно и Ухта (архитектура, вышки, деревья, местность), и Воркута (оленоводы, тундра). Поляков же утверждал, что сделал это намеренно, желая показать обобщающий образ северного города [3, л. 13–14]. Получился характерный пример соцреалистической мифологии.

После развала СССР новые города переживают нелегкие времена: производства закрываются, население стремительно убывает. Особенно тяжело приходится моногородам, связанным с добычей угля — Инте и Воркуте. Население уменьшилось в 2–3 раза, цены на квартиры катастрофически малы. В Воркуте трехкомнатную квартиру можно купить за 50 тыс. и даже дешевле. Квартиру легче бросить, чем продать; полностью заброшенные дома с пустыми окнами стоят вперемешку с жилыми. Строительство не ведется с советских времен и города превращаются в фантомы, заповедники советского времени. В Воркуте и Инте находились особые лагеря — Речлаг и Минлаг. Была идея создать в Воркуте музей ГУЛАГа

под открытым небом, однако в городе практически ничего не осталось от лагерных построек. Трудности добавляет и то, что эти города находятся за Полярным кругом и отличаются особым суровым климатом. Периодически высказывается мысль о полном закрытии этих городов. Идея освоения экстремальных географических районов силами заключенных обернулась громадными убытками, неисчислимыми человеческими жертвами, проблемами в поддержании жизнеспособности искусственно образованных городов.

Список литературы

1. Национальный архив Республики Коми (далее — НАРК). Ф. 1454. Оп. 1. Д. 3.
2. НАРК. Ф. 1454. Оп. 1. Д. 2.
3. Научный архив Национальной галереи Республики Коми. Оп. 1. Д. 13.

СЫКТЫВКАР, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

Бастров И. А.

Сыктывкар, Национальная галерея
Республики Коми

Аннотация. В ходе классификации работ из фондов Национальной галереи Республики Коми, посвященных городу Сыктывкару, выделился ряд произведений, где изображен конкретный город, но изображенное никогда не существовало в реальности или значительно от нее отличалось. Решено было на их основе создать спецпроект «Сыктывкар, которого не было», приурочив его к 240-летию города. Этому сайту и посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: образ города; Сыктывкар; ирреальность; художники из Коми; ретроспектива; перспектива; искажение.

Специфической особенностью проекта «Сыктывкар, которого не было», помимо самой темы, является то, что мы решили не включать в него реальные исторические или современные виды города, так как хотели, чтобы посетители сайта соотносили созерцаемые ими образы со своим внутренним, сложившемся у них образом города. В этой связи важно отметить, что понятие «образ города» часто фигурирует в исследовательской литературе как представление индивида о городском пространстве, которое может не соответствовать действительному, «как предмет рефлексии в пространстве мышления, субъектом которой становится те, кто осваивает культурный ландшафт и выстраивает его у себя в представлении, памяти» [1, с. 55]. На сайте проекта

Рис. 1. Проект Здания спорта. Перспектива. 1919. Источник: Сыктывкар в произведениях из фондов Национальной галереи Республики Коми [Электронный ресурс] // Сыктывкар, которого не было : [сайт]. URL: syktyvkarkotorogonebylo.tilda.ws (дата обращения: 01.06.2020).

«Сыктывкар, которого не было» (syktyvkarkotorogonebylo.tilda.ws) есть три раздела. В каждом из разделов представлено по одному художнику. В каждом случае — своя, уникальная причина ирреальности изображаемого.

Раздел «Перспектива». Согласно многим отечественным словарям, термин «перспектива», в одном из своих значений, является синонимом «будущности» [2]. Таким образом, в этом разделе речь идет о том, как художники видели город будущего. Усть-Сысольск (такое название носил Сыктывкар до 1930 г.) был небольшим провинциальным городом и похвастаться проектировщиками, да и в целом художниками, особо не мог. Однако так случилось, что один из первых профессионалов в области изобразительного искусства в Коми крае был архитектором. Александр Викентьевич Холопов (1880–1942) — уроженец села Кочпон (ныне район Сыктывкара), учился в Санкт-Петербургской Академии художеств. Перебравшись в Усть-Сысольск в 1918 г., Александр Викентьевич по роду деятельности взялся проектировать город,

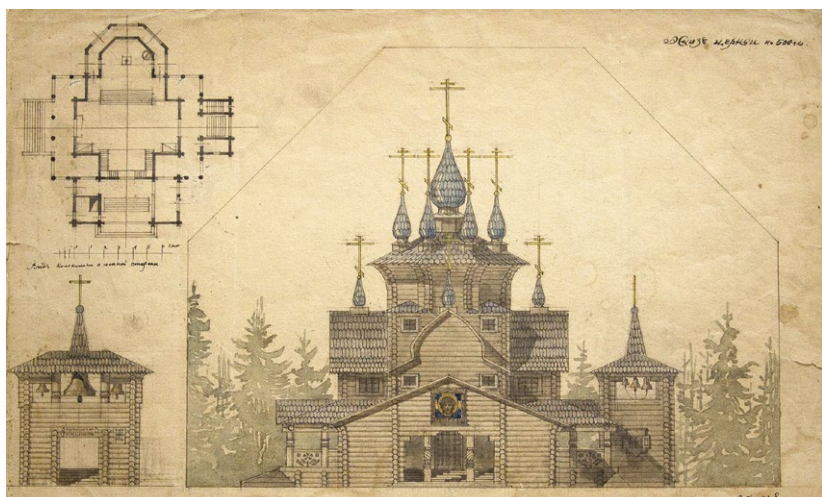

Рис. 2. Церковь на 500 человек. Эскиз. Источник: Сыктывкар в произведениях из фондов Национальной галереи Республики Коми [Электронный ресурс] // Сыктывкар, которого не было : [сайт]. URL: syktyvkarkotorgonebylo.tilda.ws (дата обращения: 01.06.2020).

но большинство его работ так и остались проектами. Благодаря тому, что многие чертежи, наброски и эскизы сохранены в фондах нашего музея, мы можем увидеть идеи архитектора по застройке постреволюционного города. Самым большим и амбициозным проектом, несомненно, являлся Дворец спорта, который должен был величественно стоять на берегу Сысолы, а самым невероятным — проект церкви 1921 г. на 500 чел. [3, с. 85] (Рис. 1–2).

Раздел «Ретроспектива» также посвящен проектированию, но уже прошлого из настоящего, а не наоборот. С творчеством Василия Георгиевича Игнатова (1922–1998) знакомы, пожалуй, все жители постсоветского пространства. Дело в том, что он был художником мультфильмов «Гадкий Утенок», «Петушок — Золотой гребешок» и «Украденный месяц». Игнатов участвовал в создании многосерийного мультфильма «Маугли» и оформил более 20-ти диафильмов. В свое время настоящий фурор в Советском Союзе произвел первый коми балет «Яг-Морт», где Василий Георгиевич был

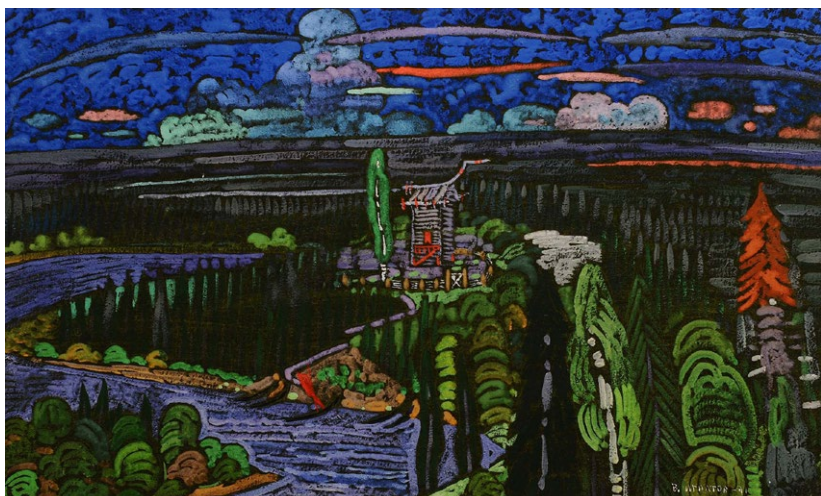

Рис. 3 Место, где будет Сыктывкар. 1971. Источник: Сыктывкар в произведениях из фондов Национальной галереи Республики Коми [Электронный ресурс] // Сыктывкар, которого не было : [сайт]. URL: syktyvkarkotorogonebylo.tilda.ws (дата обращения: 01.06.2020).

художником-постановщиком. Поэтому, даже не зная имени художника, с его творчеством вы точно знакомы. В 1971 г. Игнатов создал графическую серию «Предание о Шыпиче», посвященных могучему колдуну, который живет в устье Сысолы. Там, где сегодня стоит наш город (Рис. 3).

1990-е — это поиск нового пути и новой идентичности для страны, период актуализации самых разных идеологем. По многочисленным свидетельствам Игнатов был язычником, и его работу можно представить как попытку вернуть в историю языческое прошлое, которое искажалось и замалчивалось сначала Православной церковью, а затем советской властью. Вопрос о том, какой именно город изображен, имеет ли он исторический прототип или является просто вымышленной моделью, скорее всего, навсегда останется открытым. Но всем известно, что зыряне только про один населенный пункт говорили «кар». В коми языке «кар» — город, а Усть-Сысьольск был единственным городом в Коми до 1943 г. (Рис. 4).

Рис. 4. Коми языческий городок. 1995. Источник: Сыктывкар в произведениях из фондов Национальной галереи Республики Коми [Электронный ресурс] // Сыктывкар, которого не было : [сайт]. URL: syktyvkarkotorogonebylo.tilda.ws (дата обращения: 01.06.2020).

Раздел «Искажение». К искажению изображаемой реальности художники иногда прибегают в связи с особенностью законов жанра. Известный в Республике график и карикатурист Аркадий Алексеевич Размыслов (р. 1939) с разницей в 17 лет создал в стиле лубочной картинки две панорамы города со стороны нынешнего Заречья (район Сыктывкара, который отделен рекой от основной части города). Жанровые особенности лубка — намеренная деформация, гротеск и условность. Задача «потешных картинок» [4, с. 634] — передать послание, чтобы оно было очевидно и доступно абсолютно всем. Поэтому в подобного рода изображениях часто какие-то детали опускаются, а главное, наоборот, выделяется. В основе работ Размыслова, посвященных Сыктывкару начала XX в., два источника — исторические факты и старые фотографии, но общая картина, под стать жанру, условна.

Рис. 5.

Источник: Сыктывкар в произведениях из фондов Национальной галереи Республики Коми [Электронный ресурс] // Сыктывкар, которого не было : [сайт]. URL: syktyvkarkotorogonebylo.tilda.ws (дата обращения: 01.06.2020).

Город здесь угадывается по архитектурным сооружениям: церкви Вознесения Господня, Стефановский собор и Троицкий собор. Однако колокольни Стефановского собора и Вознесенской церкви изображены не с той стороны. Нарушены масштабы храмов относительно друг друга и соседних строений, неверно местоположение. Насколько реален промысел сплава готовых домов по реке, мы судить не беремся (Рис. 5).

Здесь мы уже видим Троицкий собор без Покровской церкви и пропорционально значительно крупнее, чем все остальные объекты в городе. Самолеты, то есть гидропланы, на самом деле до 1930-го г. (да и после тоже) садились на воду. Однако могла ли на его крыльях быть пометка о РСДРП(б) — опять же, доподлинно неизвестно (Рис. 6).

К сожалению, здесь не будет наглядного примера. Нам неизвестны панорамные изображения города с этого ракурса,

Рис. 6. Переименование Усть-Сысольска в Сыктывкар. 2000.

Источник: Сыктывкар в произведениях из фондов
Национальной галереи Республики Коми

[Электронный ресурс] // Сыктывкар, которого не было : [сайт].

URL: syktyvkarkotorgonebylo.tilda.ws (дата обращения: 01.06.2020).

а ключевые памятники, Стефановский и Троицкий соборы, были уничтожены большевиками в начале 1930-х, да и город претерпел колоссальные изменения с начала XX в.

Таким образом, у нас сложилась целая подборка произведений, где изображается конкретный город, но изображенное никогда не существовало в реальности или значительно от нее отличалось.

Список литературы

1. Туркина В. Г. Город как виртуальный феномен // Научные ведомости БелГУ. Серия : Философия. Социология. Право. — 2009. — № 16 (71). — С. 52–60.
2. Михельсон А. Д. Объяснение иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их

- корней. [Электронный ресурс] // Наука. Искусство. Величие : [сайт]. — URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-mihelson/index.htm> (дата обращения: 01.06.2020).
3. *Кочерган Л. И.* Жизнь на сломе эпох : Коми архитектор А. В. Холопов. — Сыктывкар : ГБУ РК «Национальная галерея Республики Коми», 2012. — 224 с.
 4. *Захарова М. Е.* Лубок как явление российской массовой культуры XIX века // Известия ПГПУ имени В. Г. Беллинского. — Пенза, 2012. — № 27. — С. 634–637.

РАЗВИТИЕ ОБРАЗНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК СОВРЕМЕННЫХ ГОРОДОВ

Самченко Е. А.

Екатеринбург, Уральский государственный
архитектурно-художественный университет

Аннотация. Город — это текст, который пишется, переписывается, дополняется и читается по-разному. Образный посыл, однажды заложенный архитектором в организации среды, развивается под воздействием разрастания городов. Современному человеку свойственно иметь специфичные запросы и требования к архитектурной среде, под влиянием которых происходит формирование характерных качеств городского пространства.

Ключевые слова: образ города; городское пространство; архитектурная среда; восприятие среды; территориальная идентичность.

Город — это структурированное и тщательно продуманное пространство для людей, внутри которого ежедневно складываются сценарии их повседневной жизни. Профессиональному градостроителю сегодня недостаточно иметь архитектурное образование: он должен уметь разбираться в социологии, экономике, экологии, организации транспорта. Территории современных городов претерпевают расширение, что не может не влиять на появление новых образно-символических характеристик городских пространств. Городская среда трактуется человеком как место коммуникации, на подсознательном уровне воспринимается

как «диалог», происходящий между ним и пространством. Поэтому в наше время особенно актуальным является вопрос грамотной организации пространства взаимодействия человека с архитектурной средой.

Несмотря на то, что образные характеристики изначально закладываются проектировщиками для объектов и комплексов, образ города всегда является субъективным отражением действительности в сознании того или иного человека. Его можно трактовать как систему знаков и символов, формирующую посредством композиции определенный «код» эмоционального восприятия. Восприятие города как искусно организованной системы, как продуманной композиции всех наполняющих элементов позволяет сложить некий целостный образ из мозаики отдельных впечатлений [1, с. 239]. Образ, возникающий за счет синтеза впечатлений от движения по городу в разное время суток, в одном направлении или в другом формируется под воздействием наложения множества «кадров». Люди приспосабливаются к окружению, организуют структуру и опознаваемость образа из подручного материала. Важно понимать, что целостный образ города формируется только тогда, когда он имеет идентичную застройку.

Диалог человека с городским пространством возможен лишь при условии заинтересованности в таковом взаимодействии с предлагаемой средой. У улиц, организованных однотипной и ничем не примечательной застройкой, будет наблюдаться и более низкий трафик, в отличие от пространств разнообразной архитектуры. Явление возникновения «тусклой» среды обусловлено тем, что строительство объектов строго функционального назначения экономически выгоднее возведения сооружений с учетом эстетического наполнения, из-за чего наблюдается феномен «неинтересных» зданий, вносящих дисгармонию в общее визуально-эмоциональное впечатление. Американским философом сознания и эстетики Сьюзен Лангер была сформулирована сама суть

обсуждаемой проблемы в ее афористическом определении архитектуры — «это придание очевидности всему окружению» [2, с. 48]. Архитектурные ансамбли следует тщательно продумывать, учитывая гармоническое развитие образа современной застройки, как интегрирующейся в историческую (подобную ситуацию можно проследить на примерах Санкт-Петербурга или Лондона), так и имеющую авторитарный характер (современные мегаполисы, стремительное развитие которых происходило в XX в. — в начале XXI в. Дубай, Лос-Анджелес).

Интенсивное разрастание городов затрудняет концентрацию и усложняет образное восприятие среды, а соответственно и ориентацию в них. Поэтому в крупных городах с особым вниманием необходимо продумывать доминанты в композиции улиц и площадей, «точки притяжения», выступающие в качестве навигационной опоры. Посредством тщательно разработанной композиции создается читаемое городское пространство, понятное приезжему человеку.

Важной образной характеристикой для развития городского пространства является эмоционально-визуальный комфорт. Это концепция развития «города для людей». Человеку свойственно остро ощущать масштабность материальных объектов, по этой причине сомасштабные строения с мелким фасадным членением воспринимаются «не чуждыми» человеку. Малоэтажная застройка всегда будет ощущаться как уютная, в отличие от психологически давящей высотной. Пространство, сформированное историческими зданиями, контрастирует с пространством, образованным современными многоэтажными зданиями, и выступает более привлекательным и располагающим. К примеру, среда немецкого провинциального города, в котором старинные здания придают особый шарм улицам, будет восприниматься гораздо приветливей «стеклянных» улиц в Манхэттене.

После больших темпов урбанизации городскому жителю приходит осознание дефицита природных факторов

в современной среде. У человека появляется желание быть ближе к природе, из-за чего люди стремятся покинуть суетливые города. Подобный процесс прослеживается в Нью-Йорке, где сам город является для жителей лишь местом работы, а для проживания ими выбраны районы частной застройки. Поэтому одной из важных образных концепций развития современного города является «зеленый город». Организованная панорама служит источником наслаждения от восприятия города. Значительными являются точки озеленения и места контакта с водой. Многолетнее дерево, растущее на ничем не примечательной территории, приносит уют и эстетическое удовольствие от пребывания в этом месте. Велико значение простора и широты открывающихся видов, когда множество элементов города в их визуальной взаимосвязи схватываются взглядом одновременно, и позиция каждого из них в целостной картине проявляется предельно ярко [2, с. 49].

Существенным фактором развития города служит уровень социальной инфраструктуры и заботы о потребностях человека. Необходимо проектировать приветливое по отношению к людям городское пространство. Хорошим примером могут послужить японские города, где уважение к человеку проявляется в обыденных мелочах. К примеру, вместо известных нам пищущих звуков на светофоре для слепых, может быть установлено пение птицы, ведь оно не может стать причиной негативных эмоций у других людей. Такой образ «толерантного города» позволяет получить эмоциональное наслаждение при контакте с его средой.

Город предъявляет человеку свои требования и правила, у городского человека формируется другой уровень сознания, определенная структура и характер отношений к миру. Развитие образных характеристик города, направленных на повышение уровня комфортной жизни, визуально-эстетического восприятия и экологии необходимы для формирования качественно новой модели современного

архитектурного пространства. В наше время стремительного промышленного и технического прогресса важно сформировать среду, в которой человек не будет чувствовать себя ущемленным, а будет ощущать свободу и умиротворение, гармонию с окружением и людьми, где будет сохранена память истории, и тем самым привита любовь и уважение к прошлому, а также гордость за настоящее.

Список литературы

1. Гутнов А. Э., Глазычев В. Л. Мир архитектуры : Лицо города. — М., 1990. — 352 с.
2. Линч К. Образ города / пер. с англ. В. Л. Глазычева; сост. А. В. Иконников. — М. : Стройиздат, 1982. — 328 с.

АРХИТЕКТУРНЫЕ РЕШЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ САМАРЫ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО ЕДИНСТВА И ПАТРИОТИЗМА НАСЕЛЕНИЯ

Воробьёва О. Б., Филиппов И. С.

Самарский государственный университет
путей сообщения

Аннотация. В статье показаны архитектурные решения современной Самары, способствующие сохранению исторической памяти населения города, формированию культурной идентичности и патриотических чувств.

Ключевые слова: архитектурные памятники Самары; патриотизм; историческая память; городская среда; городская легенда.

Городская среда — один из сильнейших факторов, рождающих чувство гордости за свою Родину, воспитывающих патриотические настроения населения города и его гостей. Ближайшая среда, где активен человек — это территория его проживания: город, район, квартал, улица, двор. Такая физическая среда любого города есть сосредоточие различных зданий, сооружений: архитектурные ансамбли, памятники, культурные и спортивные центры, объекты бытового назначения, жилые дома, государственные учреждения, промышленные предприятия, пешеходные пространства, скверы, парки. Все эти компоненты взаимосвязаны и оказывают различное влияние на деятельность человека, формирование

его политических, социальных, культурных связей. Коммуникативные системы, обеспечивающие жизнь города, опираются на «обращение к прошлому, восприятие его моделей в языке, литературе, архитектуре, визуальных образах, традициях и обычаях. Так, через пласты истории и современности формируются представления о городе, выходящие за рамки территориальных; город может рассматриваться как изменчивая пространственно-сетевая структура, обладающая устойчивым ядром организации смыслов» [1, с. 24].

Целью исследования являются определение и идентификация мест в Самаре, обладающих особой ценностной значимостью для горожан, формирующих образ города, выступающих одновременно как источник разного рода переживаний (эстетических, социальных, мировоззренческих) и как результат творческой и хозяйственной деятельности человека.

Самара — город-миллионник Среднего Поволжья. Самарская набережная Волги — одна из главных достопримечательностей города, состоящая из четырех уровней. На набережной возведен памятник князю Григорию Осиповичу Засекину — основателю Самары; расположена стела Ладья, которая является символом Самары. Здесь же установлены малые скульптурные формы: «Бурлаки на Волге», с точностью повторяющие одноименную картину Ильи Репина; «Красноармеец Сухов» (актер, сыгравший главного героя фильма «Белое солнце пустыни», жил в Самаре); композиция по сказке «Аленький цветочек» С. Т. Аксакова, с Самарой связана история его семьи писателя (деда, сына — губернатора Г. С. Аксакова и внучки Ольги, которой и была посвящена сказка).

Немного выше набережной находится «Самарская площадь». На ней с советских времен расположен монумент Славы, посвященный рабочим заводов, производящих в годы Великой Отечественной войны самолеты. В военные годы Куйбышеву была отведена роль «запасной столицы» СССР, жизнь его была подчинена трудностям этого времени.

«Они связаны с эвакуацией в города региона промышленных объектов, правительственных, государственных и культурных учреждений, их рабочих и служащих, а также с общей тенденцией перестройки всей жизни страны, всего общества на военный лад» [2, с. 43].

Рядом с монументом Славы установлен мемориальный комплекс «Скорбящая Родина-Мать», где перечислены имена Героев Советского Союза и Кавалеров Орденов Славы. В этом комплексе был зажжен Вечный огонь, который горит уже почти 50 лет и символизирует вечную память о наших земляках — героях. Современные модернизирующие площадь работы были произведены при помощи жителей города, активно участвующих в улучшении городского пространства.

Особое эстетическое и эмоциональное воздействие определяется гармоничным сочетанием уникальных и рядовых архитектурных решений — памятников и фоновой исторической застройки. В «старом городе» большую часть всех построек занимают здания XIX — начала XX в., которые, безусловно, представляют исторический облик дореволюционного купеческого города. Благодаря горожанам и волонтерскому движению, оказывающих безвозмездную помощь в реставрации, эти здания не были разрушены или перестроены. Эти дома, а также дома, построенные в 1980-х гг., являются историческим наследием ушедших эпох, смотря на которые человек подсознательно отправляется на несколько десятков лет в прошлое родного города и в целом России. «Сегодня рядовая историческая застройка признается одним из ключевых элементов городского ландшафта, не уступающим по степени значимости памятникам архитектуры» [3, с. 14].

На фасадах многих домов «восьмидесятников», занимающих целые микрорайоны, возникли огромные портреты великих деятелей России и СССР, причастных к истории Самары (Куйбышева) или всей страны. Так, например, портрет Д. Козлова, советского конструктора ракетно-космической техники, работающего в Самаре, космонавта Ю. Гагарина,

доктора В. Середавина, героя-летчика А. Мамкина и других. Такие графические изображения на фасадах зданий широко применимы в мировой практике. «В частности, интересен дом № 38 по улице Льва Толстого, при создании цветографического панно на боковом фасаде которого авторами практически из небытия была восстановлена легенда о существовавшей здесь некогда шляпной мастерской» [4, с. 332].

Особого внимания в архитектурных решениях городской среды заслуживают те, которые представляют интерес не с художественной точки зрения, а с позиции преемственности поколениями традиций народных сказаний в рамках городских историй. Так, известна связанная с одним из самарских домов легенда девушки Зои, застывшей в руках с иконой Николая Чудотворца, так называемое «стояние Зои» (31 декабря 1955 г., Куйбышев). Эта история стала известна всей стране в 2009 г. благодаря фильму «Чудо» режиссера А. Прошкина. Дом № 84 на ул. Чкалова в настоящее время было решено снести в силу ветхости, но легенда и само историческое место пользуются популярностью у горожан, став неотъемлемой частью культурной памяти города. Как известно, такие «легенды, живущие в поколениях, показывают эмоциональный, мироощущенческий пласт народной мудрости» [5, с. 46]. В связи с этим усилиями властей разного уровня было принято решение создать на месте исторической постройки, олицетворяющей городскую легенду, часоулку и сквер [6].

Новые районы Самары не остаются без средств, напоминающих о событиях и людях своего города. Как правило, они посвящены тематике Великой Отечественной войны. Памятники, связанные с каким-либо культурным событием, тесно вплетенным в историю города, с целью знакомства гостей города Самары располагаются в центральной исторической части города.

Таким образом, городская среда актуализирует образ малой и большой Родины в сознании людей, способствует

появлению у населения гордости за свой родной край и страну в целом, формированию и поддержанию патриотических чувств. Городская среда отражает понимание людьми истины: субъектом истории и культуры является народ в его единстве.

Список литературы

1. Николаева Ж. В., Троицкая А. А. Дискурс об идентичности как способ осмысления городского пространства // Журнал Фронтирных Исследований. — 2020. — Т. 5. — № 1 (17). — С. 11–28.
2. Шматов Е. Н. Города Среднего Поволжья // Наука и культура России. — 2012. — С. 43–45.
3. Пасечник И. Л., Марушина Н. В. Категория ценности в теории и практике сохранения исторической городской среды (в контексте изучения рядовой исторической застройки) // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. — 2019. — Т. 21. — № 3. — С. 9–19.
4. Заславская А. Ю., Рожков Н. В. Интерпретация легенд старой Самары в дизайне городской среды // Традиции и инновации в строительстве и архитектуре. Архитектура и дизайн. — 2016. — С. 331–335.
5. Белякова О. Б. Культурные составляющие оптимистического мироощущения русского народного характера // Наука и культура России. — 2005. — С. 46–47.
6. «Стояние Зои». Музей или часовня? [Электронный ресурс] // Краеведофф. Достопримечательности Самары и Самарской области : [сайт]. — URL: <https://kraevedoff.biz/stoyanie-zoi-muzej-chasovnya> (дата обращения: 16.05.2020).

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НАСЛЕДИЯ ФОРТИФИКАЦИОННОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Пиляк С. А.

Смоленск, Музей «Смоленская крепостная стена»

Аннотация. Наследие фортификационного зодчества обладает огромным историко-культурным потенциалом. Залогом использования объектов наследия является осознание их ценности в процессе интерпретации. Автор рассматривает особенности интерпретации наследия фортификационной архитектуры и анализирует наиболее распространенные сценарии их использования.

Ключевые слова: фортификационная архитектура; культурное наследие; интерпретация; историко-культурный потенциал.

Интерпретация культурного наследия является одним из наиболее распространенных видов его освоения и творческого осмысления. Как отмечает М. К. Мамардашвили, культура, в первую очередь, заключается не в совокупности ценностей, сохраняемых в музеях и библиотеках, а в ощущении человеком своего бытия или небытия в качестве человека, а не природного существа [1, с. 76]. Таким образом, следует признать, что лишь интерпретация наследия способна служить осознанию его ценности и в дальнейшем способствовать его сохранению. В данном случае возможно напомнить известную притчу о каменщиках. Два каменщика на стройке собора везли одинаковые тачки с камнями. Когда

их спросили о том, чем они заняты в настоящий момент, один ответил, что везет тачку с камнями, а другой — заявил, что строит прекрасный собор. На этом примере мы можем не только утверждать, что, во-первых, в любом деянии по определению есть изначально заложенный смысл. Однако, при этом, во-вторых, при внешнем сходстве смысловое наполнение может быть различным и может быть по-разному интерпретировано.

Стоит отметить, что отличительным свойством процесса и результата интерпретации культурного наследия является четкая связь с современностью. Интерпретатор избирательно обращается как к выбору объекта интерпретации в контексте современности, так и к отдельным особенностям объекта. В итоге результат интерпретации — созданный в сознании интерпретатора образ объекта культурного наследия — оказывается подчас более зависим от текущей ситуации, нежели собственного смыслового наполнения, что неизменно влияет на формирование информационного и культурного пространства.

Ярким примером, способным проиллюстрировать данный тезис, является интерпретация фортификационных сооружений российских городов. Первоначально возведенные как защитные сооружения кремли постепенно утратили изначальный функционал. Со временем это даже привело к их частичной физической ликвидации. Но, тем не менее, до сих пор в России сохраняются более десятка кремлевских ансамблей. В их образном насыщении есть заметные различия, которые сформировали различное отношение к их сохранности, и, следовательно, к их текущему содержанию и техническому состоянию. С учетом актуальности проблемы сохранения объектов культурного наследия данная ситуация требует особого рассмотрения.

Некоторые кремли становятся архитектурными символами, и, благодаря такому смысловому наполнению, получают необходимую поддержку на содержание, как в случае

Московского кремля, служащего символом и зримым свидетельством незыблемой государственной власти. Стены и башни Московского кремля, построенные в XV в., уже к XVII в. утратили свое фортификационное значение. Увенчанные высокими шатрами в эпоху абсолютизации монархии, башни должны были визуализировать в архитектурной среде место пребывания монарха. В данном контексте объяснимо использование подобных архитектурных форм и при строительстве загородных царских резиденций первых Романовых. Впоследствии стены с зубцами и башни под конусовидными или многоярусными завершениями становятся своеобразным архитектурным шаблоном, интерпретированным образом Московского кремля XVII в.

Московский кремль стал одним из символов России, своеобразным паттерном национальной идентичности, что и объясняет тиражирование этого образа в среде российских городов. Повторения отдельных сооружений Московского кремля, деталей зубцов и башен, реализованные в российских крепостях и монастырских комплексах, сделали этот символ понятным и читаемым. С учетом важного символического наполнения данного ансамбля, его техническое состояние на протяжении многих лет визуально остается близким к безупречному. Даже утраты, возникающие на протяжении минувших столетий, такие как разборка части южной стены зодчим Василием Ивановичем Баженовым для строительства Большого Кремлевского дворца, либо повреждения в войне 1812 г., в относительно оперативный срок ликвидируются, с тем, чтобы сохранить зафиксированный «исторический» облик Московского кремля, ориентирующийся на состояние ансамбля в XVII в. Отметим, что вопрос воссоздания памятников архитектуры остается открытым. Тем не менее, известно мнение по этому вопросу академика И. Г. Лежавы: «<...> сотни замков, крепостей, соборов — фактически «новодел». Думаю, ничего плохого не будет в том, что появятся новые «муляжи», которые всего

лишь напомнят прошлое» [2, с. 26]. А. С. Щенков вносит свою лепту в формулирование проблем сохранения историко-культурного наследия: «существенная теоретическая проблема, связанная с архитектурным наследием, порождена различиями, а часто и противоречивостью взглядов отдельных слоев общества на ценность наследия, на саму потребность его сохранения в том или ином объеме» [3, с. 51].

Создать условия для использования их историко-культурного потенциала и обеспечить их сохранение — сложная задача, связанная, в первую очередь, с поиском и определением их функционала в настоящий момент. Во-первых, объекты кремлей имеют большой потенциал в сфере патриотического воспитания и популяризации событий военной истории государства. Кремль, занимающий, как правило, центральную часть города, окаймленный городскими площадями, насыщенный административными зданиями и культурными объектами, с учетом их доступности, по определению обладает высокой способностью репрезентовать собственный историко-культурный потенциал. К примеру, масштабные реставрационные работы на объектах Нижегородского и Новгородского кремлей, начатые после Великой Отечественной войны, позволили представить фортификационные сооружения в качестве зримых символов важных событий российской военной истории. На настоящем этапе работы ведутся на объектах Смоленской крепости.

Во-вторых, кремли выступают символами региональной идентичности. Для крупных региональных центров создание условий для поддержания хорошего состояния кремлевских ансамблей является важной составляющей частью формирования престижа региона. Как известно, «национальная культура приобретает известность во всем мире только тогда, когда ценности, развитые в ней, становятся достоянием всего человечества» [4, с. 4]. Зачастую такие ансамбли ассоциируются с экономическими и культурными успехами региона, как Казанский и Тобольский кремли.

В данном контексте возможно также вспомнить пример создания кремлеподобных зданий в Йошкар-Оле. Потребность в презентации региональной идентичности в формате «столичного кремля» была реализована созданием в 2000-х гг. нескольких зданий, сформировавших неординарную архитектурную среду, до сих пор вызывающую споры, как в профессиональном сообществе, так и в широкой аудитории. Несмотря на претенциозный характер этого проекта, в определенной степени его можно считать успешным. Город получил яркие архитектурные символы, в некоторой степени вырос туристический поток. Однако непродуманность вопросов содержания и использования построенных объектов, а также полное отсутствие региональной привязки в облике Царевококшайского кремля и Благовещенской башни изначально сделали проект обреченным на неудачу.

В-третьих, кремли могут выступать площадками для размещения объектов культуры и искусства. В российских реалиях такой подход остается реализуемым лишь частично. Близкая концепция реализована в кремлях Рязани, Тулы и Астрахани. При этом немалое количество музеефицированных монастырских ансамблей дает понимание широких возможностей применения этого метода.

Следовательно, даже на примере столь сложных для современного использования объектов, как фортификационные сооружения, возможно найти формы их использования и актуализации историко-культурного потенциала.

Список литературы

1. Мамардашвили М. К. Мысль в культуре // Философские науки. — 1989. — № 11. — С. 75–81.
2. Лежава И. Г. Будущее городов // Фундаментальные исследования РААСН по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли Российской Федерации в 2009 году : науч. тр. РААСН:

- в 2 т. / РААСН, Иван. гос. архит.-строит. ун-т; под ред. А. П. Кудрявцева [и др.]. — М. ; Иваново, 2010. — Т. 1. — С. 24–32.
3. *Щенков А. С.* Архитектурно-градостроительное наследие в научных исследованиях РААСН // Фундаментальные исследования РААСН по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли Российской Федерации в 2009 году : науч. тр. РААСН : в 2 т. / РААСН, Иван. гос. архит.-строит. ун-т; под ред. А. П. Кудрявцева [и др.]. — М. ; Иваново, 2010. — Т. 1. — С. 50–53.
 4. *Лосский Н. О.* История русской философии. — М., «Советский писатель», 1991. — 480 с.

ХРАМОВАЯ АРХИТЕКТУРА ЧЕЛЯБИНСКА КАК РЕСУРС ВИДЕОЭКОЛОГИИ

Шарманова Т. В.

Челябинск, православная гимназия,
Физико-математический лицей № 31

Аннотация. В статье анализируются стилистические особенности храмовой архитектуры города Челябинска. Автор доказывает, что храмовое зодчество при всем разнообразии стилей органично вписывается в любой городской ландшафт. В итоге делается вывод, что художественное своеобразие православной архитектуры позитивно сказывается на видеоэкологии современного города.

Ключевые слова: архитектура; храмовое зодчество; видеоэкология; образ города.

В сферу наших научных интересов город вошел сравнительно недавно. На II Всероссийской научно-практической конференции «Антропология города: социокультурные стратегии в полиэтничном обществе» (Челябинск, 17–18 мая 2018 г.) был сделан доклад «"Пушкинские места" в городе Челябинске как маршрут образовательной экскурсии» [1]. В новом исследовании мы сосредоточили внимание на ином аспекте проблемы познания городской среды, в частности на проблеме видеоэкологии. Видеоэкология — это наука о взаимодействии человека с визуальной окружающей средой, под которой понимается все то, что мы воспринимаем через органы зрения. Исследователи утверждают, что социальные последствия неблагоприятной визуальной среды городского пространства

способствуют развитию деструктивных явлений, в частности психических заболеваний, агрессивности жителей мегаполисов, оторванных от естественной природной среды [2, с. 199].

По нашему убеждению, храмовое зодчество способно качественно изменить видеозекологию современного города. Храмы придают особый неповторимый облик пространству, поскольку соединяют воедино духовную и культурную историю города. Сегодня в Челябинске насчитывается около двадцати православных храмов и два монастыря (Богоявленский монастырь (мужской) и Одигитриевский монастырь (женский)). Рассмотрим некоторые архитектурные храмовые сооружения Челябинска. Среди значимых культурно-исторических построек можно выделить три храма, которые представляют наибольшую ценность: Свято-Симеоновский кафедральный собор, Свято-Троицкая церковь и храм Александра Невского. Остальные построены в XX в., но с точки зрения видеозекологии не менее привлекательны.

Свято-Симеоновский кафедральный собор (Рис. 1). Время возведения — между 1873 и 1883 гг. Расширялся в 1947–1960, 1976–1977 и 1986–1990 гг. Стиль — эклектика, русско-византийский. Свято-Симеоновская церковь была поставлена на склоне холма над рекой, в самой высшей точке окраины Челябинска. Гора всегда была символом возвышения духа. И до сих пор дорога к храму со стороны реки представляет собой крутой подъем. После революции и Великой Отечественной войны храм стал единственным уцелевшим культовым сооружением в городе. Современный вид приобрел после перестройки в конце 1980-х гг. В 1986–1990 гг. была проведена капитальная реконструкция, единственная действующая в городе небольшая церковь превратилась в трехпрестольный кафедральный собор. Собор находится в контрасте с близкими домами спального района, которыми застроена близлежащая территория. Архитектурное сооружение с духоносным началом на Кыштымской улице, возможно, кого-то исцеляет, кого-то вдохновляет, кому-то приносит утешение.

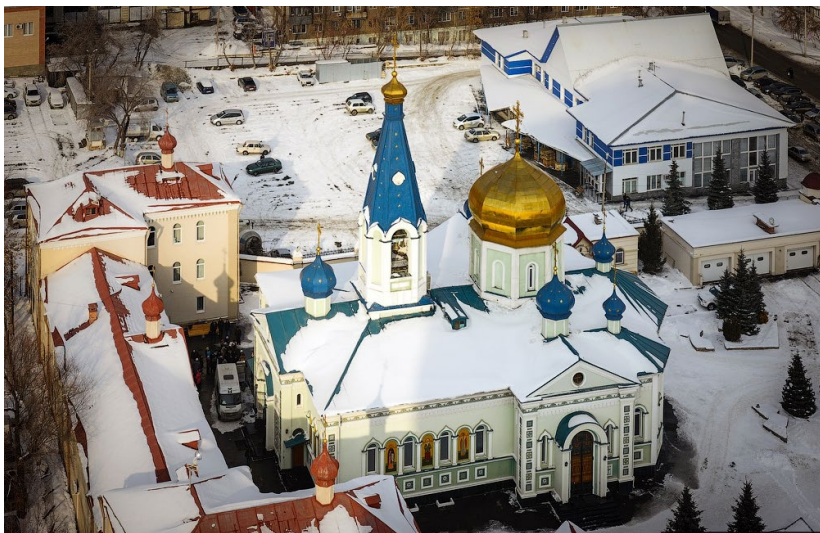

Рис.1. Свято-Симеоновский кафедральный собор.
Источник: Зимний Челябинск [Электронный ресурс] //
Почел: Путеводитель по Челябинской области:[сайт]. —
URL: <http://pochel.ru/media/photologue/photos/e67/e67bf483-8567-4ed3-99eb-7ad570988511.jpg>. (дата обращения: 20.05.2020).

Ведь, согласно исследованиям архитекторов, «у всех опрошенных этот стиль (спальные районы) вызвал чувства обыденности, повседневности, скуки, а также ассоциировался с безысходностью, холодом, серостью, угнетением» [3].

Церковь Троицы Живоначальной (Рис. 2). Постройка — между 1911 и 1914 гг. Архитектурные стили — эклектика, псевдорусский. Первая Свято-Троицкая церковь была заложена в Заречье в 1768 г. В 1909 г. было принято решение о строительстве нового храма на этом месте. Строительство было начато в 1911 г. 12 октября 1914 г. церковь была освящена. В советское время церковь была закрыта, в здании разместились экспозиции краеведческого музея. С 1931 г. по 1932 г. музей был перевезен в Христорождественский собор. Но после сноса последнего музей был возвращен в здание Свято-Троицкой церкви. В 1987–1988 гг. здание было реставрировано. В 1990 г. здание передано Челябинской и Златоустовской епархии и повторно

Рис. 2. Церковь Троицы Живоначальной. Источник: В Челябинске стартовал всероссийский конкурс на лучшую архитектурно-градостроительную концепцию развития исторического центра города (фото kirillmefody.ru) // Челябинский обзор: сетевое издание [сайт]. URL: <https://obzor174.ru/sites/default/files/news/20160707-v-chelyabinske-yyberut-konceptsiyu-razvitiya-istoricheskogo-centra-goroda/centr.jpg>. (дата обращения: 20.05.2020).

освящено. Этот самый большой храм в городе расположен в центре Челябинска: между Торговым Центром города и цирком. Следует заметить, что само задние Торгового Центра является шедевром архитектуры, объектом культурного наследия и способно отвлечь взгляд от храмовой архитектуры. Купол «Торгового центра» — один из узнаваемых символов города. Построенный в «советское» время (1975 г.) «Торговый центр» был первым подобным сооружением в мире. Дело в том, что это здание практически «парит в воздухе». Внутри него нет колонн, поддерживающих сферу изнутри. Опорой «Торгового центра» являются исключительно четыре угла самого купола. Казалось бы, православный храм потеряется на фоне агрессивной среды: Китайский базар, новостройки в стиле хай-тек, перекресток дорог. Однако, это не так. Храм живет своей жизнью. Даже далекий от религии человек обратит внимание на зеленые купола на фоне сооружения из красного кирпича и любовно ухоженную территорию, летом

благоухающую разноцветьем. Прихожане очень трепетно относятся к духовной святыне. Крупное православное сооружение притягивает прихожан не только в дни службы и седмицы великого поста, но и ради молитвы.

Храм Александра Невского. Постройка — между 1907 и 1915 гг. Архитектурные стили — русско-византийский. Жемчужиной челябинской храмовой архитектуры можно назвать храм Александра Невского, построенный в начале XX в. по проекту московского архитектора А. Н. Померанцева. В разные периоды здесь размещались типография, склад, планетарий, шахматный кружок. С начала 1980-х гг. и до 2013 г. в бывшем храме располагался концертный зал. В 2010 г. было проведено первое богослужение. С точки зрения видео-экологии храм находится в очень выгодном месте — в центре современного Челябинска, в сквере на Алом поле. Красоту и величие храма не заслоняет нагромождение построек, торгово-развлекательных центров и жилых домов.

Среди вновь построенных храмов в Челябинске есть такие, которые отличаются особой эстетикой, красотой и стилем. Рассмотрим удачные и оригинальные в архитектурном плане постройки на примере двух храмов в промышленном Металлургическом районе Челябинска.

Храм в честь великомученика Георгия Победоносца. Постройка 2009 г. Архитектурные стили — неорусский, колокольня — шатровый. Храмовое здание смотрится очень декоративно, так как в нем сочетается несколько цветов. Золотой цвет крестов и куполов, зеленый в покрытиях крыши, терракотовый цвет в остове здания, белый цвет опояски из мраморной крошки с рельефными крестами на ней и коричневого цвета гранитной отделки фундамента. Все это создает яркую цветовую композицию. Смысловая конструкция храма очень интересная, благодаря ей снаружи просматривается кубический объем храма, а внутри — круг. Созданию центрической цельности способствовало пространство без столпов. Снаружи храм одноапсидный. Колокольня

построена в шатровом стиле, примыкает к храму сбоку и нетрадиционно находится справа от алтаря. Высота храмовой колокольни с крестом — 47 м, а крест центрального купола — 43 м. Обычно колокольня располагается в другом месте, отдельно от церкви. В церкви Георгия Победоносца колокольня располагается в общем здании с южной стороны. Такое архитектурное решение присуще больше греческому зодчеству. На колокольню ведет довольно крутая лестница из 100 ступеней. С колокольни возможен обзор панорамы всего Metallургического района. Здесь мы увидим «Маленькую Германию» — квартал, который построили пленные немцы в «баварском» стиле. Жилые дома вокруг — в стиле сталинской, хрущевской, брежневской архитектуры и high-tech.

Храм в честь иконы Божией Матери «Взыскание погибших». Постройка — между 2001 и 2003 гг. Стиль — шатровый. Архитектор А. Анисимов украсил местный ландшафт, просто и естественно вписав храм в березовую рощу. В церковном зодчестве шатер считается типично русским явлением. Все фасады храма настолько отличаются друг от друга, что при обходе вокруг него можно увидеть все новые объемы и декоративные элементы. Небольшая территория храма обнесена оградой из металлических решеток изящного рисунка, дорожки покрыты тротуарной плиткой, газоны подстрижены, а клумбы радуют разноцветием.

Красота и величие храмовых сооружений, несомненно, способствуют эстетическому наслаждению и позволяют жителям и гостям морально отдохнуть от серости внешнего мира в промышленном городе. Челябинск растет. Возрождаются духовные традиции православия, а вместе с ними строятся новые храмы, разнообразные по своей архитектурной стилистике и убранству. На примере нескольких храмов города мы увидели благодатные объекты видеоэкологии, сочетание, казалось бы, не сочетаемых стилей, отражающих культурно-историческое наследие прошедших эпох на некоторых участках челябинской земли.

Список литературы

1. Шарманова Т. В. «Пушкинские места» в городе Челябинске как маршрут образовательной экскурсии // Антропология города : социокультурные стратегии в полиэтничном обществе : сб. науч. ст. — Челябинск : ФССКН «Общественный фонд “Южный Урал”», 2018. — С. 161–164.
2. Новикова В. М., Повышева С. В. Проблемы видеоэкологии городской среды // Известия МГТУ. — 2013. — № 1(15). — С. 199–202.
3. Комиссарчик К. Спальные районы портят город и доводят до депрессии. Архитектор рассказал, как стили влияют на человека [Электронный ресурс] // Citydog.by : [сайт]. — URL: <https://citydog.by/post/kak-stili-vliyaют-na-cheloveka> (дата обращения: 26.05.2020).

ПРИРОДНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ОБРАЗЫ КАРЕЛИИ В ОРГАНИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА ОБЪЕКТОВ ЛАНДШАФТНОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Ольхин Ю. В., Селиверстов А. А.
Петрозаводский государственный университет

Аннотация. В статье отмечен опыт авторов в разработке дизайн-проектов организации пространства и малых архитектурных форм для различных объектов ландшафтной архитектуры на территории Республики Карелия. Приведены примеры природных и культурных образов Карелии, использованных при разработке концепций объектов, в проектировании и реализации проектных предложений.

Ключевые слова: объекты ландшафтной архитектуры; малые архитектурные формы; концепция; природа; культура; Республика Карелия.

Опыт взаимодействия Петрозаводского государственного университета (далее — ПетрГУ) с Министерством строительства, жилищно-коммунального хозяйства и энергетики Республики Карелия, Администрацией Петрозаводского городского округа и Администрациями муниципальных районов Республики Карелия показал актуальность и востребованность проектных ландшафтно-архитектурных решений, способствующих развитию элементов комфортной и креативной среды общественных и дворовых территорий населенных пунктов. Сотрудниками и студентами ПетрГУ в 2018–2019 гг. в рамках Программы развития опорного университета были проведены предпроектные исследования

и проектные работы на 63 объектах в 16 муниципальных районах республики. Авторы также принимали активное участие в разработке проектов организации пространства и малых архитектурных форм для различных объектов ландшафтной архитектуры [1, с. 88]. Часть проектов вошли в заявки администраций поселений для участия в программах поддержки местных инициатив, в том числе — «Комфортная городская среда».

Для большинства объектов проектные решения разрабатывались не только с точки зрения функциональности, но и с концептуальных позиций, с разработкой образной характеристики. Одним из таких объектов стала территория бывшего рынка на ул. Питкярантской в Петрозаводске, вместо рынка предполагалось создать сквер. Концепция дизайн-проекта данной территории направлена на разработку и реализацию рекреационного объекта, который стал бы функционально, экологически и визуально комфортным для отдыха. Основой для дизайна среды послужили образы карельского природного ландшафта — формы, напоминающие островки леса среди озер и болот, а также луговые пейзажи Олонецкой равнины. Эти образы визуально прослеживаются в планировочных элементах сквера, в ландшафтных композициях из декоративных деревьев и кустарников, вечнозеленых хвойных акцентов, цветущих многолетников и декоративных злаков. Летом 2019 г. на этом объекте были начаты работы по реализации проектных предложений.

Природные образы Карелии использовались при разработке дизайн-проекта Соломенского парка Петрозаводска. Концепция направлена на формирование рекреационного комплекса, объединяющего прогулочный и тихий отдых в природной среде, спортивные, общественные и тематические мероприятия, экологическое образование. Площадь этого парка более 5 га и большую часть пространства занимает естественный древостой сосны обыкновенной, а в напочвенном покрове произрастают мхи, черника, брусника,

вереск обыкновенный. В нескольких местах парка отмечены выходы скальной породы на поверхность и группы крупных валунов. С учетом максимального сохранения существующего древостоя и природного напочвенного покрова были запроектированы компактные растительные композиции с акцентами из вечнозеленых хвойных деревьев и кустарников в сочетании с камнями и мульчирующим материалом (опавшей хвоей и шишками). Формирование композиций, с использованием крупных валунов и растительных групп с сосной обыкновенной, сосной горной, можжевельником обыкновенным, создаст впечатление естественного лесного пейзажа и будет хорошо сочетаться с природным окружением. Такое решение напоминает лесные пейзажи Карелии, ассоциируется с ландшафтом, созданным ледником.

Тема водоемов Карелии, береговых пейзажей ручьев, рек и озер использовалась для нескольких дворовых территорий и открытых пространств жилых комплексов. Например, для оформления придомовых зон были предложены цветники, в которых форма и колористическое решение ассоциируются с руслом природного ручья. Для жилого комплекса «Свой берег» в концепции были использованы согласующиеся с его названием образы прибрежного пейзажа. Планировочные элементы в пространстве этого объекта напоминают извилистый контур водоемов и форму округлых камней вдоль берегов.

Не только природные объекты, но и образы, связанные с культурой коренных народов Карелии, были отражены в концепциях организации пространства объектов ландшафтной архитектуры. Например, для городского парка национального музея карелов-ливвиков имени Н. Г. Прилукина в г. Олонец была предложена концепция форм и колористического решения цветников, имеющая образную связь с предметами быта — карельскими половиками.

Природные и культурные образы Республики Карелия представляются нам не только в дизайн-проектах

организации пространства, но и в виде объектов малых архитектурных форм, которые подчеркиваются своей геометризацией и связью с природой в сочетании с функциональностью. Использование различных геометрических фигур и растительных мотивов в качестве выбранной формы и орнамента напоминает элементы национальной карельской вышивки, древнего искусства росписи. Ярким примером представления образа Карелии является реализованная для Института экономики и права ПетрГУ арт-велопарковка «По-карельски» (Рис. 1), которая наряду с эстетической задачей решает две практические — парковочные места для восьми велосипедов и возможность установки информационного стенда [2, с. 182]. Арт-велопарковка выполнена в цветовой гамме красного и зеленого цветов, которые традиционно использовались карельскими мастерами.

Результаты совместного творчества сотрудников ПетрГУ и КРО ООО «Союз дизайнеров России» можно было увидеть на фестивале «Уснувшие деревни» с инсталляцией «KARELIA» [3, с. 57]. В инсталляции отражен образ Карелии как края лесов, болот и озер (Рис. 2). Участие в фестивале проходило с целью сохранения культурной памяти и традиций карельских деревень.

Использование природных и культурных образов Карелии в концепциях ландшафтно-архитектурных объектов пробуждает интерес к уникальным пейзажам нашего края и самобытному национальному творчеству, открывает большие возможности для формирования индивидуального облика рекреационных объектов, способствует организации комфортной и креативной среды.

Список литературы

1. Олхин Ю. В., Селиверстов А. А. Малые архитектурные формы в композиции ландшафтного дизайна, озеленения и благоустройства общественных пространств //

Рис. 1. Арт-велопарковка «По-карельски».
Фото авторов.

Рис. 2. Инсталляции «KARELIA» на фестивале «Уснувшие деревни»,
природный парк Гирвас, Кондопожский район. Фото авторов.

Тенденции развития науки и образования: рецензируемый научный журнал [Электронный ресурс]. — Самара, 2018. — № 42. — Ч. 4. — С. 88–91.

2. *Селиверстов А. А.* Опыт создания объектов малой архитектурной формы на территории ПетрГУ // Университетская книга. — Курск, 2017. — Т. 4. — С. 180–183.
3. *Селиверстов А. А., Перский С. Н.* Опыт создания архитектурных объектов через сотрудничество с НКО в сфере архитектуры и дизайна // Современные подходы в образовании: искусство, технология, дизайн : сб. ст. Регион. науч.-практ. конф. (Петрозаводск, 15 декабря 2017 г.) [Электронный ресурс]. — Петрозаводск : изд-во ПетрГУ, 2018. — С. 54–59.

АРХИТЕКТУРНО-ЛАНДШАФТНАЯ СРЕДА КАК ОСНОВА ОБРАЗНОГО ПОТЕНЦИАЛА ТЕРРИТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ ЯЛТЫ)

Дергачёва А. В.

Севастополь, государственный университет

Аннотация. В статье рассмотрены составляющие архитектурно-ландшафтной среды (АЛС) как основы образного потенциала территории с точки зрения взаимодействия с туристической сферой. В работе сформулированы предложения по развитию АЛС для Ялты.

Ключевые слова: ландшафтная архитектура; образ города; имидж; туризм; регион.

Целью исследования является изучение вопроса формирования архитектурно-ландшафтной среды с точки зрения образного потенциала территории для развития туристической сферы на примере Ялты. Для решения цели были определены следующие задачи: выявить, что входит в архитектурно-ландшафтную среду с точки зрения развития образного потенциала территории; изучить основные архитектурно-ландшафтные особенности Ялты, которые влияют на развитие туристического потенциала; сформулировать общие предложения по развитию архитектурно-ландшафтной среды Ялты с учетом проведенного анализа.

Архитектурно-ландшафтная среда является связующим звеном между природной средой и человеческой цивилизацией. Ландшафтная архитектура является процессом изучения, проектирования и строительства новых форм

посредством вмешательства в естественный рельеф, а также созданием гармонии между ним и искусственными постройками, получение качественно застроенной среды, атмосферы самого пространства. Такое изучение включает в себя создание новых проектов, которые фокусируются на модернизации местности, требующей вмешательства на фоне своего состояния [1, с. 27–29].

Проектирование архитектурно-ландшафтной среды подчиняется единым принципам независимо от климатических условий и используемых стилевых решений. Главным принципом выступает единая композиционная линия и стилевое единство для формирования образа — дизайн-кода города. При качественном подборе составляющих архитектурного ландшафта, эти элементы подчеркивают достоинства и скрывают недостатки строений, расположенных на территории. Города в процессе развития чутко «отзываются» на внешние воздействия. Интеграция природы в городскую среду становится необходимой так же, как интеграция городов в окружающую их природную среду [2, с. 103–108]. Пространство улучшается и изменяется под воздействием человека с точки зрения культурной составляющей, но в то же время необходимо правильное взаимодействие с природным компонентом, который обладает своими механизмами существования и способен на самостоятельную трансформацию.

Образом территории являются представления о пространстве, некие формы отражения объектов в человеческом сознании и наглядное представление об объекте с закономерностями развития. Составляющей образа считается статус региона и его место в структуре, которое зависит от степени развития в области культуры и экономики [3, с. 81]. У региона, как территории, есть свой внешний облик, который формируется из его природных особенностей, архитектуры и экологического состояния.

Архитектурно-ландшафтная среда как основа образа территории исследуется на примере Ялты — города на Южном

берегу Крыма. Численность его населения немного превышает 79 тыс. чел. Со времени открытия Крымского моста основной поток туристов составил более 5 млн чел. за сезон. Ялта расположена на трех холмах и двух речных долинах, защищенных как с северо-востока, так и с севера. Актуальность исследования заключается в популярности Ялты как главного туристического центра Крыма и важности формирования качественной архитектурно-ландшафтной среды для жителей и туристов. Архитектурный ландшафт и его влияние на образ территории являются главными факторами привлечения туристов. В свою очередь, туризм влияет на окружающую среду, на ее экосистемы и природные ресурсы, на постройки и памятники архитектуры, на культуру и ценности, на местную и региональную экономику. Туризм и окружающая среда представляют собой единую систему, поэтому грамотно спроектированное решение взаимодействия ландшафтной среды с туристической деятельностью способствует его успешному развитию в регионе при условии регулирования потока людей и их влияния на окружающую среду.

Точкой соприкосновения архитектурно-ландшафтной среды и туристической деятельности является создание комфортной для человека среды и гармонизация ее отношений с городским пространством. Это возможно с помощью средств архитектурного и ландшафтного дизайна, который позволяет создавать уникальные градостроительные объекты и различные комплексы. Процесс создания такой среды начинается с формирования взаимосвязанной системы зеленого каркаса города [4, с. 73–77] с объемно-пространственной архитектурной средой, сформированная система в свою очередь влияет на развитие туристической составляющей. На туриста, прибывшего в курортный город, оказывает воздействие внешний и внутренний образ города, его имидж. Имидж города образуется целенаправленно, как совокупность значений, с помощью которых люди описывают объект, формируют свое отношение к нему [5, с. 4–7]. Эта

деятельность направлена на формирование положительного и привлекательного образа города, который привлекает туристов, способствующих социально-экономическому развитию региона [6, с. 143–145].

Главной задачей в создании архитектурно-ландшафтной среды является ее гармоничное взаимодействие с уже сложившимся окружением и создание комфортной атмосферы для человека. На основе экологических и климатических особенностей Ялты формируется решение по благоустройству архитектурно-ландшафтной среды.

Ялта — небольшой город, тем не менее, он перегружен лишними постройками и легковым транспортом. Недостроенные многоэтажные «бетонные коробки» закрывают живописные виды города и портят общее впечатление. Жилые дома не подчинены одному колориту или стилю. Нехватка парковок вынуждает оставлять машины на обочинах, тем самым затрудняя движение общественного транспорта. Количество рекламы и граффити так же неблагоприятно влияют на внешний облик города.

Исходя из вышеперечисленного, на основе экологических и климатических особенностей Ялты формируется решение по благоустройству архитектурно-ландшафтной среды. Для создания комфортного и приятного пространства необходимо преобразовать брошенные многоэтажные здания и доработать с учетом взаимодействия города с природой через создание «садов на крышах». Это решение позволит в жаркое сезонное время предотвратить перегрев здания и будет радовать внешним видом. Так, путем восстановления нарушенных территорий увеличится площадь озелененных территорий. Необходимо отреставрировать жилые комплексы в единой стилистике города. Для создания большего взаимодействия архитектуры с природой фасад зданий преобразовывать в «живые стены». При создании современных ландшафтных объектов будут использоваться новейшие технологии, художественные средства, будет формироваться

новая эстетика ландшафтного урбанизма и дизайна. Следует минимизировать транспорт на главных улицах посредством создания озелененных парковок. Такие парковки подходят как для легковых, так и для грузовых автомобилей. Они создаются путем укрепления грунта природными материалами, такими как щебень, песок [7, с. 224–230; 8, с. 62–66].

Делая выводы, можно сказать, что архитектурно-ландшафтная среда является важной составляющей региона, это основа образного потенциала города, влияющая на множество факторов, а именно на привлечение туристов и последующее экономическое развитие, примером которому служит Ялта.

Список литературы

1. *Залесская Л. С Микулина Е. М.* Ландшафтная архитектура : учеб. для вузов. — М. : Стройиздат, 1979. — 240 с.
2. *Потаев Г. А.* Градостроительное искусство : традиции. — Минск : БИТУ, 2016. — 220 с.
3. *Никанорова Е. В.* Формирование туристского образа территории : дисс. ... канд. геогр. наук. — М. : МГУ, 2009. — 168 с.
4. *Потаев Г. А.* Ландшафтная архитектура и дизайн. — М. : ФОРУМ; ИНФРА-М, 2015. — 400 с.
5. *Важенина И. С.* Формирование имиджа и репутации территории : основные технологии и инструменты // Национальные интересы : приоритеты и безопасность. — 2011. — № 20. — С. 4–9.
6. *Потаев Г. А.* Композиция в архитектуре и градостроительстве. — М. : ФОРУМ; ИНФРА-М, 2015. — 304 с.
7. *Потаев Г. А.* Градостроительство : теория и практика. — М. : ФОРУМ; ИНФРА-М, 2014. — 432 с.
8. *Красильникова Э. Э.* Ландшафтный урбанизм. Теория-Практика. Ч. I: Научные и практические основы ландшафтного урбанизма : монография — Волгоград : ИАА «Областные вести», 2015. — 156 с.

ОБРАЗ ГОРОДА В ЛАНДШАФТНЫХ РЕШЕНИЯХ

Высоцкая Н. В.

Омский государственный автомобильно-
дорожный университет

Аннотация. Почему некоторые города врезаются в нашу память неким целостным, неделимым образом, а некоторые оставляют о себе невнятное, расплывчатое впечатление? Каждый человек уникален, и каждый хочет жить в уникальном и неповторимом месте. Каким образом ландшафтная архитектура и дизайн могут этому способствовать?

Ключевые слова: образ города; ландшафтная архитектура; дизайн; среда обитания.

Что мы хотим получить, выбирая то или иное ландшафтное решение для наших городов? Какова наша цель? Каким должен быть итог наших изысканий в этой области? Прежде всего, на первом месте будет стоять цель создания комфортной и эстетически привлекательной среды обитания человека. Эту цель преследуют все архитекторы, дизайнеры, решая свои конкретные и часто очень разные задачи. Так было во все времена у всех народов. Но в XX в., после разрушительных войн, после нового витка развития послевоенной промышленности, в период глобализации и экологических катастроф у человечества появились новые вызовы. Ответом на эти вызовы стали постулаты «Устойчивого развития и строительства», принятые на международной конференции ООН в Рио-де-Жанейро в 1992 г. [1]. Согласно этим постулатам, развитие наших городов должно быть устойчивым

в социально-экономическом, экологическом и культурном аспектах. Мы должны оставить следующим поколениям условия жизни не хуже тех, что получили мы, не растеряв при этом своей культурной идентичности. И поэтому одной из важнейших целей при проектировании и строительстве будет цель экологизации нашей жизни. Мы должны устраивать свою жизнь в большей гармонии с природой, чем есть сейчас. В первую очередь, это — экономия невозобновимых ресурсов, использование альтернативных источников энергии, утилизация отходов, вторичное использование материалов, использование местных ресурсов и прочее. Так же на этой конференции взят курс на развитие региональных и национальных особенностей; так как вместе с глобализацией мира, что, несомненно, есть огромное достижение, мы получили много «одинаковых» городов, зданий, стилей жизни. Утратились не только культурные и национальные особенности, но зачастую не принимаются во внимание даже климатические и ландшафтные различия. Почти утрачено архитекторами и дизайнерами такое понятие как «гений места». А ведь именно неповторимое сочетание климата, ландшафта, архитектуры, местных материалов и растительности, культурных традиций, делает жизнь человека в определенном месте неповторимой, а значит — уникальной, особенной. Тем интереснее ее рассматривать и изучать, складывая в «копилку» собственной души новые образы и впечатления, а также способствуя наполнению смыслом таких высоких понятий, как «любовь к малой родине», а, по большому счету, и к большой тоже.

Поэтому, имея в виду эти аспекты, можно проанализировать состояние ландшафтной архитектуры и дизайна в таких городах как Омск и Екатеринбург. С тем, чтобы выявить оптимальные решения для озеленения и благоустройства этих городов, что позволит сделать их уникальными, запоминающимися, экологически устойчивыми, и горячо любимыми их жителями. В первую очередь нам интересен Омск, город,

который стабильно, наряду с Норильском, Челябинском и Нижним Тагилом входит в десятку самых экологически неблагополучных городов. Плохой воздух, насыщенный вредными веществами от выбросов промышленных предприятий и ТЭЦ, автомобильных выхлопов. Пыль и грязь из-за неправильно, или недостаточно проведенных работ по благоустройству (отсутствие бордюров на дорогах и тротуарах, непокрытые газоном или другой растительностью свободные участки земли). Площадь озеленения в Омске составляет 23 % от нормируемых 40–60 % [2] от площади застройки. И эти 23 % тоже не в лучшем состоянии. О былом звании «город-сад» и вспоминать неудобно... Почему так вышло? В послевоенные, трудные для нашей страны годы, город массово озеленялся и обустроивался. Породы для озеленения, в основном, брались доступные, дешевые и быстрорастущие, но при этом имеющие малый срок жизни (30–60 лет). Тополь, клен ясенелистный, ива, яблоня ягодная. Кроме того, эти породы дают большую поросль или самосев, которые быстро превращаются в неконтролируемые заросли. С 1980-х гг. нужно было планомерно вести санитарные рубки и заменять породы на более ценные и долгоживущие [3]. Поскольку такая работа стала массово осуществляться в последнее десятилетие, то на 2017 г. мы имели «голый» город, «город-пень», как обидно пишут в интернете.

В последнее десятилетие высажено много ценных пород деревьев и кустарников — березы, липы, клены, дубы, много хвойных пород; но должны пройти годы, прежде чем они вырастут [4]. Так обстоят дела в скверах и парках города. А вот улицы Омска по-прежнему озеленены хаотично. Мы видим и старые тополя, и клены ясенелистные, и молодые саженцы разных пород, и деревья среднего возраста. Нет продуманной аллеи посадки деревьев и кустарников, а ведь именно она (при прочем благоустройстве) делает город ухоженным, аккуратным, отвлекает глаз от не всегда качественной архитектуры [5]. Там, где аллеи посадки осуществлены,

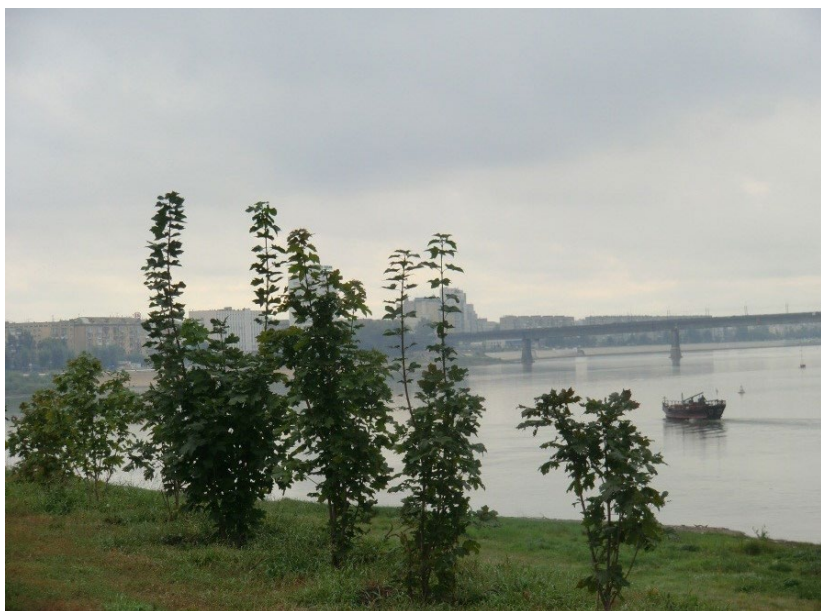

Рис.1. Клёны остролистные на набережной Омска.
Фото Н. В. Высоцкой

например клены остролистные на набережной у Омской крепости, нет должного ухода за саженцами, своевременной замены поломанных, вымерзших (Рис. 1). Поэтому нет должного вида аллеи, она с «пробелами», с деревьями разного вида. А ведь как замечательно смотрятся аллеи посадки каштанов в Париже, лип в Санкт-Петербурге и Москве (Рис. 2), магнолий в Сочи.

Таким местным «гением» в Омске могла бы стать ива Гензе, — наше местное культурное достояние. Шаровидная ива, хорошо растущая в нашем климате и дающая замечательный купол кроны, под которым так хорошо укрыться в наше жаркое лето. В последние годы эти деревья появляются в озеленении города, но хотелось бы видеть их больше именно в аллеиных посадках (Рис. 3). Это безусловное украшение городов, одна из составляющих «гения места».

В этом плане больше повезло Екатеринбургу, где с 1980-х гг. планомерно велись санитарные вырубки, замена

Рис. 2. Липовая аллея в Москве.

Фото Н. В. Высоцкой

старых деревьев на новые, более ценные породы. Сейчас город может «похвастаться» замечательными липовыми аллеями и аллеями шаровидных декоративных яблонь (Рис. 4). Екатеринбург имеет свое неповторимое ландшафтное лицо, которое запоминается. Можно добавить сюда и многочисленные посадки сирени венгерской на пешеходных бульварах, и использование в ландшафтном дизайне местных, «диких» травянистых малоуходных и устойчивых многолетников. Наряду с уральской исторической архитектурой, конструктивизмом 1920-х гг. и современными небоскребами, а также, благодаря хорошему благоустройству, складывается интересный образ современного, динамичного, не похожего на другие, города, сопоставимого со многими европейскими городами. При этом ассортимент растений, используемых в ландшафте, не слишком разнообразен.

Рис. 3. Ивы Гензе на Любинском проспекте в Омске.
Фото Н. В. Высоцкой

По сравнению с Екатеринбургом в Омске в последние годы в озеленении используются практически все породы деревьев и кустарников, которые могут расти в нашей климатической зоне. Наряду с традиционными хвойными породами, березами, лиственницами, дубами, кленами, рябинами и черемухами мы можем видеть в озеленении города и редкие, экзотические — орех манчжурский, бархат амурский, туи западные, можжевельники, чубушники, все виды спирей, калину Бульденеж. Тогда почему же ландшафт Омска не воспринимается как нечто целостное и запоминающееся? Не является идентифицирующим «маркером», по которому будет воссоздана картина, образ города? Наряду с нашим степным ландшафтом, жарким, сухим летом, нашими реками и нашей невысокой архитектурой? Отчасти, и по причине разнообразия тоже. Если уж мы говорим об образе, то нужно сказать и о композиции.

Рис. 4. Шаровидные яблони на проспекте Ленина в Екатеринбурге. Фото Н. В. Высоцкой

Город — это своеобразная пространственная композиция. И, как в любой композиции, в ней должны быть свои доминанты, акценты, фон. Если мы говорим сейчас о ландшафтном аспекте, то как раз в этом плане город напоминает «винегрет». Повторимся, доминантным растением Омска могла бы стать местная достопримечательность — ива Гензе. Это очень эффектное дерево, не заметить которое невозможно. Еще одно такое растение — тополь пирамидальный. И шаровидная ива, и тополь пирамидальный обладают яркой, выраженной формой. К тому же, у них светлая, серебристая листва, характерная для жаркого и сухого лета, которым славится наш регион. Эти деревья могли бы быть шире представлены в аллеином озеленении улиц Омска и стать визитной карточкой нашего города. Из кустарников, наверное, это — спиреи, которых уже немало высажено в скверах и на улицах. Из травянистых стоит обратить внимание на очитки (седумы), которые прекрасно переносят нашу холодную зиму

и бурно разрастаются, не требуя ухода и полива, в наше сухое жаркое лето. Ими можно озеленять крыши, террасы, создавая живописные полотна из этих суккулентов. А в рабатках, клумбах и миксбордерах использовать мальвы, которые чудесно себя чувствуют в нашем климате, вырастают до 2–2,5 метров в высоту, и являются необыкновенно эффектным, непонятно почему неиспользуемым, растением. Частный сектор традиционно использует именно эти цветы для украшения своих придомовых территорий.

Все эти несложные экономичные и экологичные мероприятия помогли бы нашему «южному» сибирскому городу обрести свое неповторимое лицо, и остаться незабываемым образом в сердцах и душах людей, живущих здесь постоянно или живших кратковременно.

Список литературы

1. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций : [сайт]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения: 21.10.2020).
2. СНиП 2.07.01-89*. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. — М. : ГП ЦПП Госстрой России, 1994.
3. Хитрова Е. А. Садово-парковое и лесопарковое искусство : учеб. пособие. — Омск : Изд-во ОмГАУ, 2012. — 107 с.
4. Сычева А. В. Ландшафтная архитектура: учеб. пособие для вузов. — М. : ООО «Издательский дом «ОНИКС 21 век», 2004. — 87 с.
5. Шимко В. Т. Архитектурно-дизайнерское проектирование. Основы теории : учеб. пособие — М. : Архитектура-С, 2004. — 296 с.

АРХИТЕКТУРНО-ЛАНДШАФТНАЯ СРЕДА КАК ОСНОВА ОБРАЗНОГО ПОТЕНЦИАЛА ТЕРРИТОРИИ

Москаленко А. В.

Екатеринбург, Уральский архитектурно-
художественный университет

Аннотация. Прибрежные территории и их значимость в рекреационном, социальном, архитектурном планах. Архитектурно-ландшафтная среда прибрежных территорий города, ее значение, проблемы, задачи и их решения.

Ключевые слова: инфраструктура; средства ландшафтного дизайна; прибрежные территории; урбанизированная ландшафтная архитектура; перспективы развития.

В современных условиях актуальной становится проблема сохранения, оздоровления и преобразования городской среды, окружающей человека, создания комфортных условий его жизнедеятельности. Это главная задача архитектурно-ландшафтного направления в организации городских пространств. Основная цель — найти компромисс между необходимостью использовать, преобразовывать природные ландшафты и максимально сохранять их. Ландшафтная архитектура по сути дела сегодня все больше является основой среды обитания человека, в которую должны «встраиваться» жилые, общественные, производственные здания и сооружения, транспортная и инженерная инфраструктура. Эти преобразования в большой степени затрагивают открытые городские пространства как наиболее ценные с точки зрения связей «город-природа». Открытые пространства являются

источником экологического равновесия, обеспечивают рекреационную деятельность горожан. К сожалению, в современной практике чаще ландшафтная архитектура вписывается в уже застроенные территории и пытается исправить отрицательные качества урбанизации. В контексте актуальных проблем устойчивого развития современного города ключевое место занимают вопросы настоящего и будущего прибрежных территорий. Для каждого города, обладающего уникальной природной основой, связь с водным пространством определяла и определяет исторический процесс, закономерности развития, структуру и архитектурный облик, культурные традиции и уклад жизни, типологию и статус городских пространств. В историческом развитии прибрежные территории рек выступают важнейшим градообразующим и стратегическим фактором. Прибрежная зона играет также ключевую роль в архитектурном облике города. Река придает территории неповторимое своеобразие, атмосферу, отражающую «дух места», становясь зачастую символом города. С ростом экологического сознания общества качество среды береговых территорий расценивается как один из важнейших ресурсов улучшения качества жизни в городе [1, с. 50, 100]. Набережная — особый вид открытого городского пространства линейной конфигурации, примыкающего к берегу водоема или водотока. Она включает в себя следующие элементы: — берегозащитные сооружения; — фронт застройки общественно-рекреационного, жилого назначения; — пешеходный озелененный бульвар; — проезжую часть улицы.

Важнейшим фактором устойчивого развития и качественного совершенствования городской среды является комплексный подход к формированию инфраструктуры прибрежных территорий. Под инфраструктурой понимается совокупность функциональных, архитектурных, ландшафтных составляющих и элементов обустройства прибрежных территорий, которые обеспечивают устойчивость развития локальных участков территории города и в целом

градостроительной системы. Однако сегодня общими и актуальными для многих городов проблемами остаются: интенсивный процесс урбанизации и застройки прибрежных территорий; экспансия транспортной инфраструктуры; утрата природных компонентов и ландшафтного своеобразия береговых полос и акватории; нивелирование архитектурно-ландшафтной уникальности, ансамблевых характеристик «водного фасада»; утрата историко-генетических основ преемственности в пространственном развитии городской среды; недоступность, заброшенность прибрежных территорий; неосвоенные территориальные и функциональные ресурсы территорий в контексте задач развития общественных пространств, туризма, физической культуры и спорта, образования, креативных индустрий.

В основе комплексного формирования архитектурно-ландшафтной среды прибрежных территорий действуют следующие принципы, которые необходимо учитывать. Это: — экологичность (принцип, направленный на экологическое оздоровление, безопасность, сохранность чистоты окружающей среды, поддержание баланса природных и антропогенных компонентов городского ландшафта); — социальная ориентированность среды предполагает участие в процессе проектирования архитектурно-ландшафтной среды всех людей, а также реализацию принципа социально-ориентированного дизайна и доступности среды (транспортной и пешеходной) [2, с. 8–17, 121–142]; — эстетическая привлекательность (принцип формирования архитектурно-ландшафтной среды, связанный с понятием эстетики, полезной и функциональной красоты городского пространства); — культурная преемственность (сохранение исторической памяти, имеет социальное, воспитательное значение); — сезонная адаптивность (учет всесезонного использования городского пространства).

В плане применения методов архитектурной и ландшафтной организации береговых зон можно условно разделить на

три направления: ландшафтное, урбанистическое, интегрированное (объединяющее методы ландшафтного и урбанистического подходов).

Целью *ландшафтного направления* является воссоздание или сохранение существующей природной среды и создание условий, приближенных к естественным. В основе метода лежит использование природных материалов (дерево, камень), следование закономерностям природного формирования. Зачастую сохраняется естественная линия берега. Особенность этого направления заключается в том, что природа здесь может быть как естественной, так и рукотворной. В последнем варианте дизайн стремится быть максимально приближенным к естественным формам. Могут быть включения архитектурных элементов, но они не должны превалировать над природной составляющей. Используемые материалы здесь не контрастируют с природным контекстом, они гармонично дополняют его, становятся частью ландшафта. Подобная ландшафтная среда формируется в парковых зонах, на территориях общего пользования, обособленных от застройки либо на территориях, включенных в структуру застройки, используемых в качестве общественных и рекреационных пространств. В зеленых зонах устраиваются места для отдыха. К ним тяготеют элементы спортивной инфраструктуры. Актуальным направлением является формирование «зеленых коридоров» как связующих звеньев экологического каркаса города. Такими протяженными «зелеными маршрутами» потенциально могут являться прибрежные территории, сохранившие пейзажные зоны в их естественном состоянии.

Сохранение естественных природных ресурсов является сегодня жизненно важным для устойчивого развития городов, поскольку сохранение природного каркаса — залог улучшения экологической ситуации, ресурс устойчивого развития среды, условие обеспечения психологической разгрузки, необходимое для населения современного мегаполиса.

Развитая зеленая инфраструктура является залогом обеспечения экологического благополучия городской среды [4].

Список литературы

1. *Нефёдов В. А.* Ландшафтный дизайн и устойчивость среды. — СПб. : Полиграфист, 2002. — 295 с.
2. *Бауэр Н. В.* Ландшафтное проектирование : учеб. пособие. — Тюмень : ТюмГНГУ, 2011. — 240 с.
3. *Вязовская А. В.* Ландшафтная инфраструктура как объект архитектурно- ландшафтной практики [Электронный ресурс] // АМІТ. — 2015. — № 3 (32). — URL: https://marhi.ru/AMIT/2015/3kvart15/vyasov/AMIT_32_Viazovskaia_PDF.pdf. (дата обращения: 20.04.2020)

СОВРЕМЕННАЯ УРБАНИСТИЧЕСКАЯ АРХИТЕКТОНИКА В КРЕАТИВНЫХ ПРАКТИКАХ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Чиркова Н. В.

Самарский государственный институт культуры

Аннотация. В статье анализируются формы и тенденции развития современной урбанистической архитектуроники в креативных практиках городской культуры. Архитектоника городской среды рассматривается как предметное поле инновационного менеджмента и социокультурного проектирования.

Ключевые слова: городское пространство; архитектуроника; арт-объект; креативная деятельность.

Каждому городу присуща своя визуальная архитектуроника пространства. Под архитектуроникой исследователи понимают: «устройство мира, в основе которого лежит логика, основанная на законах иерархии и сопряжения, а также искусство организации и созидания» [1, с. 66], «художественное выражение закономерностей архитектурного сооружения или конструкции» [2, с. 212]. В данной статье под архитектуроникой мы будем понимать исторически сложившийся визуальный образ архитектурных сооружений, который создает картину мироздания, влияющую на городского жителя.

Архитектурная среда городов далеко не всегда является результатом продуманной, целенаправленной деятельности человека. Она формируется под влиянием исторических случайностей, факторов материального уровня и прочих обстоятельств. Особенности процесса урбанизации в разных

странах определяют место каждого города в общественной системе страны [3, с. 316]. Естественное происхождение городской среды в историческом контексте делает ее более содержательно наполненной, духовно близкой, соразмерной людям по сравнению со средой, формируемой в рамках одного градостроительного проекта. Такой город обладает информационно-эмоциональными качествами, принимающей эстетикой.

В настоящее время городской менеджмент и активное местное сообщество начинают все больше задумываться о пространстве своей жизнедеятельности как с точки зрения комфортности и безопасности, так и с точки зрения восприятия эстетической привлекательности и символического наполнения. Так как город — основное место проживания и средоточия большинства людей, со временем возникает необходимость детерминации значений и образов городского пространства, сформулированных новым временным и знаковым потенциалом. Город является одним из значимых генераторов и трансляторов социокультурных ценностей общества [4, с. 426]. Эти ценности заложены в архитектурно-пространственной организации и символике окружающей среды в виде специфических временных и вневременных информационно-знаковых объектов, образно воплощающих важные исторические события и процессы.

Моделируя пространство и устраивая мир вокруг себя, человек реализует свой креативный потенциал, который проявляется как сплав идей и концепций, воплощенных в реальности. По мнению исследователя Ю. В. Норенкова, «целостность градостроительной среды определяют интеллектуальные и созидательные потенции человека, выраженные в предметно-пространственной форме» [5, с. 94]. Слова исследователя подтверждаются архитектурными сооружениями, ставшими достоянием человечества и способные вызывать высокие чувства, активизировать воображение. Статика и динамика архитектурных образов стимулирует

целостное видение реальности у городского жителя и транслирует стратегию восприятия окружающего пространства.

Архитектоника города отражает способности людей организовать свой собственный мир с учетом выбранных ценностей, выстраивать систему отношений и коммуникаций. Ежедневно, проходя по городу, человек видит отображенные в зданиях образы жизни: технократичный или природный; бессмысленный, скучный, опасный или безопасный; кичливый, богатый, закрытый, активный и др. Та или иная городская территория (площадь, парк, жилая застройка, гаражный массив) воспринимается как привлекательная или дискомфортная, мрачная или радостная, дружественная или враждебная. По мнению Ю. В. Алексеева и Г. Ю. Сомова: «Люди различают в среде основные пространства, их центры, пути движения, границы, чувствуют распределение сил земного тяготения, воспринимают расстояния между объектами и их размеры, ощущают динамичность или статичность окружающих объемов, распознают в окружении человеческие (антропоморфные) черты, воспринимают архитектурные формы как типичные для регионов, городов, конкретных мест, определенных культурных традиций эпохи, культуры, стиля» [6, с. 127]. Таким образом, архитектура выстраивает с человеком коммуникацию.

В целом, городские архитектурные сооружения воспринимаются людьми как вид убежища, защищающего его от суетливой активности, как нечто стабильное и спасающее от агрессивных внешних воздействий. Однако, эти «убежища» далеко не всегда выглядят достойно и привлекательно. Так, в спальных районах с большим количеством домов типовой застройки, жителю не хватает эмоциональных, эстетических переживаний, окружающая среда бедна и неразвита. По мнению Г. В. Горновой, люди негативно реагируют на однообразную, лишенную сенсорных впечатлений среду. Массовая застройка несоразмерна человеку, она не учитывает его потребность в зрительных впечатлениях, не удовлетворяет

информационную потребность, человек не переживает сугубо функциональную, лишённую смысла среду [7]. Тем не менее, районы типовой застройки выигрывают тем, что там нет оформленной концепции управления визуальным обликом, среда одновременно как безлика, так и открыта для новых, смелых решений: простота архитектурных форм панельных домов позволяет реализовать практически любую идею.

Одним из часто встречающихся архитектурных элементов, который мог бы как-то разнообразить визуальный облик города, является арка. В любой архитектурной традиции арки придают зданиям монументальность, лёгкость, величие, завершенность, красоту. Здание или дом без арки и с аркой несут разное смысловое содержание ещё и потому, что арка является символом, который тождественен у многих народов, отдалённых исторически и территориально друг от друга. В этом заключается культурный феномен арки, который необходимо изучать и грамотно встраивать в городскую коммуникацию. Несмотря на это, арка в жилых домах незаслуженно выключена из городского пространства, хотя, как объект микросреды повседневности городского жителя, имеет потенциал быть раскрытой в качестве арт-пространства. Практически каждая, оформленная со смыслом арка — отдельный мир, способный снять напряжение, стрессы, эмоционально заряжать, приносить радость, задумываться, размышлять, жить осознанно. Тематика визуализации арок может зависеть от окружающей территории, наличия вблизи других объектов (сквер, парк, храм, детская площадка и др.), названия улицы, количества арок в доме, пожеланий жителей дома и других факторов.

Арки могут освещаться, звучать, информировать, учить, напоминать, рассказывать истории, включаться в городские квесты, экскурсии, быть расписаны текстами, стать ярким микропространством в повседневности жителей, местом отдыха, познания нового, средой, компенсирующей

отсутствие культурных объектов. В настоящее время нам известны лишь редкие социокультурные практики, связанные с арочным пространством в тех или иных городах России. Рассмотрим некоторые из них.

В 2013 г. в Ижевске создана Ассоциация развития города (далее — АРГО). АРГО — это платформа гражданского взаимодействия между ключевыми городскими сообществами (бизнес-сообщество, сити-менеджеры, активные горожане). Основные направления деятельности АРГО: поддержка и реализация социальных проектов, направленных на формирование городской среды; организация взаимодействия городского экспертного сообщества, бизнес-сообщества, органов местной и государственной власти для формирования Стратегии развития Ижевска; реализация образовательных программ, направленных на развитие социального и культурного капитала [8].

АРГО ставит целью объединение местных сообществ и запуск новых механизмов управления городом, которые, согласно замыслу, приведут к улучшению качества жизни, появлению новых возможностей для целостного развития и самореализации жителей города, росту инвестиционной привлекательности Ижевска, увеличению капитализации бизнеса, активизации предпринимательства, сплочению горожан в обоснованной гордости за свой город.

«Родные города» (rodnyegoroda.ru) — комплексная программа социальных инвестиций «Газпромнефти», которая объединяет серию проектов, направленных на повышение качества жизни в городах присутствия компании, расширение доступа жителей к качественной городской среде, а также к образованию, культуре и спорту. Социальные проекты в рамках программы социальных инвестиций «Родные города» реализуются компанией в Ханты-Мансийском автономном округе, Ямало-Ненецком автономном округе, Омской, Оренбургской, Томской, Тюменской, Кемеровской, Новосибирской областях, Москве и Санкт-Петербурге.

Приоритетами программы являются системный подход к улучшению городской среды; создание условий для комфортной жизни; повышение привлекательности городов. Например, в Омске в рамках программы «Родные города» действует проектная лаборатория «Город своими руками». Активисты выбирают территорию одного из городских районов, на которой они реализуют свои микропроекты.

Одной из самых интересных и ярких социокультурных практик уже несколько лет является фестиваль уличного искусства «Стенография» (stenograffia.ru). Это ежегодное мероприятие, существующее с 2010 г., которое проводится агентством StreetArt при поддержке Администрации города Екатеринбурга. Фестиваль «Стенография» — мероприятие всероссийского масштаба, доказавшее свою актуальность и востребованность. Темы фестиваля каждый год разные: «Европа-Азия», «Образ счастья», «Глобальный разум», «Теория форм», «Образы Екатеринбурга», «Футбольный уголок» и др. Фестиваль формально не предполагает победителей и проигравших, но конкурс работ существует. Лучшие, по мнению организаторов, проекты реализуются при поддержке спонсоров на улицах в течение всего года.

«Город в словах» и «Стихи на стене» — новые для России сетевые проекты (gorodvslovah.ru), представляющие собой синтез литературы и современного визуального искусства, в стилистике «паблик-арт» и «стрит-арт». Каждая работа «Города в словах» объединяет в себе иллюстрацию к цитате, саму цитату из произведения современной русской литературы, а также QR-код со ссылками на литературное произведение целиком. Таким образом, в городе создается своеобразная «виртуальная книжная полка». Кроме этого, в библиотеках и рядом с местами создания работ проводится специальная программа, предполагающая мастер-классы художников и встречи с авторами литературных цитат.

«Стихи на стене» — это проект, который направлен на поиск и маркирование в регионах России литературных

мест, связанных с поэзией и поэтами-классиками, привлечение внимания широких слоев населения к классической русской литературе с помощью технологии граффити, создание новых «точек притяжения», которые могли бы стать неформальными центрами местного сообщества. Он предполагает создание работы с цитатой из поэтического произведения русской классики и проведение около него фестивальной программы, включающей различные уличные события: поэтические чтения, интерактивные акции, флэш-мобы, уличные показы видео-арта и видео-поэзии, перформансы и хэппинги и т. д.

Проект «Арт-фасад» (www.artfasad.net) — федеральный проект благоустройства государственно-частного партнерства в сфере ЖКХ, реализуется с 2009 г. при поддержке Министерства строительства РФ. «Арт-фасад» — это ряд специализированных проектных и производственных мастерских, которые занимаются комплексным созданием качественной среды в проектах как коммерческой, так и жилой недвижимости. Посредством художественного оформления фасадов зданий компания создает уникальный архитектурный облик городов. Проект реализуется в разных регионах России. По информации Центра изучения общественного мнения, акты вандализма на объектах, где выполнено художественное оформление, сокращаются на 93 %.

Проект «Порталы истории». В 2016 г. в Саратове был запущен проект, призванный «превратить обычные проходные арки в домах в арт-объекты, повествующие об историческом прошлом». К настоящему времени была отреставрирована арка в доме, на месте которого раньше располагался женский монастырь, потом была открыта первая школа для девочек. После революции на территории монастыря, рядом с аркой, был устроен склад церковных колоколов, которые свозили со всей губернии. Затем в стенах расположился детский дом, чуть позже училище, а в 1972 г. монастырский комплекс был снесен под строительство жилых домов и гостиницы.

В память о величественном сооружении был создан арт-объект «Звонница». Раз в час звон 50-ти колокольчиков привлекает внимание туристов и жителей города, прогуливающих по набережной. По мнению местного протоиерея, «казалось бы, одна арка — не такое грандиозное дело, но значение огромно! Это портал — память о поколениях» [9]. Ярким акцентом открытия стала 3D проекция на стены арки со звуковым сопровождением «Валдайских колокольчиков», управляемых специальным программным обеспечением. Меценатом проекта выступил саратовский футболист сборной России.

Итак, несмотря на различие содержательного наполнения и форм реализации рассмотренных проектов, общим является комплексное понимание проблем и интегрированные пути их решения. Рассмотренные в исследовании проекты реализуются в разных провинциальных городах страны. Это говорит о созревании местного креативного класса, желании развивать родной город (территорию), а не уезжать за его пределы в поисках лучшей жизни. Российские города становятся привлекательными для гостей и местных жителей, появляется заинтересованность городом, формируется желание участвовать в преобразовании городской среды. Жизнь в городе становится осмысленной, возвращается любовь к своей малой родине.

Список литературы

1. Земцова Я. М. Визуальная архитектура города // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2012. — № 1(15). — Ч. II. — С. 66– 69.
2. Коздаева Н. История архитектурной формы // Аналитика культурологии. — 2010. — № 17. — С. 202–215.
3. Чирков М. С. Урбанизационные процессы в Советской России (1920–1980-е гг.) // Городская культура и город

- в культуре : материалы Всерос. науч.-практ. конф. : в 3 ч. — Самара : Самарская государственная академия культуры и искусств, 2012. — Ч. 1. — С. 315–320.
4. *Чирков М. С.* Роль малых городов в процессах урбанизации Советской России в 1920–1980-е гг. : к постановке проблемы // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города : сб. науч. ст. Всерос. конф. с междунар. участием. — Курган : Курганский Дом печати, 2015. — С. 422–427.
 5. *Норенков С. В.* Визуальная архитектоника мироздания. — Н. Новгород : Нижегородский государственный университет, 1997. — 144 с.
 6. *Алексеев Ю. В., Сомов Г. Ю.* Объекты культурного наследия : учебник. — М. : Проспект, 2016. — 557 с.
 7. *Горнова Г. В.* Философия города. — М. : ФОРУМ; ИНФРА-М, 2014. — 344 с.
 8. АРГО : ассоциация развития города : [сайт]. — URL: <http://www.argo18.ru/> (дата обращения 20.04.2020).
 9. *Егоров М.* «Порталы истории» — открытие арки-звонницы на Набережной Космонавтов [Электронный ресурс] // «Livejournal» : социальная сеть : [сайт]. — URL: <https://mishanik-210.livejournal.com/7011.html> (дата обращения 20.04.2020).
 10. *Парк Р., Баньковская С.* Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. — 2002. — Т. 2. — № 3. — С. 3–12.

СТРИТ-АРТ В ВИЗУАЛЬНОЙ СРЕДЕ ВЛАДИВОСТОКА

Гороховская Л. Г.

Владивосток, Дальневосточный федеральный
университет

Аннотация. На примере визуальной среды Владивостока рассмотрены настенные росписи как арт-объекты уличного искусства. Показаны тенденции в его развитии за последнее десятилетие. Выделена сюжетная специфика настенных росписей. Дается анализ специфики художественной коммуникации стрит-арта.

Ключевые слова: стрит-арт; муралы; художественная коммуникация; визуальная среда.

В последнее десятилетие уличное искусство в пространстве российских городов из необычного явления стало достаточно привычным и распространенным феноменом визуальной городской среды. Уличное искусство (стрит-арт), в недавнем прошлом воспринимаемое как способ самовыражения молодежных субкультур, и по этой причине зачастую подвергавшееся критике, сейчас рассматривается как неотъемлемая часть городского пространства. Проблема исследований стрит-арта в отечественной науке обозначилась вслед за изучением этого феномена в европейских городах [1; 2].

Интерес к этой проблематике междисциплинарный. Дискуссии о статусе стрит-арта, его видах и формах, соответствии эстетическим критериям продолжаются до сегодняшнего дня, как в среде искусствоведов, так и в работах

социологов и урбанистов. Оптика взгляда последних фокусируется на вопросах коммуникации, выявлении функций стрит-арта в городской среде и пр. [3; 4]. Кроме того, осмысление феномена стрит-арта идет в рамках городских инициативных музейных сообществ, продвигающих эту форму визуальных артефактов на своих площадках. Кроме традиционного граффити и монументальных настенных росписей, в уличное искусство включают инсталляции под открытым небом, проецирование видео на стены, флешмобы и многое другое [5].

В своей работе мы рассмотрим лишь один из аспектов стрит-арта: монументальные настенные росписи — муралы (murals). Контекст муралов — всегда позитивный, в отличие от граффити, зачастую придающих своим изображениям негативный смысл, поскольку главная задача граффитчиков «заявить» о себе, пометить свое присутствие, проявить себя через ответную реакцию. Специфика природного ландшафта Владивостока связана не только с морем, но и с гористым рельефом, террасной застройкой и, соответственно, обилием подпорных стен. Как считает один из художников уличного искусства: «Ни в одном городе России больше нет столь подходящего ландшафта. Мы имеем холсты, огромные, гигантские холсты, на которых можно создавать эти предметы искусства» [6]. Множество серых бетонных стен выполняют прагматическую, утилитарную функцию, но не украшают город. Кроме подпорных стен, конечно, есть и стены домов, и подземные переходы, и арки подворотен, но их намного меньше. Выбор муралов как арт-объектов обусловлен их ролью в создании визуальной городской среды, способность создавать образную среду. Вся художественная коммуникация по определению есть коммуникация посредством изображения. Уличные художники «достраивают» городское пространство до «проживаемого» через эмоциональную сопричастность, транслируют культурные коды местного сообщества, формируя, таким образом, узнаваемый образ.

Задача статьи состоит в анализе тенденций развития стрит-арта в городской среде и изучении визуальной коммуникации с этими объектами.

История настенных росписей во Владивостоке насчитывает около десяти лет. На сегодняшний день в городе 5 творческих объединений, занимающихся стрит-артом на коммерческой основе. В течение трех лет (2012–2014) эта форма творческих практик осуществлялась в институализированных рамках: действовала муниципальная программа по преобразованию визуальной среды города. Программа воплощалась командой во главе с художником П. Шугуровым, большинство росписей городских стен, подземных переходов были сделаны в это время. Коммуникация институции с горожанами осуществлялась через общественную «копилку идей». Институализация стрит-арта в эти годы решала вопросы не только визуального преобразования городской среды, но и, что немаловажно, проблемы собственности «уличных холстов» и финансирования арт-проектов, требующих немалых вложений. В рамках VIII биеннале визуальных искусств, проходившей летом 2013 г., уличному искусству во Владивостоке был посвящен круглый стол, что свидетельствует о рефлексивной позиции городского сообщества в отношении новых творческих практик [7]. В течение последних пяти лет арт-проекты осуществляются на коммерческой основе или через пожертвования. На настоящий момент поддержка интереса к уличному искусству от официального дискурса переходит к публичной сфере. Общественный резонанс вызывают ситуации, связанные с возможной деформацией росписей. По инициативе уличных художников и активистов проводятся экскурсии по арт-объектам. Сама идея проведения таких культурных практик может рассматриваться как форма галерейной экскурсии, учитывая то, что роль профессиональных гидов зачастую выполняют сами художники. В уличном искусстве Владивостока «городские интервенции», протестный акционизм

не занимает значительного места, в то время как именно эти практики признаются неперенным атрибутом стрит-арта. С одной стороны, это результат его первоначальной институализации, с другой, как считает один из сооснователей движения «Партизанинг» А. Польский: «На практике большинство художников разрабатывают свои стратегии балансировки между положением уличного маргинала и включением в рыночные и институциональные процессы, находя тому этическую основу» [8].

Если рассматривать арт-объекты в хронологической последовательности их появления, то заметно усложнение «языка» высказываний. Можно утверждать, что текст художественных высказываний становится все более «насыщенным по описанию». От геометрических фигур и использования только цвета в ранних формах до более сложных по своему художественному высказыванию проектов, например, на исторические темы.

В отличие от высокого искусства, предназначенного для определенных групп профессионалов, уличное искусство демократично и адресуется неподготовленному зрителю. От граффити, использующих специфический язык коммуникации и адресованных субкультурным сообществам в качестве идентификационных знаков, муралы отличаются тем, что нацелены на открытый канал коммуникации и доступны для понимания любого горожанина. По этой причине арт-объекты должны быть узнаваемыми и вызывать определенные ассоциации у зрителя, т. е. культурный код должен относительно легко дешифроваться адресатом.

По сюжетам муралы и рельефы условно можно разделить на мемориальные, символические и тематические. Количественно преобладают тематические проекты, что объясняется позицией мастеров, создающих свои проекты с учетом специфики места. Как считают художники: «Когда стрит-арт грамотно вписан в среду, то сам этот объект создает некую атмосферу, задает тон, настроение» [6].

В функциональном плане главная задача уличного искусства состоит в создании нового коммуникативного поля. Специфика в том, что эта коммуникация происходит в повседневной городской среде. Одной из значимых функций публичной коммуникации в визуальном пространстве становится задача формирования городской идентичности. Посредством росписей, используя терминологию А. Лефевра, «производится» место с «историей» [9]. Такую роль выполняют мемориальные муралы. К мемориальным отнесем проект «Обитатели Миллионки» (2010), «Старый город» (2012), «Рождение нового города» (2015), «Герои-тихоокеанцы» (2018). Для примера возьмем проекты, отсылающие к «историческому» городу, различая, естественно, аутентичное историко-культурное наследие и произведения искусства как репрезентации на эту тему. Репрезентация «исторического» города задействует мифологизирующий дискурс. Роспись «Старый город» создает яркий визуальный образ на подпорной стене. Представлена картина повседневной жизни Владивостока на заре его существования через узнаваемые любым горожанином типы: гористый рельеф, извозчик, китайская лавка, китаец-водонос, прогуливающиеся по городу дамы, и т. д. Надпись: «Матвей Николаевич с трудом приобрел иноземное авто», создает иллюзию знакомства с персонажем. Используемые художниками стрит-арта приемы мифологизации создают необходимые условия для формирования современного городского фольклора и делают пространство «проживаемым» через воображение прошлого.

Как и любой художественный текст, росписи семиотичны и обладают смысловой открытостью. Такими являются проекты, которые мы обозначили как символические: сграффито «33 символа Владивостока», рельеф «Дерево-загадка», роспись «Ключ». Если символы Владивостока жителям знакомы — роstralная колонна, маяк, парусник, арка Цесаревича — и потому узнаваемы, то «Дерево-загадка», в кроне которого скрывается надпись «Владивосток», демонстрирует

пример интеллектуальной игры. Что понимать под загадкой? Само дерево, рождающее ассоциации с архетипическим Мировым деревом (*Arbor mundi*) и символизирующим как само мироздание, так и центр мира, а также и потенциал творения. Или загадка — город, имя которого скрыто в ветвях могучего древа. Независимо от решения этой загадки, в процессе коммуникации формируется режим считывания множественности смыслов.

Сделаем некоторые выводы. Настенные росписи в городском пространстве Владивостока преодолевают визуальную бледность городской среды и составляют альтернативу засилью рекламы. Первоначально инициированный муниципальной программой интерес к настенным росписям сейчас переходит к городскому сообществу. Уличные арт-объекты преобразуют пустое пространство бетонных стен в пространство художественной коммуникации. Коммуникативное поле уплотняется, улица перестает восприниматься как «не-место» для искусства, насыщается городской мифологией, становится открытой для игрового взаимодействия. Городское пространство создается за счет практик означивания (городские легенды, воспоминания) и становится проживаемым и обжитым, поскольку формируется его образ и эмоциональное отношение к нему горожан.

Список литературы

1. Самутина Н., Запорожец О., Кобыща В. Не только Бэнкси : стрит-арт в контексте современной городской культуры // Неприкосновенный запас. — 2012. — № 6. — С. 221–244.
2. Эстетика стрит-арта / под общей ред. К. А. Куско. — СПб. : СПб ГУПТД, 2018. — 96 с.
3. Самутина Н., Запорожец О. Стрит-арт и город // *Laboratorium*. Журнал социальных исследований. — 2015. — С. 11–17.

4. *Поносов И.* Искусство и город. Граффити, уличное искусство, активизм. — М. : Игорь Поносов, 2016. — 208 с.
5. *Голышко-Вольфсон Д.* Стрит-арт : теория и практика обживания уличной среды [Электронный ресурс] // Художественный журнал — 2011. — № 81. — URL: moscowartmagazine.com/issue/16/article/225 (дата обращения: 29.04.2020).
6. Настенные росписи как вид искусства во Владивостоке [Электронный ресурс] // PRIMPRESS : новости Приморского края : [сайт]. — 28 фев. 2019. — URL: <https://primpress.ru/article/37459> (дата обращения: 29.04.2020).
7. Круглый стол со стрит-арт художниками [Электронный ресурс] // Владивостокская Биеннале визуальных искусств : [сайт]. — URL: <http://biennale.me/ru/> (дата обращения: 20.04.2020).
8. *Польский А.* Ненормативная этика уличного искусства [Электронный ресурс] // Художественный журнал. — 2017. — № 102. — URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/60/article/1243> (дата обращения 5.05.2020).
9. *Лефевр А.* Социальное пространство [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. — 2010. — № 2(70). — URL: <http://www.magazines.russ.ru/nz/2010/2> (дата обращения: 23.02.2020).

STREET-ART В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

Наливайко К. В.

Самарский государственный институт культуры

Аннотация. В статье анализируются современные формы стрит-арта. Автором подчеркивается, что деятельность художников направлена на преобразование городской среды, вовлечение зрителя в диалог через художественный образ, подчеркивание уникальности конкретного публичного пространства.

Ключевые слова: уличное искусство; граффити; стрит-арт; городское пространство.

Город является одним из величайших творений человечества. Процессы, протекающие в городах, оказывают воздействие на жизнь всего общества и отдельной личности. Образ города — это во многом и образ создавшей его культуры, наиболее точно выражающий ее суть и сущность. Кроме того, город — это постоянно развивающийся организм, чутко улавливающий новые тенденции общественной жизни, воспроизводящий и видоизменяющий их. Таким образом, город — это важный фактор социального прогресса.

В мире наблюдается небывалый рост городов. Современное общество пребывает в условиях прогрессирующей урбанизации [1, с. 423]. Урабанизационные процессы в различных городах и регионах имеют свою специфику. В одном случае, это увеличение доли городского населения, в другом — интенсивное развитие новых пространственных форм — городских

агломераций и мегалополисов. Неоднозначно в условиях урбанизации формируется и уличное пространство: естественные ландшафты видоизменяются, трансформируются в антропогенные, природные экосистемы уничтожаются, возрастает доля типовых городских застроек.

Разнообразить стандартную архитектуру городской среды пытается уличное искусство — street-art. Street-art — направление современного искусства, целью которого является не только творческое освоение городского пространства, но и изменение отношения к нему горожан — вне зависимости от того, стихийным или санкционированным будет появление на улице результатов такого искусства. Сегодня street-art все активнее внедряется в городскую среду и использует для своих целей объекты общественной инфраструктуры: здания, сооружения, тротуары, проезжую часть, дорожные знаки, фонарные столбы, деревья, сады, парки. Важнейшей задачей уличного искусства является не присвоение территории, а коммуникация с городской средой, подчеркивание уникальности конкретного публичного пространства, вовлечение зрителя в диалог через художественный образ, несущий смысловую нагрузку и эмоциональный заряд. Можно констатировать, что уличное искусство особым образом трансформирует имидж города [2, с. 84].

Современными формами street-art являются художественная настенная живопись, необычные статуи и памятники, мозаики из разнообразных материалов, рисованное и вязанное граффити, трафареты, креативные рисунки на газонах, скульптуры, лазерные шоу и пр.

Своего рода истоком уличного искусства принято считать феномен граффити. Термин «графффити» впервые употребил археолог Рафаэль Гаруччи в связи с открытием в XIX в. многочисленных надписей и рисунков на стенах античных Помпей. В широком смысле граффити — это надписи и изображения на городских стенах, а также любой другой публичной поверхности [3]. Данный феномен имеет тысячелетнюю

историю, но до сих пор в сознании обывателей граффити ассоциируется, с одной стороны, с маргинальным явлением общества, а с другой, — с полноценным направлением авангардного искусства. Впрочем, многие и сейчас склонны расценивать граффити как акт вандализма, ассоциируя его исключительно с малозначительными непристойными надписями и рисунками. Некоторые считают, что граффити — это своеобразная форма девиантного поведения, распространенная среди подростков и молодежи [4, с. 461]. Так ли это на самом деле, вопрос остается открытым. В любом случае, существует определенная разница между бессмысленными изображениями и надписями, нанесенными на поверхность стен домов, зданий и иных сооружений и художественно оформленные композиции, направленные на культурное просвещение горожан, пропагандирующие социальные проблемы и общечеловеческие ценности.

Особенно актуальными являются произведения уличных художников, реализуемые в спальных районах городов. Спальные районы — это, как правило, жилые районы города, застроенные типовыми многоэтажными панельными домами. Современные спальные районы монотонны и безлики по архитектурной застройке, с технически устаревшими строительными конструкциями зданий, с недостаточно спланированной и структурированной территорией, с нарастающими социальными проблемами жителей. Живописные произведения уличных художников могут придать невзрачным многоэтажкам своеобразие и сделать их объектом эстетического наслаждения [5, с. 70]. Однако, работа в публичном пространстве не такая уж простая, как может показаться на первый взгляд. Приходится учитывать многие факторы: впишется ли сюжет картины в окружающую среду, не будет ли она раздражать местных жителей, на какой срок «эксплуатации» рассчитан шедевр и т. д. Существует еще один важный момент в создании подобных рисунков: так как произведения стрит-арта предназначены для всех, они должны вызывать

положительные эмоции, обязательно быть «информацией к размышлению», находить отклик у зрителей, прививать хороший вкус. Жители домов, на которых выполняются художественные росписи, должны быть соучастниками этого действия, что предполагает необходимость предварительного общения с ними. Главное, чтобы стрит-арт не был просто «раскрашиванием фасадов», имитацией деятельности по благоустройству города. Нужны реальные реформы городского хозяйства и архитектурной среды, новый взгляд на градостроение с учетом последних тенденций урбанистики. Стрит-арт в спальных районах имеет положительные и отрицательные стороны. Бесспорно, хорошие работы уличного искусства являются украшением города. Выполненные на многоэтажках изображения сглаживают унылую и монотонную архитектуру, несут эстетическую и смысловую нагрузку, делают спальные районы более привлекательными, перспективнее в плане решения социальных проблем.

Особого внимания заслуживает «патриотическое граффити», целью которого является популяризация подвигов национальных героев, укрепление престижа службы в Вооруженных силах Российской Федерации, поддержка творческой активности деятелей искусства по созданию произведений патриотической направленности, развитие инновационных форм, методов и технологий патриотического воспитания. У российских художников, которые занимаются уличным искусством, в этой связи появилась возможность работать с государством. Речь идет о существующем запросе «сверху» на патриотические граффити в городской среде. Начиная с 2014 г., они уже стали привычной реальностью не только в столице, но и других крупных городах России. Однако несмотря на то, что талантливых художников с правильными взглядами достаточно, есть государственные средства на нужную визуальную пропаганду и организации, которым делегированы соответствующие функции, результат с художественной и смысловой точки зрения оставляет желать

лучшего. Происходит это потому, что многие современные граффити-артисты не являются авторами ни идеи, ни изображения, они выполняют изображения по уже готовому эскизу, созданному дизайнером. Такие композиции рисуют при помощи проектора, как раскраску. Отсюда формы изображения зачастую плохо прорисованы, тема недостаточно раскрыта. В результате страдает художественная составляющая композиции, и многие уличные художники начинают испытывать негативные эмоции, работая в патриотическом жанре. Многие современные художники считают, что результат мог бы быть лучше, если бы в России действовал госзаказ на создание произведений уличного искусства с открытым конкурсом, в котором могли бы участвовать не только граффити-артисты, но и художники-монументалисты.

Сегодня параллельно с классическими формами граффитизации появляются новые разновидности этого вида искусства — световое граффити или люминография. Техника предполагает нанесение граффити с использованием люминесцентной краски. Эта краска, нанесенная поверх основного рисунка, может светиться до двенадцати часов после воздействия света. Зрелище необычайно эффектное и не может не поразить прохожего, случайно наткнувшегося на такое изображение ночью [6, с. 144].

Также представляют интерес и 3D граффити. Изображения в этом стиле могут быть расположены как на стене, так и на асфальте. Объемное граффити выделилось в отдельный вид искусства большого города в основном из-за провокационных рисунков, которые создают ту или иную оптическую иллюзию. Возникает она при созерцании работы под определенным углом при использовании специальных очков. Достаточно часто сюжет произведений основывается на оптическом восприятии трещины в дорожном покрытии, двери в стене, лесенок и подобных изображений таким образом, как будто они существуют на самом деле, а не воспринимаются зрителями, рассматривающими изображение под

определенным углом. При создании подобных изображений нужно учитывать, что большое значение имеют фон и цветовая гамма рисунка.

В заключении отметим, что большинство современных монументальных изображений в городской среде создается легально и, как правило, знатоками своего дела. Для художника уличное искусство — это некая культурная арт-практика, включающая в себя различные формы творческой активности в городском и общественном пространстве, направленная на переосмысление и перестройку городской среды и общества в целом.

Список литературы

1. *Чирков М. С.* Исторический опыт советской урбанизации : моногород и его функции в контексте социально-экономического развития страны // Управление городом : теория и практика. — 2019. — № 1 (32). — С. 52–58.
2. *Чиркова Н. В.* Стрит-арт в контексте современной визуальной культуры // Модернизация культуры : от человека традиции к креативному субъекту. Материалы V Международн. науч.-практ. конф. : в 2 ч. — Самара : Самарский государственный институт культуры, 2017. — Ч.1. — С. 83–91.
3. *Поносов И. Г.* Искусство и город : граффити, уличное искусство, активизм. — М. : Игорь Поносов, 2016. — 208 с.
4. *Кузова Н. В.* Граффити : искусство или вандализм // Молодой ученый. — 2015. — № 16. — С. 460–462.
5. *Гусева А. Л.* Стрит-арт и спальные районы современного города // Эстетика стрит-арта : сб. ст. — СПб. : СПбГУПТД, 2018 — С. 66–71.
6. *Чиркова Н. В.* Синергетика художественного восприятия и эмоций // Синергетика природных, технических и социально-экономических систем. — 2015. — № 13. — С. 143–149.

СКУЛЬПТУРНЫЕ КОМПОЗИЦИИ И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Виниченко А. А.

Самарский государственный институт культуры

Аннотация. В статье скульптурные композиции рассматриваются как неотъемлемая составляющая благоустроенного городского пространства. Автором отмечается, что скульптура и скульптурные композиции вносят дополнительную эстетику и смысловые акценты в ансамбль города.

Ключевые слова: скульптурная композиция; монумент; памятник; городское пространство.

Человек всегда стремится к прекрасному, ведь без красоты невозможно полное осмысление действительности. Поэтому, начиная с древнейших времен, люди учились распознавать красоту во всем, что их окружало: в природе, других людях, в повседневных событиях и вещах, воспитывая в себе таким образом способность адекватного освоения эстетических качеств действительности [1, с. 62]. С возникновением, ростом городов и населенных пунктов возникла потребность в их эстетизации. Одним из способов украсить городскую повседневность стала скульптура. Городская скульптура — значимое дополнение архитектуры и неотъемлемая составляющая благоустроенного городского пространства. Эта разновидность пластического искусства в настоящее время есть почти в каждом крупном населенном пункте. Появление новых фигур на улицах города находит

положительный отклик горожан и оживленно обсуждается культурной общественностью. Причем, ценность ваения городской скульптуры, как правило, не утилитарная, а воспитательная и эстетическая.

Сегодня в городском пространстве достаточно реалистичные монументальные памятники соседствуют со скульптурой новаторских форм и концепций. С одной стороны, это создает неповторимость композиционных и образных решений, с другой стороны назревает кризис единства стиля точечного пространства в объеме городской застройки. Совместная деятельность скульпторов и архитекторов нацелена на гармоничное слияние скульптурных произведений и городских объектов. С помощью скульптуры создается неповторимость и узнаваемость конкретной архитектурной среды и художественно-эстетическая составляющая городского пространства. Скульптура и скульптурные композиции вносят дополнительную эстетику и смысловые акценты в ансамбль города. Наличие скульптурных объектов концентрирует внимание к окружению, к поиску художественного разнообразия и гармонии, воссоздает подлинную связь архитектуры с изобразительным искусством [2].

В городском пространстве классическую скульптуру можно рассматривать в качестве информационного проводника от прошлого к настоящему. Скульптурная композиция своим символическим текстом старается отправить зрителя на несколько лет или даже веков назад, дабы созерцающий скульптурную композицию мог понять и прочувствовать дух времени. В этой связи сейчас очень популярен такой вид скульптуры, как исторический, чаще обозначаемый как памятник. Именно памятник помогает человеку освоить информацию о прошлом, которая может заинтересовать и научить чему-то новому. Каждое изваяние, каждый монумент дает возможность задуматься о прошлом. О том, за какие заслуги и по какой причине было воздвигнуто данное произведение искусства. Благодаря скульптуре подобного

типа, мы имеем возможность погрузиться в мир конкретной эпохи, познакомиться с выдающимися историческими личностями или персонажами народного эпоса. Достаточно вспомнить памятные изваяния, посвященные В. И. Ленину, А. С. Пушкину, К. Минину и Д. Пожарскому, М. Горькому, П. И. Чайковскому.

В соответствии со смысловым содержанием и символизмом, историческая скульптура часто представляется как монументальная. Монументальную скульптуру можно считать видом изобразительного искусства, произведения которого создаются для определенного архитектурно-пространственного, а иногда и природного окружения. Монументальные скульптуры устанавливаются как в городе, так и за его пределами; они призваны организовать ансамбль архитектуры, органично войти в естественный природный ландшафт окружающей местности. Они отличаются единством содержания, крупным масштабом, обобщенностью форм, и, самое главное, отражают именно исторические события, создаются в честь людей, заслуживших данную почесть. Монументальная скульптура обращена к массовому зрителю, призвана конкретизировать архитектурный образ и дополнить выразительность архитектурных форм новыми оттенками [3, с. 20].

Произведения монументальной скульптуры рассчитаны на восприятие с больших расстояний, предполагают свое существование долгое время. Создаются они из прочных материалов (гранит, медь, бронза), устанавливаются обычно на больших открытых пространствах. Чаще всего возводятся на возвышенностях и на искусственно созданных курганах. Главное значение для восприятия скульптуры монументального характера — иметь активный силуэт и обобщенную трактовку объемов. Однако, монументальной скульптуре не чужды и интимные решения: к примеру, многочисленные портретные памятники поэтам, музыкантам, художникам, созданные в XIX и XX вв., отражают внутренние

характеристики моделей, демонстрируя душевные состояния и переживания героев. Многие из них создают своеобразное переходное звено от героико-эпической монументальной пластики к декоративной скульптуре, которая занимает достойное место в пространствах парков и скверов. Именно территории подобного типа принято украшать декоративной скульптурой, которая существенно отличаются от монументальной не только по значимости, но и по занимаемому местоположению. Так, декоративная скульптура, в отличие от монументальной, является более интимной. Она не подчиняет себе окружающую среду, наоборот, вписывается в нее. Как изумруд, украшающий оправу наряда, она обогащает парковый пейзаж [4, с. 133].

Произведения декоративной скульптуры не ограничиваются изображением человека, а широко включают в свою тематику мир различных животных — птиц, рыб, зверей. При использовании анималистической скульптуры в наших парках создано немало интересных, привлекательных, удачных уголков, которые раскрывают прекрасный мир живой природы. Вместе с тем, можно сказать, что размещать большое количество скульптур на ограниченной площади — большая ошибка. Они могут помешать друг другу из-за несогласованности в ситуации с масштабом изображения и по пропорциям. По этой причине, ни о какой связи декоративной скульптуры с окружающей средой говорить не приходится.

Включение скульптурных композиций в условия парков и садов следует рассматривать как комплексное формирование среды, а не как отдельную творческую задачу скульптора. Такой метод позволит выявить декоративные возможности скульптуры, подчеркивая ее эстетическую значимость в художественном пространстве территории. При этом верное соотношение каждого элемента друг с другом и со всей средой в целом способствует не только созданию красивого вида ландшафта, но и обогащает визуальное восприятие человека, развивая его эстетические чувства.

Особенностью любой скульптурной композиции должны быть тщательно подобранные для показательного выступления произведения пластики без перегрузки ими садовой территории. При переходе от одной композиции к другой у зрителя должен незаметно исчезать из поля зрения предыдущий экспонат, скрываясь за зеленью сада. Каждая скульптура вкрапливается в живую парковую среду ценным компонентом, обогащая зеленые уголки парка. Растительные же формы служат прекрасным фоном произведениям искусства, гармонично сливаясь в единую художественную композицию.

Среди видов скульптурных произведений, встречающихся в уличном пространстве, следует выделить и абстрактную скульптурную композицию. Данный вид обладает социокультурной символикой и ориентирован на привлечение внимания, коммуникацию со зрителем и его воображением. Именно символика играет здесь одну из главных ролей, так как каждый небольшой знак, небольшой символ может «окунуть» нас в нечто прекрасное.

Все обозначенные виды скульптурных произведений играют существенную роль в преобразении городской среды [5, с. 54]. Восприятие скульптурных объектов зависит от их размера, который, собственно, и определяют размещение того, или иного объекта в городской среде.

Список литературы

1. *Чиркова Н. В.* Искушение вкусом в культурной полистилистике российского общества : когнитивные возможности эстетической аксиологии // Модернизация культуры: судьба ценностей в современном мире. Материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. — Самара : Самарский государственный институт культуры, 2018. — С. 62–66.
2. *Бабенко С. Р.* Значение скульптуры в формировании городского пространства [Электронный ресурс] // Научное

- сообщество студентов XXI столетия. Технические науки : сб. ст. по материалам LXV Междунар. студ. науч.-практ. конф. — № 5(64). — URL: [https://sibac.info/archive/technic/5\(64\)](https://sibac.info/archive/technic/5(64)) (дата обращения: 11.05.2020).
3. *Заславская А. Ю., Заславский Е. М.* Природные аналогии в конструкциях современных архитектурных объектов // Вестник Самарского государственного архитектурно-строительного университета. Градостроительство и архитектура. — 2015. — № 2. — С. 19–23.
 4. *Логвиненко Г. М.* Декоративная композиция. — М. : Владос, 2004. — 162 с.
 5. *Чирков М. С.* Исторический опыт советской урбанизации: моногород и его функции в контексте социально-экономического развития страны // Управление городом : теория и практика. — 2019. — № 1(32). — С. 52–58.

ТИПОВЫЕ МОДУЛИ БИОНИЧЕСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Уморина Ж. Э.

Екатеринбург, Уральский государственный
архитектурно-художественный университет

Аннотация. В статье описан процесс формирования модулей бионической архитектуры на примере одного типового модуля, с применением методов и критериев бионической архитектуры. Для достижения эффекта экологичности и гармонизации зданий, а также для упрощения процесса строительства объектов бионической архитектуры разработан ряд методов и критериев.

Ключевые слова: бионическая архитектура; методы проектирования; экологическая архитектура.

В основе методики разработки зданий и сооружений в рамках направления «бионическая архитектура» лежат методы бионической архитектуры (прямое копирование — 1 этап), метод ассоциаций (2 этап), структурный метод «*природных технологий*» (3 этап), метод аналогий процессов. С помощью этой методики архитектор сможет создавать объекты, опираясь на модели, сформированные с учетом устойчивых критериев — тех требований, которые являются актуальными для современного общества. В современной архитектуре главной задачей является сохранение здоровья человека, его комфорт, экологичность здания, возможность единения с природой.

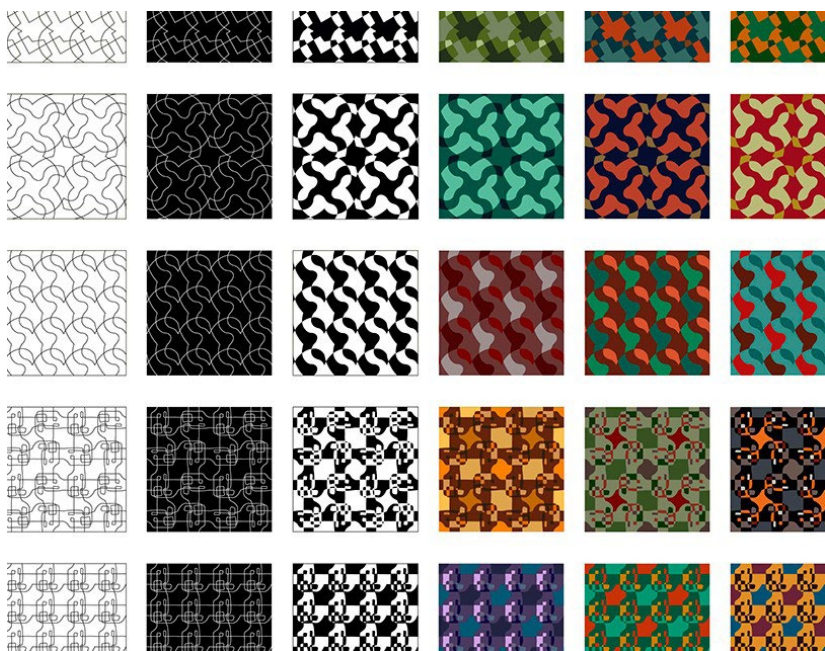

Рис. 1. Комбинаторика плоскостных элементов. Рис. автора

Проектирование и строительство бионической архитектуры требует индивидуального расчета и изготовления, которые являются весьма затратными с различных точек зрения, что делает объекты, выполняемые в данном направлении, экономически не выгодными и вследствие этого редко применяемыми при формировании городских пространств. Ни для кого не секрет, что наибольшей популярностью пользуются объекты строительства, выполняемые по типовым проектам или из серийных материалов, изготавливаемых индустриальным способом, поскольку при таком подходе снижаются расходы ресурсов (времени, трудозатрат, денежных и др.). Для популяризации и оптимизации процесса проектирования и строительства объектов бионической архитектуры также могут применяться наборы типовых серийных модулей, в которых уже учтены все требования.

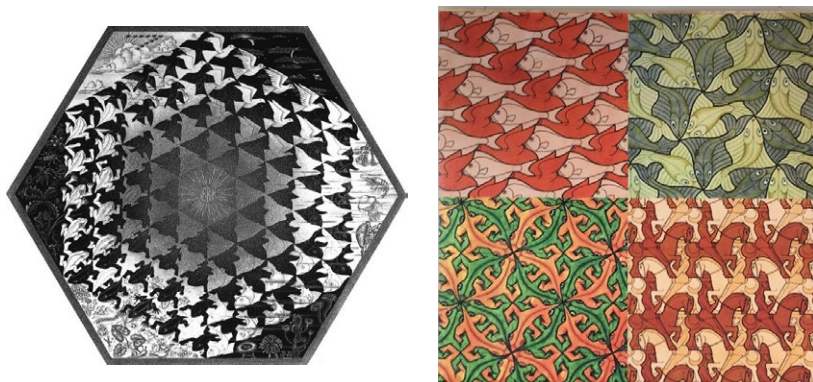

Рис. 2. Комбинаторика Эшера.

По аналогии с типовым панельным домостроением автором были разработаны серии типовых модулей для создания объектов бионической архитектуры (функциональные модули, планировочные модули). Типовые модули в архитектуре применяются для упрощения процесса изготовления, монтажа и замены в период эксплуатации.

Для обеспечения разнообразия при формообразовании с использованием типовых модулей следует воспользоваться возможностями комбинаторики (Рис. 1).

Подобный подход к применению криволинейных модулей, предложенных на базе природных аналогов, продемонстрирован в картинах художника Эшера Маурица, изображающих комбинаторную компоновку орнамента из живых существ, отражающие пластические аспекты понятия бесконечности (Рис. 2).

Была разработана типовая ячейка для многофункционального здания общественного назначения с использованием методов проектирования бионической архитектуры, учитывающих все критерии и принципы ее методики. Метод аналогии структур позволяет применять наибольший набор критериев при их иерархичном взаимодействии.

Так, принципы бионического формообразования и климатического формообразования будут доминантными,

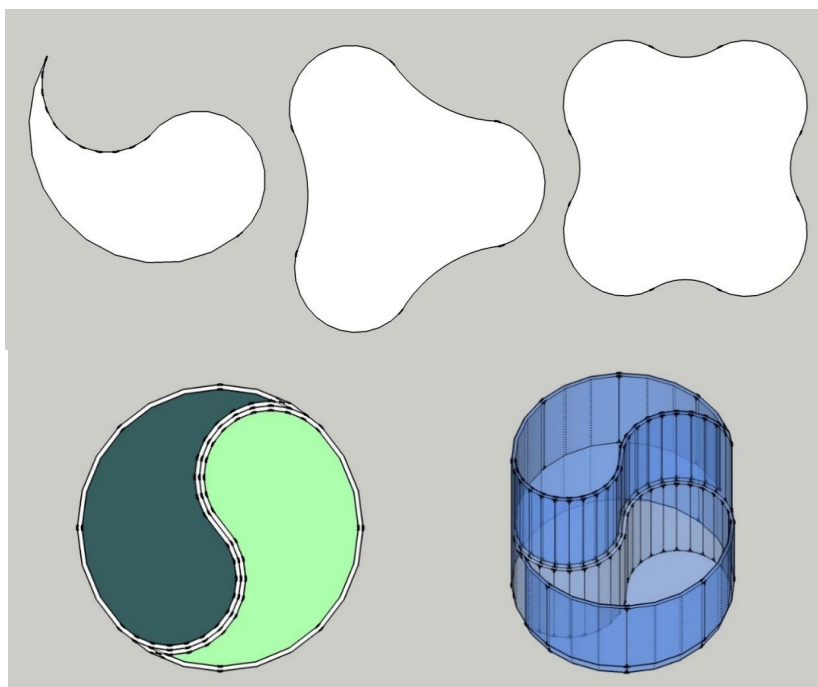

Рис. 3. Модуль 1. Рис. автора

а соподчиненными станут экологические и технологические принципы, такие как: интеллектуальные системы управления зданием, оптимизация жизненного цикла здания, эффективное использование природных ресурсов, экологическая среда в здании. Необходимым на сегодняшний день условием при проектировании является достижение эффекта экологичности, эстетичности, экономичности.

Оптимизированную форму бионического строения, соответствующую всем критериям бионической архитектуры, представляет Модуль № 1 (Рис. 3). Модуль адаптирован к разным климатическим особенностям регионов России и формирует в комплексе с другими модулями полноценное здание либо присоединяется к существующим. Климат всей России характеризуется четким разделением на теплые и холодные сезоны года. С севера на юг прослеживается

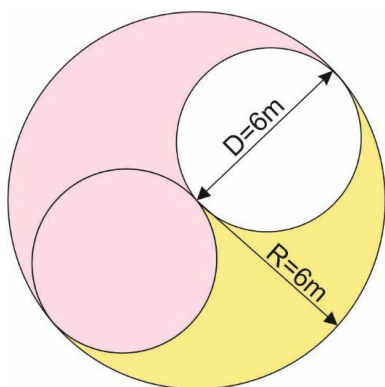

Рис. 4. Соединение двух модулей. Рис. автора

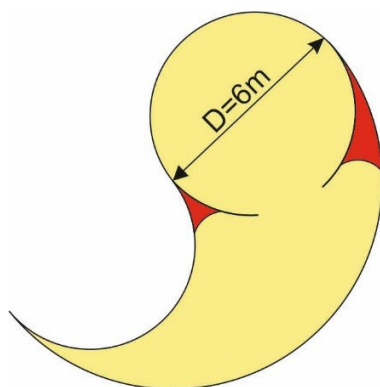

Рис. 6. Каналы связи в модуле 1. Рис. автора

уменьшение температурных перепадов и потепление климата. Восточная часть страны холоднее, чем западная. Это связано с тем, что на западную часть наибольшее влияние оказывает океан, который смягчает климат. В стране определяются следующие климатические пояса: арктический, субарктический, умеренный, субтропический.

В пределах каждого пояса выделяют зональные типы климата, сменяющиеся в направлении с севера на юг, и климатические области, направленные с запада на восток. Влияние на климат России оказывают такие факторы, как рельеф и близость к океану [1]. Модуль № 1 состоит из окружности радиусом 3 м и дуг радиусом 3 и 6 м. Два аналогичных модуля, соединяясь в плане, образуют окружность радиусом 6 м (Рис. 4).

В плане модуль разделен на две части дугами в продолжении окружности. В местах примыкания дуг располагаются каналы связи для управления модулем. Объемная форма модуля представляет половину цилиндра высотой 6 м (2 этажа по 3 м). Два модуля, составленные вместе по форме являются цилиндром (Рис. 3).

В случае примыкания модуля к существующему зданию проводится хорда внутри модуля для образования прямолинейного примыкания (Рис. 5).

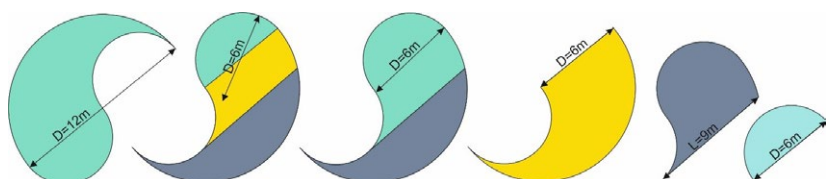
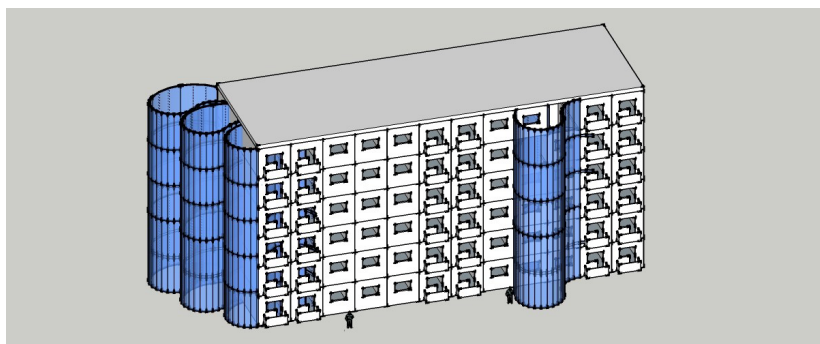

Рис. 5. Деление модуля. Рис. автора

Объем примыкания модулей в плане представляет бесконечную структуру.

Для выполнения критерия бионического формообразования применялись соответственные методы. Была оптимизирована внешняя форма модуля и внутренняя планировочная структура.

Внутренняя планировочная структура модуля связана с внешним объемом и образуется пересечением дуг. В местах их сопряжения предусмотрены каналы связи с инженерным этажом и серверной для обеспечения управления (Рис. 6).

Конструктивное решение модуля каркасное, рамно-связевое с жесткими соединениями в поперечном направлении и сварными соединениями в продольном направлении с навесным фасадом. Для выполнения условий критерия климатической архитектуры были применены методы оптимизации внешней формы, оптимизация внутренней планировочной структуры и метод термоса (Рис. 7).

Форма модуля имеет полуцилиндрическую структуру, что защищает ее от ветровых нагрузок, а ширина основания 12 м

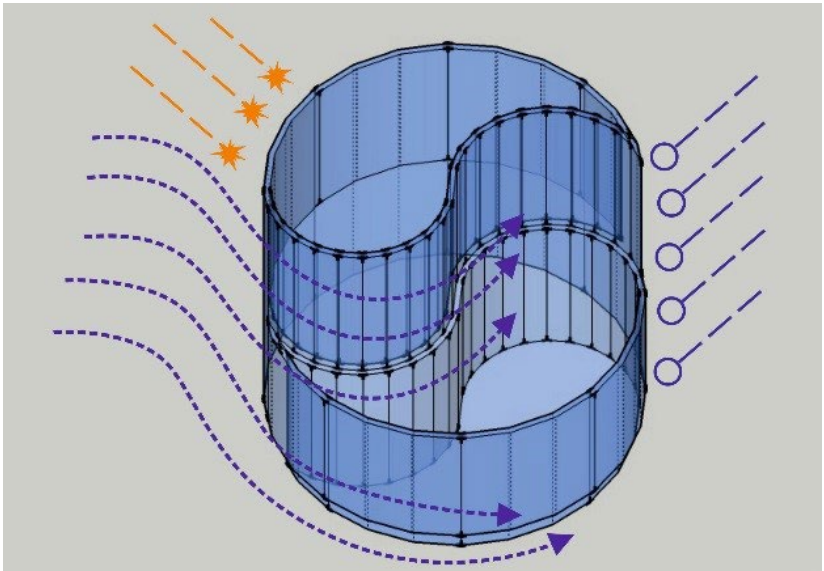

Рис. 7. Оптимизация формы для климатического формообразования. Рис. автора

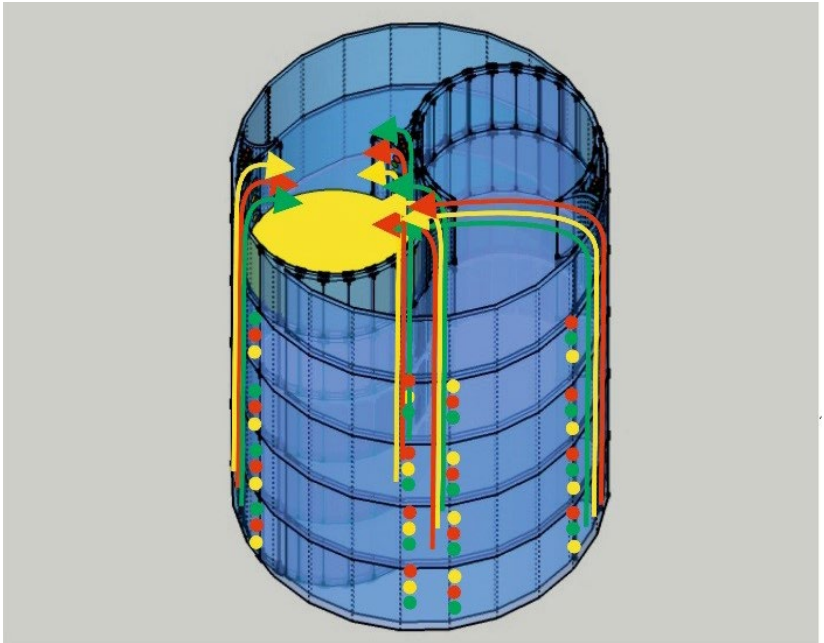

Рис. 8. Датчики и каналы связи в модуле 1. Рис. автора

позволяет сделать модуль устойчивым к сейсмическим нагрузкам. Так оптимизация внешней и внутренней формы сделала модуль климатически устойчивым. Применяя в конструкции модуля двойной вентилируемый фасад с системой контроля температурного режима, воздуха использовали метод термоса с высокой теплоизоляцией. Критерий интеллектуальных технологий в модуле достигается применением метода искусственного интеллекта с управлением на техническом этаже из серверной и связью через вертикальные каналы и датчики температуры воздуха и воды (Рис. 8–9) [2–3].

Критерий оптимизации жизненного цикла здания выполняется посредством применения методов: BIM проектирования, методом искусственного интеллекта, технологией умный дом, методом применения экологически чистых материалов ограждающих конструкций.

При проектировании модуля № 1 использовались программы SketchUp и ArchiCAD для генерации формы природного объекта в архитектурную форму.

Метод искусственного интеллекта в модуле позволяет контролировать потребление электроэнергии, добиться управления температурно-влажностным режимом, охранной системы. Датчики солнечного света своевременно включают и отключают искусственное освещение. А температурный режим регулируется за счет подачи через вентиляцию воздуха нужной температуры. Технология «умный дом» включает специальные приборы для уборки и контроля режима дня. Что оптимизирует процесс эксплуатации модуля [4–6].

Метод применения экологически чистых материалов позволяет регулировать вторичное использование материалов ограждающих и несущих конструкций после истечения срока эксплуатации модуля. Так, остекление фасада решено с использованием переработанного металла и стекла, которые и в дальнейшем могут быть переработаны после демонтажа здания. Критерий природных ресурсов достигается применением метода искусственного интеллекта и метода

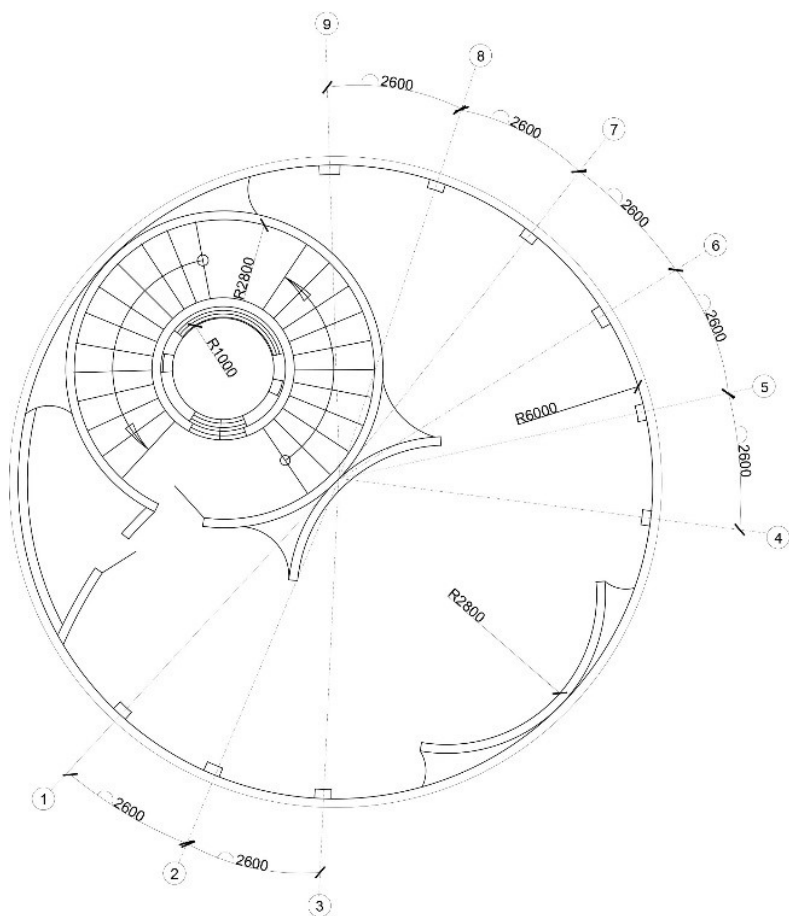

Рис. 9. План и разрез модуля 1. Рис. автора

кинетической архитектуры фасадов модуля. Так, ячейки фасадов модуля могут затеняться в солнечное время по необходимости, а за управление этим процессом отвечает искусственный интеллект. Критерий снижения вредных выбросов в атмосферу достигается технологией «умный дом» и методом применения очистных сооружений на вытяжных камерах. Экологическая среда в модуле достигается методами оптимизации формы, а также применением экологически чистых природных материалов [7–9].

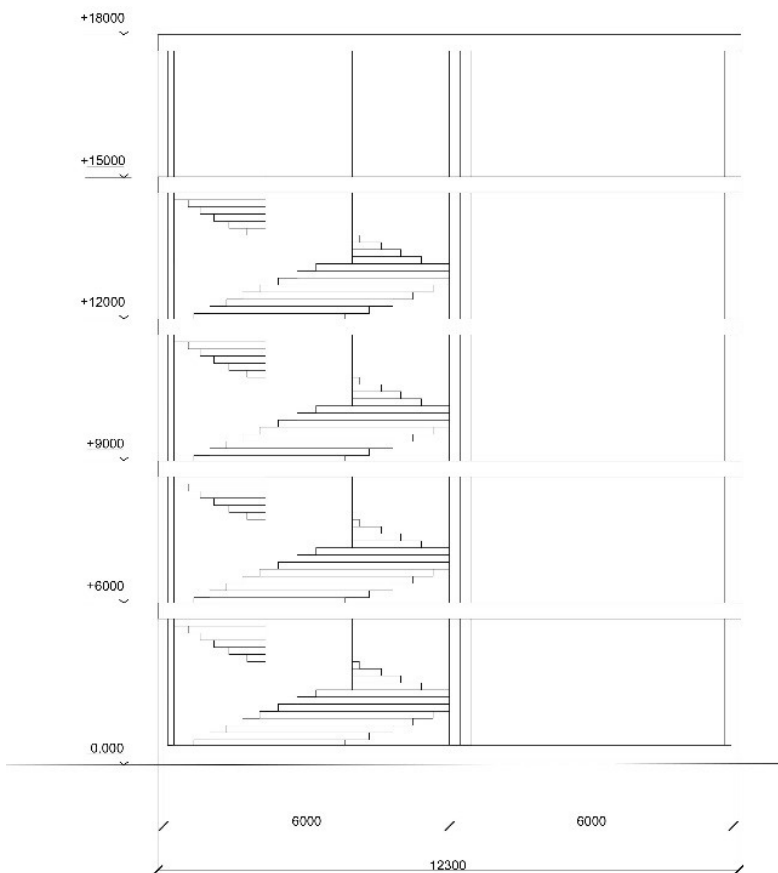

Рис. 9а. План и разрез модуля 1. Рис. автора

Адаптивная способность выражена в применении метода кинетической архитектуры и искусственного интеллекта, а также применением технологии умный дом. Эффективное использование природных ресурсов достигается за счет применения метода альтернативных источников энергогенерации, на фасадах применены панели солнечных электрогенераторов (Рис. 9а).

Список литературы

1. Климат России [Электронный ресурс] // Образовака.ру : [сайт]. — URL: <https://obrazovaka.ru/geografiya/klimat-rossii-kratko.html> (дата обращения 27.04.20).
2. *Zuk W., Clark R. H.* Kinetic Architecture. — Van Nostrand Reinhold, 1970 — 163 p.
3. *Колпинец Е.* Кинетическая архитектура : дома, которые умеют двигаться [Электронный ресурс] // LIFE : [сайт]. — URL: <https://life.ru/p/890980> (дата обращения: 23.05.2020).
4. *Точилова Н. А.* Фасад автостоянки аэропорта Брисбена — пример динамичного арт-объекта [Электронный ресурс] // ARCHITIME.RU: информационно - образовательный ресурс : [сайт]. — URL: https://www.architime.ru/specarch/urban_art_projects_studio/brisbane_airport_parking.htm (дата обращения: 23.05.2020).
5. *Смирнова Л. К.* Динамическая башня. [Электронный ресурс] // Wikipedia : [сайт]. — URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Dynamic_Tower (дата обращения: 23.08.2007).
6. UpCycle House by Lendager Architects. [Электронный ресурс] // Archiscene : [сайт]. — URL: <https://www.archiscene.net/housing/upcycle-house-lendager-architects/> (дата обращения: 23.08.2007).
7. UpCycle House сделан целиком и полностью из вторсырья [Электронный ресурс] // Зеленый дом : [сайт]. — URL: <http://green-dom.info/зодчество/upcycle-house-sdelan-целиком-i-polnostyu-iz-vtorsyrya/> (дата обращения: 23.05.2020).
8. Ndrew hinman architecture. [Электронный ресурс] // Houzz : [сайт]. URL: <https://www.houzz.com/projects/109132/locomotive-ranch-trailer> (дата обращения: 23.05.2020).

РУКОТВОРНЫЙ КРИСТАЛЛ НОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Мохов И. Э.

Екатеринбург, Уральский архитектурно-художественный университет

Аннотация. Статья посвящена направлению в архитектуре, связанному с заимствованием форм неживой природы, в частности форм кристаллов. Такие природные объекты привлекают внимание людей своими эстетическими свойствами. В этой статье описаны методы перенесения этой формы в архитектуру и объекты наиболее показательные для этого направления.

Ключевые слова: архитектура кристаллов; природная архитектура; органическая архитектура.

Великолепие природных кристаллов не только надолго завораживает взгляд равнодушного человека, но и является источником вдохновения для зодчего. Многие архитекторы и архитектурные бюро используют безупречную форму кристалла в своих проектах, буквально увеличивая в несколько сот раз природный первообраз. Такая архитектура имитирует как бы вырастающий из земли прекрасный кристалл, который играет всеми своими гранями и днем, и ночью. Эта воплощенная идея выглядит оригинально и привлекательно как на улицах мегаполиса, так и в отдаленной от города естественной природной среде.

Показательна в этом смысле история проектирования *Королевского музея в Онтарио Канада (Рис. 1)* в форме кристалла [1]. В 1996 г. архитектор Даниэль Либескинд взялся

Рис 1. Самый большой музей Канады — Королевский музей Онтарио.
Источник: Studio Libeskind: [сайт]. URL: <https://libeskind.com/work/royal-ontario-museum/> (дата обращения: 15.04.2020).

за проектирование совершенно новой формы пристройки, которая бы сделала Королевский музей Онтарио не только огромной ценностью, но и привлекательностью Торонто.

Коллекции, находящейся в стенах музея, нет равных по роскоши, а также научной и исторической важности. Шесть миллионов разнообразных и весьма привлекательных экспонатов, из которых около 3000 образцов — это собрание настоящих минералов, космических метеоритов, редкостных драгоценных камней и горных пород, даже сам церуссит, именуемый «Светом пустыни» и метеорит Тегиш, а также египетские саркофаги, гробницы, статуи, доспехи великих воинов, скульптуры и многие другие предметы ежедневно радуют око посетителей. Выбирая образ будущей пристройки, автор лично посетил все комнаты и детально рассмотрел экспонаты. Его взгляд остановился на выставочном зале, где находились настоящие кристаллы. Именно они так заворожили Либескинда, что стали образом, который он воплотил

Рис 2. Штаб-квартира Департамента здравоохранения в Бильбао (Баскония, Испания). Источник: Эксклюзивный фасад от MODUS Group // MODUS Group: [сайт]. URL: <https://modusgroup.com.ua/archives/48638> (дата обращения: 15.04.2020).

в гигантскую многоугольную пристройку. Срисовав в общих чертах форму кристалла на салфетку, которая была первым, что попало под руку, архитектор принялся за разработку величайшего музея Канады.

На разработку и планировку того, как будет выглядеть Королевский музей Онтарио, ушло около семи с лишним лет; само же возведение сложнейшей конструкции, призванной чуть более расширить размеры музея, заняло четыре года. То есть более одиннадцати лет вершилось великолепие, которое не оставит равнодушным ни одного посетителя. Старое, ничем не приметное здание теперь сверкает расположенными ассиметрично острыми углами и по-новому воспринимается как жителями, так и туристами.

Штаб-квартира Департамента здравоохранения в Бильбао (Баскония, Испания) (Рис. 2). Шедевр футуризма, который проектировали архитекторы фирмы «Coll-Barreu

Рис. 3. Центр альпинизма вид сверху. Источник: Aasarchitecture : [сайт]. — URL: <https://aasarchitecture.com/2014/02/polour-rock-climbing-hall-by-new-wave-architecture.html/> (дата обращения: 15.04.2020).

Arquitectos» Хуан Колл-Барро и Даниэль Гутьеррес Сарса, был открыт в 2008 г. и тут же стал самой обсуждаемой архитектурной новинкой Бильбао.

Здание Департамента здравоохранения автономного правительства Страны басков возводился в самом центре Бильбао, на углу двух оживленных улиц — Licenciado Poza и Rekalde. Главной задачей архитекторов было не «перегрузить» и без того очень насыщенный визуальной информацией перекресток. Проектировщики намеренно отступили от красной линии и создали нарочито ломаный полностью остекленный фасад, что придало серьезному учреждению вид гигантского кристалла [2].

Это фантастическое сооружение проектировалось с учетом всех правил мэрии города, которые обязывают строить новые здания, максимально дублирующие конструкции и архитектурный стиль близлежащих домов [3]. Именно по этой причине у здания на самом деле два фасада: внутренний отвечает за выполнение вышеизложенных требований; внешний — за оригинальность и эксклюзивность внешнего вида. Стекланные панели, соединенные по отношению друг

к другу под разными углами, создают впечатление объемности и ирреальности.

Стеклопакеты, из которых состоит внешний фасад, выполняют не только эстетическую функцию. Они позволяют экономить энергию на отопление здания, имеют шумоизоляционные свойства. Благодаря своей схожести с огромным прозрачным кристаллом, здание департамента здравоохранения в Бильбао стало самым уникальным и интересным архитектурным сооружением города, прославившим его на весь мир (бюджет строительства равен почти 13 миллионам евро) [4].

В вышеприведенных примерах рассмотрены варианты расположения зданий-кристаллов в структуре городской застройки, однако, подобные им «кристаллические образования» уместно выглядят и в условиях природной среды. Отметим жилое конференц-пространство, окруженное красивым австрийским горным районом восточного Тироля в Австрии — «*Конференция Crystal Iselberg*» [5; 6]. Еще один пример расположения здания, напоминающего кристалл, вписаного в окружающий горный ландшафт Иранской деревушки Полур, находится у подножия вулкана — *Зал для скалолазания Polour* от New Wave Architecture (Рис. 3) [7].

Вдохновляясь красотой естественного природного минерала, архитекторы создают свои уникальные проекты в разных уголках планеты, то там, то здесь «рассыпая» рукотворные архитектурные кристаллы.

Список литературы

1. Королевский музей Онтарио [Электронный ресурс] // Журнал о достопримечательностях : [сайт]. — URL: <https://yaturisto.ru/severnaya-amerika/canada/korolevskiy-muzey-ontario-v-toronto.html> (дата обращения: 15.04.2020).
2. Здание департамент здравоохранения в Бильбао [Электронный ресурс] // Портал о современной архитектуре

- и строительстве : [сайт]. — URL: <https://delovoy-kvartal.ru/zdanie-departamenta-zdravoohraneniya/> (дата обращения: 15.04.2020).
3. Эксклюзивный фасад от MODUS Group // MODUS Group : [сайт]. — URL: <https://modusgroup.com.ua/archives/48638> (дата обращения: 15.04.2020).
 4. Департамент здравоохранения в Бильбао [Электронный ресурс] // Бодинас-Гласс : [сайт]. — URL: <http://angair.ru/interesnye-stati/departament-zdravookhraneniya-v-bilb/> (дата обращения: 15.04.2020).
 5. Резиденция кристалл [Электронный ресурс] // TRENDHUNTER INC : [сайт]. — URL: <https://www.trendhunter.com/trends/reflective-mountainside-residences-conference-crystal-iselsberg-by-mhm-arch> (дата обращения: 15.04.2020).
 6. Резиденция для семинаров кристалл [Электронный ресурс] // ARCHIPENDIUM : [сайт]. — URL: <https://archipendium.com/en/architecture/seminar-and-conference-crystal/> (дата обращения: 15.04.2020).
 7. Архитектура новой волны [Электронный ресурс] // Aasarchitecture : [сайт]. — URL: <https://aasarchitecture.com/2014/02/polour-rock-climbing-hall-by-new-wave-architecture.html/> (дата обращения: 15.04.2020).

К ВОПРОСУ ОБ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОРЕКОНСТРУКЦИИ ЛАНДШАФТНО- ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ ЮЖНЫХ ГОРОДОВ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДА)

Дикарева Е. А.

Волгоградский государственный технический университет,
Институт архитектуры и строительства

Аннотация. В статье изучена возможность применения инновационных технологий в процессе проведения экореконструкции в рамках ландшафтно-градостроительной системы города. Предложены несколько уровней по внедрению инновационных технологий в структуру ландшафтно-градостроительной системы.

Ключевые слова: ландшафтное проектирование; экология города; экореконструкция; инновационные технологии; ландшафтно-градостроительные системы.

За счет жизнедеятельности человека происходит деградация существующих природно-рекреационных комплексов [1, с. 153], появляются иные нарушенные территории в структуре городской среды. Проблемы экологии города и восстановления его природных ресурсов являются сегодня приоритетными, требуют комплексного и системного рассмотрения на различных уровнях [2, с. 85]. Решение выявленных проблем на уровне города возможно с точки зрения формирования ландшафтно-градостроительной системы, которая включает в себя единую взаимосвязанную

сеть между урбанизированными элементами и природными составляющими городской среды. На основании такого подхода эффективно применение экореконструкции, которая рассматривается с позиции устойчивого развития территорий, основанной на докладе Международной комиссии по окружающей среде и развитию 1989 г. [3, с. 59], а также на положениях Градостроительного кодекса РФ [4, статья 2].

Значимость проведения экореконструкции нарушенных территорий на основе ландшафтно-градостроительного подхода проявляется в формировании устойчивой и комфортной среды как для человека [5, с. 75], так и для природного «живого» компонента внутри города.

Взаимодействие города и его природного окружения рассматривается современной наукой на системном уровне. В изучении особенностей функционирования системы «город-природа» принимают участие как специалисты градостроительных специальностей, так и исследователи смежных научных направлений и дисциплин: В. В. Владимиров, Е. М. Микулина, З. Яргина, А. П. Вергунов, Е. Ю. Колбовский, Э. Э. Красильникова, В. В. Морозова, Н. Ф. Реймерс, П. П. Кавалаяускас, Б. Б. Родоман, Э. Н. Сохина, Е. С. Зархина, Н. С. Краснощекова, Л. Б. Лунц, Д. Корнер, В. А. Нефедов и др.

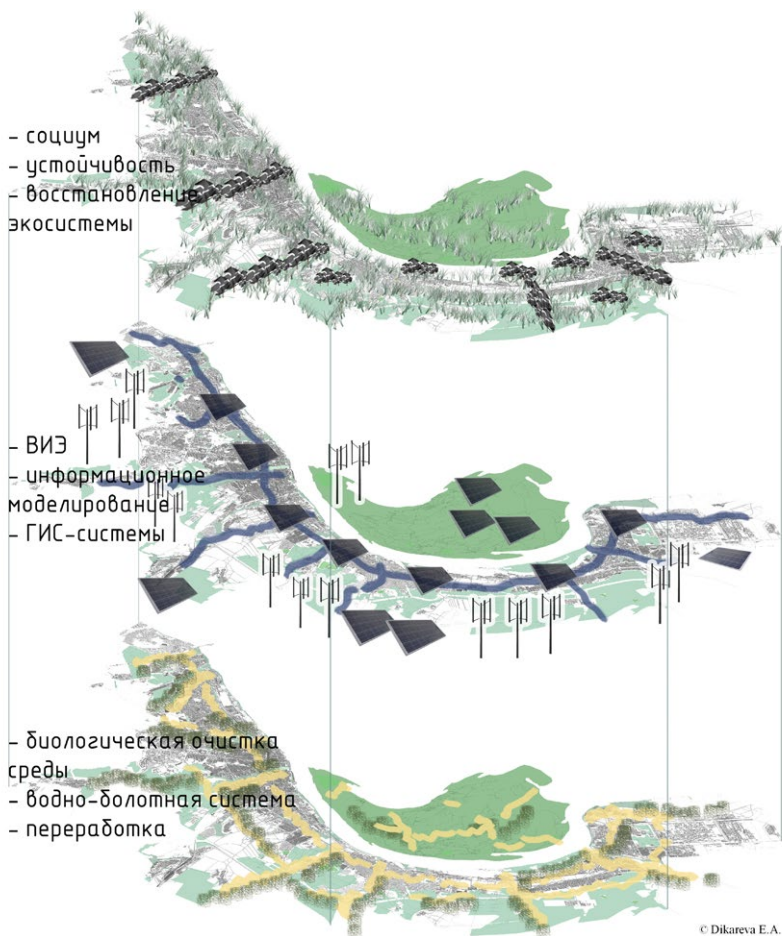
Современные элементы ландшафтно-градостроительной системы города представляют собой структуру, образованную из интеграции зон различного функционального назначения (жилая зона, общественно-деловая зона, зона рекреационного назначения, зона производственной, инженерной и транспортной инфраструктур, зона специального назначения). В данной структуре городской ткани в процессе развития города появляются системы нарушенных территорий, которые негативно влияют на жизнедеятельность города, влияют на «городское здоровье».

Для градостроительной практики Волгограда вопрос реконструкции нарушенных территорий является одним из приоритетных направлений деятельности. Естественный

рост городской среды сегодня усугубляет ситуацию по увеличению процента нарушенных территорий в городской ткани. Главной особенностью южных городов (в том числе Волгограда) являются климатические характеристики, которые влияют как на ландшафтно-градостроительную структуру города, так и на появление природных катаклизмов (таких как пожары), которые усугубляют ситуацию и увеличивают процент нарушенных территорий, оказывающих неблагоприятное влияние на окружающую среду и облик города. Для подобных территорий необходимо разрабатывать комплексный подход к экореконструкции на основании общей ландшафтно-градостроительной системы города. Для улучшения экологической обстановки территории области помимо правильно сформированной ландшафтно-градостроительной системы на основе зеленого каркаса важным элементом, необходимым для внедрения в данную систему, являются инновационные технологии. Инновации позволяют усовершенствовать эффективность существующей системы.

Инновационные технологии, которые возможны для внедрения в структуре ландшафтно-градостроительной системы, можно разделить на несколько уровней (*Рис. 1*): — предпроектные и проектные технологии, которые включают в себя на этапе анализа применения GIS-технологий, на этапе проектирование — использование технологий BIM [6, с. 336]; — социо-экологические, которые позволяют сформировать дружественные и осознанное отношение к ландшафтно-градостроительной системе, за счет восстановления экосистемы, формирования новой структуры и дальнейшее ее поддержание; — технологические — энергия, полученная от возобновляемых источников [8, с. 157–159], биологическая очистка среды, водно-болотная экосистема, качественный подход к переработке и утилизации и др.

В Волгограде имеются благоприятные условия для проведения ландшафтной экореконструкции с использованием принципа инновационности и формирования

интегрированной системы по реорганизации нарушенных территорий в природные рекреационные объекты или объекты жилой функции, что также является актуальным, но требует больших ресурсов по подготовке территорий. Использование ландшафтной экореконструкции с использованием принципа инновационности будет иметь большое значение для улучшения ключевых направлений «городского здоровья» [6].

Список литературы

1. *Коростелева Н. В.* Освоение овражных территорий крупных городов под объекты озеленения как способ улучшения благоустройства территории на примере г. Волгограда // Вестник ВолгГАСУ. Серия : Строительство и архитектура. — 2016. — Вып. 46(65). — С. 153–162.
2. *Вергунов А. П.* Архитектурно-ландшафтная организация крупного города. — Л. : Стройиздат. Ленингр. отд-ние, 1982. — 134 с.
3. Наше общее будущее : Докл. Междунар. комис. по окружающей среде и развитию (МКОСР) / пер. с англ.; под ред. С. А. Евтеева, Р. А. Перелета. — М. : Прогресс, 1989. — 371 с.
4. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 190-ФЗ (ред. от 24.04.2020) [Электронный ресурс] // Российское законодательство : сборник федеральных законов РФ (ФЗ РФ) : [сайт]. — URL: <https://fzrf.su/kodeks/grk/> (дата обращения: 20.03.2020)
5. *Кочуров Б. И., Хазиахметова Ю. А., Ивашкина И. В., Сукманова Е. А.* Ландшафтный подход в градостроительном проектировании // Юг России : экология, развитие. — Дагестан, 2018. — Т. 13. — № 3. — С. 71–82.
6. *Дикарева Е. А., Красильникова Э. Э.* К вопросу о предпроектных исследованиях парков с ветроэнергетическими установками // Актуальные проблемы и перспективы развития строительного комплекса [Электронный ресурс] : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (3–4 дек. 2019 г., Волгоград). — Волгоград, 2019. — С. 334–338.
7. *Дикарева Е. А., Перехоженцев А. Г.* Анализ применения альтернативной энергетики в городах России на основе выявленных характеристик // Вестник ВолгГАСУ. Сер. : Строительство и архитектура. — 2016. — Вып. 52 (71). — С. 156–166.

АРХИТЕКТУРА ИЗ ВТОРСЫРЬЯ В КОНТЕКСТЕ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Тетюцкая Е. А.

Екатеринбург, Уральский государственный
архитектурно-художественный университет

Аннотация. В статье описывается влияние, которое оказывает архитектура из вторсырья на общество, на облик города. Представлены основные направления и особенности применения переработанных отходов в архитектуре и дизайне. Актуализирован поиск решения проблемы накопления твердых бытовых отходов в мире.

Ключевые слова: архитектура; вторсырье; город; экологическая; среда; зеленая; переработка.

Архитектура оказывает колоссальное влияние на человека, общество, городское пространство, в то же время испытывает ответное воздействие. Так, в последнее время в связи с проблемами загрязнения окружающей среды и расходования не компенсирующих природных ресурсов наблюдается общественный запрос на экологичное строительство, материалы. Население планеты производит огромное количество отходов, которые отправляются на захоронение или сжигаются. Для решения данной проблемы отходы подлежат вторичной переработке, полученный при этом продукт используют в различных отраслях, в том числе и архитектуре. Термин «здания и сооружения из вторсырья» — это архитектура с заботой о природе. Это практический способ использовать переработанные материалы в больших масштабах. Зеленая

архитектура с каждым годом распространяется в мире все более. В настоящее время человечество обрело изобилие материалов, из которых можно строить и сооружать. Экологическая архитектура — не просто новомодное явление и дань времени. Если мыслить глобально, то это новый жизненный уклад и мышление. Уже несколько столетий человек использует природу так, как ему заблагорассудится. В XXI в. мировое сообщество осознало значение природы и взялось за ее сохранение, к счастью, с умом [1].

Под мусором, как правило, понимают твердые бытовые отходы (далее — ТБО). Это наибольшая часть отходов потребления, товары, потерявшие потребительские свойства. Решить проблему накопления ТБО на данный момент возможно при помощи переработки, утилизации и безотходного производства. Переработка отходов — деятельность, заключающаяся в обращении с отходами с целью обеспечения повторного использования в народном хозяйстве в качестве сырья, энергии, изделий и материалов. Виды утилизации: переработка в удобрения, сжигание, захоронение на свалках и прочее. Вторичное сырье — материалы и изделия, которые после первоначального полного использования (износа) могут применяться повторно в производстве как исходное сырье. Основные критерии отходов: органический (продукты жизнедеятельности живых организмов) и неорганический (в его составе отсутствует водород); по агрегатному состоянию — твердый, жидкий, газообразный; категории опасности — токсичный или нетоксичный; по типу образования — промышленный и бытовой. В зависимости от основных критериев, мусор распределяют по видам. В таблице представлены основные виды вторичного сырья, используемого в архитектуре и дизайне (Табл. 1). Способы переработки отходов: переработка макулатуры в пульпу; переплавка цветных и черных металлов; переплавка стекла; измельчение резины в крошку.

Виды вторичного сырья и их составляющие

Виды вторичного сырья	Наименование материалов и составляющих, входящих в данный вид
Древесина	Ветви и листья деревьев, опилки, древесно-стружечные плиты, обрезки древесины
Полимеры	Пластиковые бутылки, мешки, сломанные пластиковые ведра и тазы, а также полиэтиленовая пленка, ПВХ изделия
Строительные отходы	Кирпич, бетон, старые обои, железобетон
Текстиль	Спецодежда, постельное белье, скатерти, покрывала, шторы, лоскутки материи, обрезки тканей
Макулатура	Бумага, картон, бумажные мешки, книги, журналы (кроме гляцевых), упаковочная бумага, шпагат
Стекло	Бутылки, банки, стеклбой, пробирки
Металлолом	Лом различных сплавов: алюминиевый, медный, титановый и свинцовый, а также отходы обрабатывающих производств (стальная стружка, обрезки)
Резина	Автомобильные шины, покрышки, манжеты, РТИ

Представим примеры применения вторичного сырья в архитектуре и дизайне. Исторический музей Нинбо построен в 2008 г. и представляет собой здание площадью 30 000 кв. м, находится в городе Нинбо в китайской провинции Чжэцзян (Рис. 1). Фасад трехэтажного музея состоит из мусора, найденного поблизости разрушенных 30 традиционных китайских деревень. Архитектор Ван Шу хотел построить музей для людей, которые издавна проживали в этой местности, чтобы оставить для них память. Стены исторического музея богаты обширным выбором переработанных кирпичей и плиток, возраст которых более тысячи лет. Музей был воздвигнут с применением традиционной техники под названием *вапан*, в которой несколько элементов разнообразных величин составлены вместе для создания прочной структуры [2].

Интересна идея летнего павильона из вешалок, который сконструирован из двух арочных корпусов, разработанных из треугольных вешалок, соединенных стяжками (Рис. 2). В проекте применен метод модульного дизайна. Это также создает иллюзию движения из-за расположения вешалок в фрактальных узорах, которые формируют теневые

Рис. 1. Исторический музей. Нинбо, Китай. Автор: Ван Шу. 2008 г. Источник: Топ 10 необычных зданий из вторичного сырья [Электронный ресурс] // Architime : [сайт]. — URL: https://www.architime.ru/specarch/top_10_recycling/building.htm (дата обращения: 01.05.2020).

эффекты на земле при движении солнца. Однако дизайнерское бюро до сих пор не получило разрешение на строительство, а организаторы по-прежнему находятся в поисках средств на это [3].

Нери Оксман профессор, возглавляющая Mediated Matter Group в Массачусетском технологическом институте, — автор сенсационного проекта *AguaHoja* (Рис. 3). Объект *AguaHoja* напечатан роботами на 3D-принтере и создан из биокомпозита на основе целлюлозы, хитозана и пектина. Данный объект дает понять преимущества новых, подходящих для переработки строительных материалов. *AguaHoja* определяет грядущее, в котором органическое и искусственное сближаются. Идея заключается в том, что представленный уровень экологического программирования поможет в дальнейшем создавать структуры, которые изменяют свои свойства вместе со сменой сезона. Даже немногочисленные перемены в молекулярном составе биокомпозитов могут оказать огромное воздействие на их конструкцию или их распад [4].

Рис. 2. Проект летнего павильона из переработанных вешалок на острове New York's Governors. Архитекторы: Folio's design, Нью-Йорк. 2016 г. Источник: Инсталляция из переработанных материалов [Электронный ресурс] // Furniture home wares : [сайт]. — URL: <https://ru.furniturehomewares.com/2016-01-19-folio-hanger-barn-installation-new-york-governors-island-city-of-dreams-pavilion-competition-dezeen> (дата обращения: 12.05.2020).

Вопрос о необходимости переработки отходов в нынешнем обществе стоит очень остро. Для разработки современных строительных объектов по правилам экологического строительства, именующихся в международной практике как «зеленая архитектура», следует придерживаться следующих основных норм и правил. Это — ресурсосбережение, применение возобновляемых источников энергии (солнце, ветер, грунтовые воды, энергия рек и морей), минимизация неблагоприятного влияния на окружающую среду и сокращение внедрения возводимых объектов в естественную среду, использование экологичных материалов, производство и утилизация которых не наносит вреда природному ландшафту. При оценке соответствия архитектурно-строительного объекта «зеленым» стандартам должен также изучаться весь его жизненный цикл, начиная от выпуска строительных материалов, самого процесса строительства,

Рис. 3. Проект Aguahoja, Нери Оксман и Mediated Matter Group.
Источник: Архитектура из переработанных материалов [Электронный ресурс] // Archdaily : [сайт]. — URL: <https://www.archdaily.com/tag/recycled-materials> (дата обращения: 12.05.2020).

всего этапа эксплуатации, и завершая разрушением здания и утилизацией строительных отходов. Агитация идеалов и распространение образцов «зеленого» строительства в глобальном масштабе — путь к спасению человечества и цивилизации от губительных процессов глобализации и отходов «общества потребления». Здания, сооруженные из вторсырья, подтверждают факт того, что можно найти уникальный подход к вопросам архитектуры и строительства в целом, а также разумно распорядиться ненужными материалами. Только тогда, когда человечество объединится, удастся сохранить экологию, а также извлечь выгоду и заработать на том, что раньше было просто отходами [5].

Список литературы

1. Круговорот вторсырья в архитектуре [Электронный ресурс] // Европульс : [сайт]. — URL: <https://euro-pulse.ru/eurotrend/krugovorot-vtorsyrya-v-arhitekture> (дата обращения: 10.05.2020).
2. Топ 10 необычных зданий из вторичного сырья [Электронный ресурс] // Architime : [сайт]. — URL: https://www.architime.ru/specarch/top_10_recicling/building.htm (дата обращения: 01.05.2020).
3. Инсталляция из переработанных вешалок материалов [Электронный ресурс] // Furniture home wares : [сайт]. — URL: <https://ru.furniturehomewares.com/2016-01-19-folio-hanger-barn-installation-new-york-governors-island-city-of-dreams-pavilion-competition-dezeen> (дата обращения: 12.05.2020).
4. Архитектура из переработанных материалов [Электронный ресурс] // Archdaily : [сайт]. — URL: <https://www.archdaily.com/tag/recycled-materials> (дата обращения: 12.05.2020).
5. Вторичное использование материалов [Электронный ресурс] // Designstory : [сайт]. — URL: <http://www.designstory.ru/theme/view/5313> (дата обращения: 14.05.2020).

СТРУКТУРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ПРОМЗОН

Львова Н. С., Карпов Д. В.

Мытищи, Московский государственный
областной университет

Аннотация. В рамках данной статьи авторами выделены основные шаги при подготовке разработки концепции преобразования заводских объектов. Решены основные задачи по систематизации структуры этапов разработки промышленных территорий, проанализированы основные методы преобразования заводских комплексов. Высказано предположение, что данное направление является основным в изменении промышленного блока экономики в России.

Ключевые слова: проектирование; завод; промышленная территория; методы преобразования промзон.

Современное проектирование территорий основывается на двух независимых друг от друга теориях реконструкции промышленных зон. Перед дизайнером всегда стоит выбор какую из них выбрать, либо синтезировать их для решения определенных задач. По мнению одного из авторов статьи: «<...> дизайн в зависимости от целей и задач создает определенное пространство. Необходимо не только анализировать, но и понимать структуру пространственной организации и дизайна при трансформации как интерьеров, так и территорий промышленных комплексов» [1, с. 43]. Для успешного поиска решения дизайнеру требуется провести определенный анализ объекта проектирования, проблематики

территории, подобрать решения, которые максимально соответствуют функциональным идеям преобразования промышленных объектов.

Реконструкция промышленных объектов на сегодняшний день — одна из наиболее актуальных тем для проектных организаций и научных исследований. В научных трудах Charles Bloszies «Old Buildings. New Design» [2, p. 28–40] и Tamara Rogic «Converted Industrial Buildings» наиболее подробно освещена эта проблема. Как показывает опыт ведущих стран мира, наиболее лучший способ «продления» жизни промышленного наследия является адаптивное повторное его использование. Конечно, зачастую это достаточно обширные преобразования, которые задействуют как саму структуру здания, так и ее территориальную планировку. Но не стоит забывать об эстетической целостности и историческом значении промышленной культуры. Опираясь на понятие эстетической целостности и руководствуясь принципами преобразования промышленных объектов, можно утверждать, что наиболее актуально применять комплексный подход в качестве руководства для преобразования промзон. Одним из направлений джентрификации является «индустриальная археология», которая направлена на изучение материальных свидетельств индустриального развития стран. Сторонники реновации промышленных пространств в Европе ратуют за консервацию промзон и создание на их основе музеев техники. К сожалению, объем промышленной культуры настолько велик, что консервация всех их не представляется возможной, как и возврат к уже выведенной функции. Поэтому можно смело утверждать, что комплексный подход к проектированию, который включает полную смену наполнения, наиболее актуален в современных условиях развития экономики.

Основываясь на выше сказанном, в европейской практике складывается основная тенденция изменения промышленных пространств. Европейские дизайнеры рассматривают

заводскую территорию как базис для полной реконструкции, а также замены функций. Но в российской практике же совершенно другая тенденция — стремление сохранить основную функцию, при этом создав благоприятные условия для работы.

Возвращение промзон в полноценное городское использование немислимо без развития общественной и культурной функции. Сохраняемая индустриальная архитектура, вновь создаваемые парки и арт-кластеры позволяют бывшим промтерриториям обрести функции городского культурного центра, где жители смогут удовлетворить объективные потребности и запросы. Реализация культурных и коммуникативных потребностей людей связана с уровнем культурного потенциала.

При изучении ряда научных работ по развитию реноваций промышленной архитектуры в Европе возникает насущный вопрос, а что делают в России? Россия пошла наперекор тенденциям европейских стран, у нас во главе угла стоит реконструкция и реновация промышленного здания, а не полная модернизация функционального наполнения. Прототипом для данной работы послужил челябинский трубопрокатный завод, который недавно провел свою реновацию на основе теории белой металлургии. Белая металлургия — это теоретически-практическое направления развития промышленной архитектуры в России. Создатели «белой металлургии» высказывались: «...данная теория включает в себя систему позиционирования, зонирования, концепцию безопасности на предприятии, систему обучения кадров, дизайн промышленных помещений и др.» [3]. Она зародилась при реализации крупных проектов, таких как строительство цехов «Высота 239», «Железный Озон 32» и финишного центра по производству труб нефтяного сортамента. В основе этой идеи лежит японская философия kaizen, которая опирается на постоянное совершенствование процессов производства, разработок, вспомогательных бизнес-процессов,

процессов управления, а также всех аспектов жизни. Все эти пункты приводят к выработке и структуризации основных тенденций в современной промышленной архитектуре.

Все структуры работают над формированием дружелюбной и комфортной среды. Гуманизация является основной стратегией развития пространств, создаваемых в городской среде. В теории «белой металлургии» сохраняется исторический и функциональный облик объекта, при этом меняется теоретическая и практическая значимость пространства.

Данная теория является прогрессивной для Российской Федерации, но внедрение ее происходит очень медленно, хотя индустриализация и гуманизация промышленности требует новых шагов и новых идей. Выбранное направление показывает важное отличие от европейского опыта. Оно состоит в том, что территория сохраняет прежний функционал, но меняет облик и среду обитания человека.

Для решения первоочередных задач, в частности для определения метрических характеристик промышленной среды, авторы статьи рекомендуют использовать метод моделирования пространственных форм и структур, а также учитывать взаимодействие и взаимосвязь определенных факторов, таких как этнические, санитарно-гигиенические, функциональные, природоохранные, технологические и эстетические [3, с. 171].

Структурно проанализировав пути развития планирования и модернизации промышленных территорий, следует перейти к основным пунктам анализа территории промышленного объекта, данные пункты подойдут и для анализа любой общественной территории. В основе профориентированных элементов системного подхода лежат следующие этапы проектирования: предпроектный анализ; формирование проектно-художественной концепции; развитие концепции в эскизный проект [3, с. 173].

Первый метод, используемый в предпроектном анализе — «ситуационный анализ» — представляет собой стратегию,

включающую в себя углубленное изучение отдельных событий или случаев в контексте с использованием нескольких источников информации. На что же надо обратить внимание при данном типе анализа: на структуру существующих построек, их взаимосвязь и взаимодействие друг с другом. Также стоит учитывать: климатический пояс, среднегодовые температуры, индекс дневной освещенности.

Следующий этап — «анализ артефактов» — это систематическое изучение материала, эстетических и интерактивных характеристик объектов, которое способствует пониманию их физического, социального и культурных контекстов. По итогу этого анализа производится систематизация исторических слоев, сложившихся на территории, структурируются архитектурные стили, использовавшиеся в проектировании и изменении промышленных зданий.

Метод «поведенческое картирование» используют для системного документирования наблюдений за деятельностью человека. Это позволяет спроектировать движение потоков людей, разграничить движение, привести все к идеалу. Этот метод необходимо применять при проектировании навигационной системы.

При разработке навигации поможет «когнитивный пошаговый анализ», который позволяет оценить, действительно ли сигналы и подсказки в системе отражают путь людей при когнитивной обработке заданий и предвидении «следующих шагов» системы. Это помогает в работе дизайнеру при моделировании требований к навигации в определенных зонах, а также понять структурную направленность концептуальной идеи.

После анализа территории, потоков и всех возникающих коммуникационных событий следует провести «эргономический анализ», обеспечивающий оценку среды и целей оптимизации комфорта и безопасности использования их людьми. В завершении аналитической части исследования изучение основных проблем следует провести с помощью

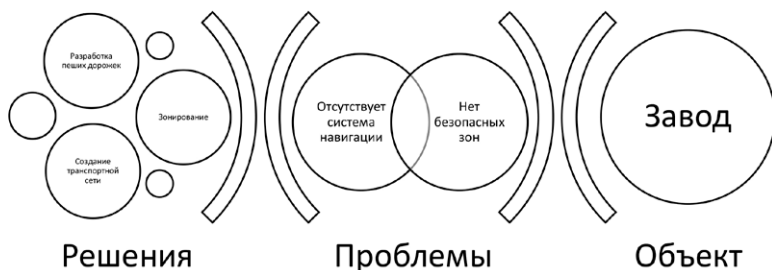

Рис. 1. Схема структуризации элементов исследования.
Рис. авторов

«контекстного исследования» — это иммерсионный, контекстный метод наблюдения и опроса, который показывает основную структуру требований участников процессов, происходящих на территории.

По итогу данных ступеней анализа следует метод «составления диаграмм родства» — это процесс облечения в конкретную форму и группирования по значимым признакам наблюдений и выводов исследования. Данный метод позволяет структурировать все результаты исследования, синтезировать общие наблюдения.

На схеме представлен метод расположения и структуризации элементов исследования. Первым порядком выстраиваются основные объекты либо сама территория, вторым порядком — проблемы на данной территории, третьим порядком идут предложения и решения для ликвидации проблем (Рис. 1).

Используя вышеизложенный материал, можно достичь положительного результата предпроектного анализа. Эти способы помогают доступно и наглядно передать информацию, основные проблемы. Самый лучший результат будет достигаться в сочетании всех методов анализа.

Список литературы

1. *Львова Н. С., Надысева В. М.* Вопросы теории и практики обустройства интерьера школьной среды // *Инновации в социокультурном пространстве : материалы XII Международ. науч-практ. конф. (Благовещенск, 18 апреля 2019 г.)*. — Благовещенск : АмГУ, 2019. — С. 42–44.
2. *Charles Old Buildings New Designs: Architectural Transformations*. — London : Princeton Architectural Press, 2011. — 152 p.
3. *Львова Н. С.* Этапы организации учебного проектирования в средовом дизайне (на примере создания малого сада) // *Преподаватель XXI век*. — 2019. — № 3–1. — С. 168–177

АРХИТЕКТУРНО- ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ОБЛИК ЗДАНИЙ

Мясникова Д. Д.

Екатеринбург, Уральский государственный
архитектурно-художественный университет

Аннотация. В статье представлены особенности архитектурного и градостроительного облика зданий, их воздействие на человека и общественные пространства.

Ключевые слова: здание; архитектурно-градостроительный облик; строительные материалы; художественный образ, стандарты качества, силуэт объекта.

В современном мире стремительно развивается строительство современных зданий и сооружений в пространстве города, которые поражают своей неповторимостью и архитектурными изысками. Однако любое сооружение должно отвечать следующим требованиям: функциональная целесообразность, технические, эстетические, противопожарные и экономические требования, надежность, индустриальность (автоматизация и механизация сборки и монтажа зданий из крупноразмерных конструкций заводского изготовления) [1].

Для формирования городского пространства здание должно соответствовать, прежде всего, эстетическим требованиям. Индивидуальный облик здания зависит от конструкции наружных стен, от расположения архитектурно-конструктивных элементов. На основе архитектурной формы создается образ, говорящий о функции и структурном содержании. Внешний облик, фактура, цвет, характер

рисунка поверхности и строительные материалы — все это связано с эмоциональным воздействием архитектурного объекта. Данные характеристики оказывают существенное влияние на художественный образ здания [2].

Архитектурно-художественный вид здания остается за проектировщиком, хотя визуальная составляющая ландшафта, материал проекта, высота застройки и предварительные экономические показатели заранее обсуждаются различными инстанциями, что в итоге приводит к экспертизе. Она отображает градостроительные требования и нормы по архитектурно-планировочным решениям [3]. Этот раздел проекта незаменим, так как при отказе учета масштаба, при ненадлежащем исполнении или при преуменьшении роли в застройке можно испортить последующее восприятие не только фрагмента застройки, но и улицы или квартала. Поэтому архитектурно-художественная оценка здания позволяет сказать, достойно ли оно заполнить место в городе, для которого проектируется.

Для создания впечатления об объекте нужна архитектурная композиция. Чтобы привлечь посетителей, вызвать у них определенное настроение и чувства, раскрыть назначение здания архитектор выстраивает объемы и композицию фасадов, а также решает художественное выполнение деталей. Чтобы увеличить выразительность здания, его архитектурный образ, в облике используются определенные ритмические повторения деталей или частей сооружения, их соразмерность, игра света и тени, масштабность. Архитектурный облик должен в первую очередь отражать назначение здания, его функциональную структуру, организацию внутренних пространств, специфику жизни производства, ее связь с внешней средой, замкнутость или открытость во внешнее пространство.

Не менее важным является градостроительный облик объекта (Рис. 1). Градостроительный облик — это процедура, которая несет в себе реализацию нескольких важных целей

Рис 1. Градостроительный облик объекта.

Источник: Градостроительный облик объекта: как интегрировать здание в существующую застройку [Электронный ресурс] // Строимпросто : [сайт]. — URL: <https://stroimprосто-msk.ru/stati/gradostroitelnyj-oblik-obekta-kak-integririvat-zdanie-v-sushhestvuyushhuyu-zastrojku/> (дата обращения: 28.04.2020).

в строительстве. Одна из них, главная — гарантировать постепенное объединение нового сооружения и уже существующей структурой застройки. Кроме того, учитывается силуэт объекта, как он вписывается в среду, сохраняет ли архитектурное наследие и соблюдает ли действующие стандарты качества.

Таким образом, значение архитектуры зданий, их влияние на эстетические качества городской среды диктуют целесообразность оценки их архитектурно-художественного облика. Это позволяет обеспечить необходимую корректировку проекта в процессе его разработки и помогает повысить привлекательность будущей застройки. А градостроительный облик, в конечном итоге, помогает повысить привлекательность района и даже города.

Список литературы

1. Громова Е. Е., Силантьева А. Р. Архитектурный облик зданий и сооружений как важный компонент в городском строительстве [Электронный ресурс] // Студенческий научный форум : материалы VII Междунар. студ. науч. конф. — URL: <https://scienceforum.ru/2015/article/2015017468> (дата обращения: 28.04.20).
2. Архитектурный облик современных городов [Электронный ресурс] // Современные технологии производства : [сайт]. — URL: <https://extxe.com/15010/arhitekturnyj-oblik-sovremennyh-gorodov/> (дата обращения 28.04.20).
3. Градостроительный облик объекта: как интегрировать здание в существующую застройку [Электронный ресурс] // Строимпросто : [сайт]. — URL: <https://stroimprostomsk.ru/stati/gradostroitelnyj-oblik-obekta-kak-integrirovat-zdanie-v-sushhestvuyushhuyu-zastrojku/> (дата обращения 28.04.20).

СВЕТОВОЙ ДИЗАЙН ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Кукушкина В. А., Бордюгова Ю. А.

Липецкий государственный технический университет

Аннотация. В данной статье рассмотрены основные аспекты светового дизайна и его влияние на жизнь людей.

Ключевые слова: городская среда; свет; дизайн; эстетика; эффективность.

Без света невозможно представить ни один крупный город. Большое количество света в городской среде — это очень важный элемент его структуры. Освещаются музеи и храмы, улицы и проспекты, магазины и киоски. Все эти элементы света связываются воедино и называются световым дизайном. Что же такое световой дизайн? Световой дизайн — это искусство создания комфортного визуального пространства, задающего ритм жизни (*Рис. 1*).

Данное направление в дизайне состоит из трех основных аспектов освещения: — эстетическое восприятие — важное значение при проектировании и реализации освещения мест, в которых люди находятся чаще всего: зон отдыха, парков, скверов, магазинов, общественных зон и архитектурных форм; — эргономический аспект — функциональность освещения, способность света влиять на работоспособность, комфорт и зрительное восприятие; — энергоэффективность — необходимо понимать, нет ли освещения пустых мест, без определенной смысловой нагрузки; не превышают ли значения освещенности необходимые по нормативным документам или для выполнения эстетических и функциональных задач [2].

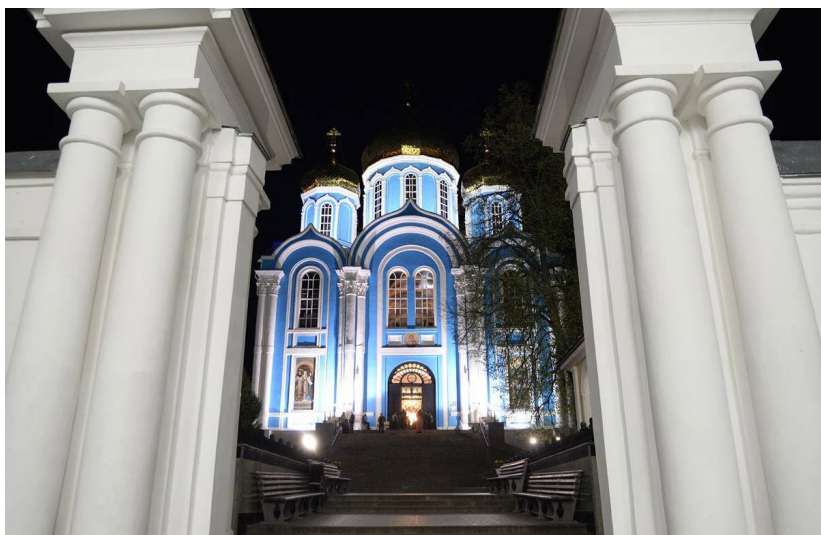

Рис. 1. Пример светового дизайна в Задонском Рождество-Богородицком мужском монастыре. Источник: Фото Пресс-службы Липецкой епархии и Станислава Павлова // Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь: [сайт]. — URL: <http://mitropolia-lip.ru/sites/default/files/events/1556521366/47.jpg> (дата обращения: 05.04.2020).

Существует мнение, что именно свет создает человеку настроение, стимулирует его и т. д. Все эти чувства зависят от цветовой гаммы и яркости. При освещении городских пространств используются разнообразные источники и отражатели света, различные экраны и рассеивающие поверхности, иногда искусственное освещение сочетается с естественным [2, с. 3].

Необходимость светового дизайна в городской среде очевидно. Крупные города не затихают на ночь, жизнь в них идет своим чередом, ведь РЖД, аэропорты, супермаркеты, рестораны и т. д. работают круглосуточно. Освещение городских пространств, формирующих их объектов и поверхности земли фрагментарно, избирательно и в ближайшей перспективе принципиально не изменится. Оно осуществляется множеством источников света, являющихся первичными излучателями, и отражающих свет поверхностей (в качестве

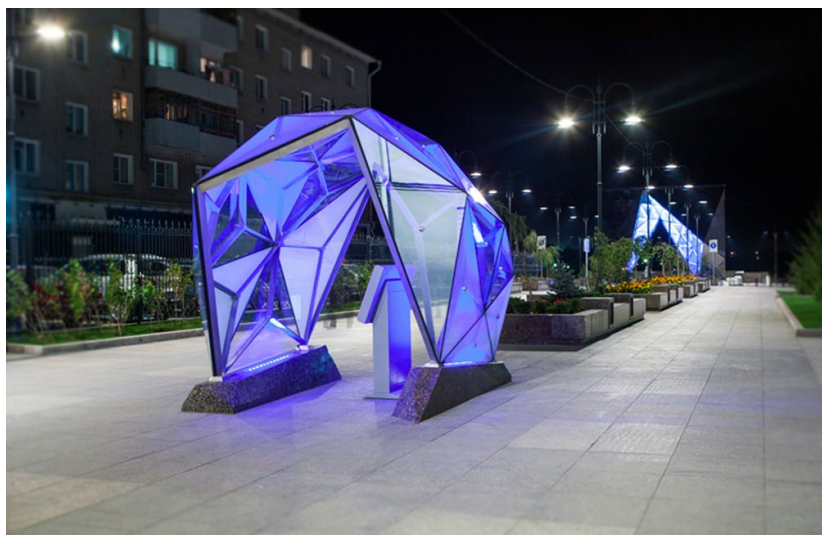

Рис. 2. Пример светового дизайна городской среды в Омске. Источник: Благоустройство улицы Чокана Валиханова в Омске [Электронный ресурс] // КВИПС: группа компаний : [сайт]. — URL: http://kbvips.ru/sites/default/files/styles/project_foto_125x95/public/project_images/val10.jpg?itok=XuxbZGvT (дата обращения: 10.04.2020).

вторичных излучателей) с различной яркостью, цветностью, светораспределением и кинетикой излучения [3]. Каждый из первичных источников образует зрительно воспринимаемое пространство, которое можно назвать элементарным светопространством, с более или менее четкими границами, которые при определенных условиях прочитываются в воздухе как световые конусы, сферы, цилиндры и т. п. Форма и размеры такого светопространства могут быть охарактеризованы фотометрическим телом создавшего его осветительного прибора. Каждое элементарное светопространство, оптически сливаясь с соседними (при их наличии), образует более сложное по структуре, относительно единое утилитарное светопространство с разной степенью неоднородности — непрерывное в пределах линейных планировочных элементов (улиц), дискретное на отдельных участках территории (на площадях, в жилых дворах, в парках) или

«лоскутное» — прерывно-непрерывное, каковым является светопространство в пределах города. Его рисунок прочитывается по освещенным фрагментам земли, по «световым тоннелям» улиц на «световом плане» города с высоко расположенных видовых точек и с авиалайнеров. Реальное архитектурное светопространство включает в себя и эффекты вторичных излучателей — освещенных объектов, которые формируют трехмерную среду зданий, сооружений, деревьев [4, с. 40]. В конечном счете создание освещения есть оптическое формирование городского пространства с прогнозируемыми светокпозиционными параметрами (Рис. 2).

Список литературы

1. Фото Пресс-службы Липецкой епархии и Станислава Павлова [Электронный ресурс] // Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь : [сайт]. — URL: <http://mitropolia-lip.ru/sites/default/files/events/1556521366/47.jpg> (дата обращения: 05.04.2020).
2. *Щенетков Н. И.* Световой дизайн города : учеб. пособие. — М. : Архитектура-С, 2006. — 320 с.
3. Основные компоненты световой среды города [Электронный ресурс] // ARHPLAN : [сайт]. — URL: <http://www.arhplan.ru/urbanism/cityscape/main-components-of-light-environment> (дата обращения: 10.04.2020).
4. *Букатов А. С., Киричок А. И.* Функциональное энергоэффективное освящение наружных пространств столицы : состояние и тенденции развития // Светотехника. — 2012. — № 6. — С. 38–42.
5. Благоустройство улицы Чокана Валиханова в Омске [Электронный ресурс] // КВИПС : группа компаний : [сайт]. — URL: http://kbvips.ru/sites/default/files/styles/project_foto_125x95/public/project_images/val10.jpg?itok=HuxbZGvT (дата обращения: 10.04.2020).

ЗВУКОВЫЕ ИНСТАЛЛЯЦИИ И МУЗЫКАЛЬНЫЕ АРТ-ОБЪЕКТЫ КАК СРЕДСТВО ПРЕОБРАЖЕНИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Чашкина А. М.

Самарский государственный институт культуры

Аннотация. В статье анализируются звуковые инсталляции и музыкальные объекты, которые все чаще становятся неотъемлемым атрибутом современного городского пространства. Автором отмечается, что подобного рода композиции широко используются в проектировании и оформлении современных публичных пространств и служат источником формирования имиджа города.

Ключевые слова: звуковые инсталляции; музыкальные арт-объекты; городское пространство; коммуникация; среда.

Еще недавно главными достопримечательностями и символами города считались только классические монументы и статуи. Сегодня концепция городского пространства постепенно меняется: в городскую среду все активнее внедряются креативные инсталляции, замысловатые композиции и арт-объекты. Стоит отметить, что эксперименты с арт-объектами в России пока проходят с осторожностью. Однако во многих странах мира арт-объекты для города — это инвестиция в его имидж. Они объединяют людей и становятся средством коммуникации с туристами.

Арт-объект — широкое понятие, которое в совокупности означает, с одной стороны, конкретные предметы искусства, а с другой — интересные дизайнерские решения. Описание

арт-объекта как понятия включает в себя архитектурные сооружения, живопись, некие предметы искусства, художественные образы и решения. Арт-объекты креативны и необычны, они привлекают к себе внимание. Подобного рода композиции широко используются в проектировании и оформлении публичных пространств, для украшения улиц, парков и городских скверов. Современные городские арт-объекты — это не просто предметы повседневности, которым придают то или иное значение [1, с. 47]. Это полноценные скульптуры, несущие ценность, сопоставимую с ценностью предметов искусства.

Исследователи отмечают важную социокультурную роль арт-объектов как «носителей информации и эмоциональных смыслов, закодированных в художественном образе» [2], и как средства «обеспечения психологического комфорта личности» [3]. Арт-объекты — «элементы нового объектного мира», творящегося на границе между работой дизайнера и творчеством художника [4, с. 88].

Особую роль в украшении уличных пространств занимают музыкальные арт-объекты. И это не удивительно, ведь звуки, наряду с запахами, тактильными и вкусовыми ощущениями, представляют собой неотъемлемую часть урбанистического пейзажа [5, с. 145]. Музыкальные арт-объекты, соединяющие в одно целое аудиальные и визуальные характеристики, часто называют звуковыми инсталляциями. Несмотря на то, что данный термин вошел в научный оборот в 1980-х гг., ранние образцы звуковых инсталляций появились еще в начале XX в. в результате творческих экспериментов музыкантов, художников и проектировщиков креативной среды. Однако создавались такие произведения преимущественно для дизайна и украшения жилых помещений и выставочных павильонов. Сегодня ситуация в корне изменилась, звуковые инсталляции все чаще размещаются на открытом воздухе, на улицах, они занимают все более значимое место в городском ландшафте. Арт-объекты такого рода часто пользуются спросом у властей и вызывают интерес горожан.

Первопроходцами в создании музыкальных арт-объектов являются зарубежные артисты, художники и дизайнеры. Так, американский философ, поэт и композитор Джон Кейдж, начавший свой творческий путь в весьма традиционных рамках, быстро вышел за пределы стандартного понимания звуковой гармонии и провозгласил тезис — «всякий звук является музыкой». По его мнению, звуки обязательно должны быть идеально выверенными и следовать в строго определенной последовательности друг за другом. Звуки могут быть разнообразными, созданными где угодно и как угодно. Не удивительно, что Кейдж одним из первых стал организовывать музыкальные перформансы на улице, вовлекая в свои действия незнакомых ему прохожих.

В середине XX в. братья Бернар и Франсуа Баше начинают создавать первые «звуковые скульптуры». Их идею подхватило множество современных художников и дизайнеров. Жан Тэнгли, например, делал музыкальные композиции из консервных банок и деревянных колесиков. Звук из них извлекался с помощью потока воды, вытекавшей из водосточных труб, бил по банкам с разной скоростью и под разным углом. В результате чего рождалась музыка. Его же изобретение — «музыкально-механические» скульптуры, издающие случайный набор звуков из-за поворота шестеренок в металлических конструкциях.

Особого внимания заслуживает арт-объект «The Royal Playback Orchestra» («Королевский плейбэк-оркестр»), созданный израильским архитектором Иланом Берманом и художником Анат Берман. В повседневной практике данная композиция именуется «симфонические стулья». Данный арт-объект представляет собой открытую сцену с подиумом (возвышением для дирижера) и двадцатью фиксированными стульями, расположение которых примерно соответствует рассадке музыкантов камерного оркестра. Сиденья оснащены скрытыми динамиками, которые активируются датчиком, стоит лишь занять место «исполнителя». При этом

транслируется определенная оркестровая партия. Когда все места заняты, звучит оркестровое тутти. Это, по сути, бесплатное «представление оркестра», открытое для широкой публики, к тому же любой желающий, не ограничиваясь позицией наблюдателя, может включиться в «оркестр» в качестве участника ансамбля — скрипача, флейтиста или дирижера. Такая музыкальная инсталляция, по мнению авторов, формирует восприятие города как сценического пространства, где реализуются музыкальные и актерские задатки индивида. Также расположенный прямо на улице арт-объект может способствовать привлечению слушателей на концерты симфонической музыки академического направления.

Не менее интересным для анализа является арт-объект, получивший название «Kol Israel from Jerusalem» («Голос Израиля из Иерусалима»). Данный объект расположен на улице и имеет форму огромного радио. Стоит отметить, что это не просто композиция, а полноценное радио: прохожие могут выбрать канал вещания и регулировать громкость. По замыслу создателей, объект призван не просто привлечь внимание горожан и туристов, благодаря музыкально-информационному наполнению прохожие оказываются вовлеченными в диалог с музыкальной культурой, ее настоящим и прошлым, интуитивно ощущая ее соотнесенность с глобальным контекстом [6, с. 170–172].

Сейчас звуковые скульптуры — явление достаточно распространенное, ведь звуки можно извлечь практически из всего. Например, на некоторых морских побережьях установлены «морские органы» — своеобразные музыкальные инструменты, музыку в которых через серию труб создают морские волны. Не менее интересны и так называемые «поющие деревья». В них музыку генерируют порывы ветра. Другим примером подвижной звуковой скульптуры можно считать цветовизуальную музыку, созданную при помощи специальных органов или фортепиано, позволяющих по

ходу развития музыкальных тем проецировать на экран множество цветовых оттенков.

Подводя итог, отметим, музыкальные арт-объекты обладают потенциалом «глобального присутствия», подобно стрит-арту, граффити, уличной музыке или рекламе. В силу все более широкого распространения они становятся интегративным компонентом звукового ландшафта современного города.

Список литературы

1. *Чиркова Н. В.* Вещи и предметы быта в контексте культуры повседневности // Концепт : научно-методический электронный журнал. — 2016. — № S14. — С. 46–50.
2. *Агранович-Пономарева Е., Мазаник А., Агранович Д.* Художественные образы объектов городского арт-дизайна [Электронный ресурс] // Архитектура и строительство. — 2012. — № 3 (227) — URL: <http://ais.by/story/15087> (дата обращения: 23.04.2020).
3. *Мальшиева А. В., Абоимова И. С.* Арт-объекты в формировании комфортной пространственной среды современного города // Молодежный научный форум. Гуманитарные науки : эл. сб. ст. по материалам XL студ. Междунар. заочной науч.-практ. конф. — М. : МЦНО, 2016. — № 11 (39). — С. 26–30.
4. *Абакумов Л. И., Дергач Г. И.* Арт-объекты в современном средовом дизайне // Царскосельские чтения. — 2015. — № XIX. — С. 88–91
5. *Чиркова Н. В.* Синергетика художественного восприятия и эмоций // Синергетика природных, технических и социально-экономических систем. — Тольятти. — 2015. — № 13. — С. 143–149.
6. *Ротенберг Н.* Музыка публичных пространств: звучащие арт-объекты в урбанистическом дизайне // Мanusкрипт. — Тамбов : Грамота, 2018. — № 12 (98). — Ч. 1. — С. 168–173.

КОММУНИКАТИВНЫЙ ДИЗАЙН ДОСТУПНОЙ СРЕДЫ ДЛЯ СЛЕПЫХ И СЛАБОВИДЯЩИХ ЛЮДЕЙ

Кукушкина В. А., Бордюгова Ю. А.

Липецкий государственный технический университет

Аннотация. В статье рассмотрены основные аспекты универсального дизайна на примере создания доступной среды для слепых и слабовидящих людей.

Ключевые слова: доступная среда; универсальный дизайн; эргодизайн; рельеф; Брайль.

Доступная среда — это наличие условий, необходимых для удовлетворения трудовых, образовательных, культурных и духовных потребностей инвалидов в контексте равных возможностей для всех. Доступная среда означает возможность беспрепятственного доступа к различным вещам, предметам, информационным и культурным источникам.

Безбарьерная архитектурная среда — это такая среда, которую беспрепятственно могут использовать все мало-мобильные группы населения, к ним относятся: инвалиды различных категорий (с нарушением слуха, зрения, опорно-двигательного аппарата); лица преклонного возраста; люди с колясками; дети дошкольного возраста

В настоящее время дизайнеры и архитекторы создают объекты, отвечающие потребностям различных групп населения. Проектные и дизайнерские решения способствуют повышению общего уровня комфортности для всех людей. Условно можно определить критерии качества доступности

среды: доступность; безопасность; информативность; комфортность (удобство).

Проектные решения разрабатываются на основании принятых законов и нормативных документов. Формирование доступной среды является основой принципов универсального дизайна. основополагающей в концепции «универсальный дизайн» служит идея создания более комфортных условий жизни для людей. Эксперты говорят, что универсальный дизайн важен для людей с инвалидностью, необходим для маломобильных граждан и, конечно же, удобен для всех.

Принципы универсального дизайна и разумного приспособления были конкретизированы в СП 59.13330-2012 в двух вариантах адаптации: 1) доступность всего пространства; 2) доступность определенных зон, блоков и так далее.

Рассмотрим основные принципы дизайна, предназначенные для проектирования доступной среды инвалидам по зрению. Инвалиды по зрению делятся на две категории с отличающимися потребностями: люди, которые совсем не видят (слепые, незрячие), и с остаточным зрением (слабовидящие) [1, с. 39]. Инвалиды по зрению составляют ориентировочно 4 % от общего количества людей с инвалидностью, в том числе полностью незрячих людей — менее 1 %. Глобальной проблемой незрячих людей является отсутствие полного восприятия окружающей среды. Для незрячих и слабовидящих граждан «безбарьерная» среда — это не только специальные средства социально-средовой адаптации, но все известные приспособления, необходимые всем категориям населения (бордюры, тротуары, лестницы, поручни). Человеку с дефектом или отсутствием зрения трудно находить верный ориентир в пространстве, поэтому ему необходимо иметь звуковой или тактильный источник информации. Основную часть информации незрячие люди воспринимают тактильно, то есть пальцами рук, путем осязания стопами ног или с помощью белой трости, используемой для ощупывания пути.

Тактильные средства информации — это все поверхности, информирующие незрячего о местонахождении, предупреждающие об опасностях и направляющие незрячего в нужном направлении, а также средства, участвующие в духовной, эстетической и образовательной деятельности незрячего человека.

Средства, помогающие ориентироваться в пространстве — это брайлевские дорожки, поручни с тактильными указателями, таблички с информацией, написанной по шрифту Брайля. Наземные и напольные тактильные указатели помогают незрячим ориентироваться в пространстве. Например, если перед препятствиями установить тактильные плитки, то незрячий при помощи трости или стопами ног, ощущая фактурное покрытие дорожек, может избежать опасные участки.

В Российской Федерации создан и внедрен в эксплуатацию Стандарт ГОСТ Р 52875-2007 «Указатели тактильные наземные для инвалидов по зрению», определяющий тактильные указатели, с помощью которых инвалиды по зрению получают информацию о путях движения в городской среде и внутреннем пространстве общественных зданий [2].

В зависимости от назначения указатели подразделяют на следующие группы: предупреждающие указатели, обеспечивающие возможность инвалидам по зрению ориентироваться в пространстве и избегать опасностей; направляющие указатели, которые обеспечивают возможность инвалидам по зрению передвигаться в нужном направлении внутри общественных зданий и сооружений.

Также обязательно наличие поручней. К дизайну поручней предъявляется ряд требований: максимальное удобство для захвата кистью (округлой формы), концы поручней хорошо закреплены и должны иметь округлую форму, быть непрерывными. При необходимости вдоль поверхности поручня наносится брайлевский шрифт с дополнительной информацией. Надписи, схемы, карты слабовидящие люди могут прочитать, если они будут рельефными [1, с. 40].

Много ценных сведений здесь нам дает эргодизайн — художественное проектирование объектов, формирование которых определяется, в первую очередь, требованиями эргономики. В данном случае эргодизайн трактуется как человекоориентированная научно-проектная деятельность, при которой за счет интеграции средств дизайна и эргономики создаются эстетически и эргономически полноценные объекты предметно-пространственной среды.

Отметим, что слепые и слабовидящие люди по-иному воспринимают графический рисунок. Вначале по контуру, а затем остальные элементы, и лишь потом формируется целостная картина всего изображения. Это необходимо учитывать при создании графических изображений, предназначенных для незрячих людей. Упрощается большое количество мелких деталей. Изображение должно быть четким и лаконичным.

Тактильную информацию необходимо располагать рядом с печатным текстом. Отметим, если это касается интерьера учреждения, образовательной организации или транспорта, всю информацию необходимо располагать на доступном уровне, определяющем нормативными документами и соответствующим возрастным категориям.

Список литературы

1. Кукушкина В. А., Ковтун К. В. Рельефно-графические пособия для слепых и слабовидящих // Развитие креативности личности в современном образовательном пространстве : сб. материалов Межрегион. науч.-практ. конф. с междунар. участием. 28 апреля 2016 г. — Елец : ЕГУ имени И. А. Бунина, 2016. — С. 39–42.
2. ГОСТ Р 52875-2007. Указатели тактильные наземные для инвалидов по зрению. Технические требования [Электронный ресурс] // Носсийский архив государственных стандартов : [сайт]. — URL: <https://rags.ru/gosts/gost/44125/> (дата обращения: 10.04.2020).

ОБРАЗЫ ТЕРРИТОРИИ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ИСКУССТВЕ (НА ПРИМЕРЕ СЕВАСТОПОЛЯ)

Шевчук И. В.

Севастопольский государственный университет

Аннотация. В статье раскрыто понятие образа территории, на примере Севастополя исследовано отражение города в изобразительном искусстве. Выявлены основы современного образа города. Выдвинуто предложение по дополнению бренда Севастополя.

Ключевые слова: образ территории; образ в искусстве; бренд города; Севастополь.

Целью исследования является изучение актуальной проблемы значения образа территории и его влияния на искусство на примере Севастополя. Для решения поставленной цели можно выделить следующие задачи — изучение образа территории с учетом влияния на искусство региона на примере Севастополя; изучение основных наиболее значимых для региона произведений искусства с точки зрения их влияния на формирование образа города, формирование предложений по дополнению бренда города.

Образ в искусстве — это обобщенное художественное отражение действительности, облеченное в форму конкретного индивидуального явления [1, с. 186]. Образ определенной территории складывается из суммы представлений об этом пространстве, а также закономерных внутренних и внешних факторах, влияющих на его развитие (*Рис. 1*).

Рисунок 1. Блок-схема «Факторы, развивающие образ города»

К внешним факторам мы можем отнести природу региона, историю его освоения, структуру и плотность населения (социальная), сферы производства и ведения хозяйства, к внешним, в свою очередь, отнесем экономико-географическое положение (ЭГП), роль субъекта в истории государства, а также восприятие ее жителями других регионов [2, с. 1–8]. Стоит отметить, что такое деление довольно субъективно, и некоторые факторы можно отнести как к одной, так и к другой группе.

Произведения изобразительного искусства всегда играли большую роль в формировании образов. Образ ассоциируется у нас с чем-то визуальным. В отечественной культурной традиции особое место занимают памятники и живописные полотна, посвященные историческим событиям и народным героям, связанным с ними. Множество произведений искусства под влиянием истории сложили особый культурный код не одного поколения наших соотечественников. Важное место

в культурно-историческом наследии занимают памятники изобразительного искусства, посвященные Севастополю.

В памяти народа Севастополь укоренился как непреступный город-крепость и главная база Черноморского флота. Таким он и выступает в художественных произведениях.

«Смотр Черноморского флота» — полотно великого русского мариниста И. К. Айвазовского [3, с. 15–20]. Данная картина раскрывает образ города XIX в., по сути, не изменившийся до наших дней. На полотне в линию выстроились боевые корабли Черноморского флота, во главе идет линкор «Двенадцать апостолов» за ним следуют 84-пушечные «Ростислав», «Святослав» и «Ягудиил» [4, с. 224]. В правом нижнем углу композиции стоит сам император Николай I и адмиралы. Мы видим, Севастополь исключительно военный город, это крепость и главный военно-морской центр на юге России.

Столь высокая важность данного региона привела к двум оборонам города от неприятеля, на долгие годы определившим образ города-героя, непреступные стены которого стойко стоят перед врагом.

Панорама «Оборона Севастополя 1854–1855 гг.» авторства Ф. А. Рубо является, пожалуй, главным живописным памятником, посвященным событиям первой обороны. Стоит отметить глубокую историческую достоверность данного произведения, прежде чем начать работу, автор изучал исторические документы, осматривал места боев, разговаривал с участниками и очевидцами событий. Автор запечатлел важный момент не только истории Севастополя, но и мировой истории, переломный момент Крымской войны [5, с. 4–8]. Сама панорама находится на Историческом бульваре, который подразумевался изначально как один из бастионов для защиты Севастополя с суши (4-й бастион). Это место особенно важно для горожан, во время обороны города на 4-ом бастионе служил Л. Н. Толстой, запечатлевший те события в своих «Севастопольских рассказах», еще

один мазок в картину образа города [6, с. 56–70]. О важности и актуальности данного места и культурно-исторического наследия в целом говорит начавшаяся в 2018 г. масштабная реконструкция Исторического бульвара.

Событием, закрепившим и усилившим образ Севастополя, который сложился после Крымской войны, стала вторая оборона (1941–1942 гг.). Одним из самых известных произведений искусства, отразивших это событие, является полотно А. А. Дейнеки «Оборона Севастополя» [7, с. 85–97]. Картина с безусловно сильной эмоциональной окраской, пылающая ненавистью к врагу и показывающая весь ужас войны, трагическую судьбу Севастополя, его жуткий истерзанный образ. Теме второй обороны посвящено множество памятников и сооружений. Тема Великой Отечественной войны в целом имеет огромное значение для города, так в 2019 г. произошла масштабная реконструкция парка Победы.

В Севастополе идет активное обсуждение разработки туристического бренда — известного объекта или комплекса объектов природного, культурно-исторического наследия, и маршрута, который охватывает посещение данных объектов, а также уникальные события, привлекающие к себе большой поток туристов, символа города-героя, который бы повысил его узнаваемость как в России, так и за рубежом [8]. На данный момент бренд города формируют самые узнаваемые памятники приморского бульвара, а именно: памятник затопленным кораблям и обелиск «Городу-Герою Севастополю» (изображен на 200-рублевой купюре). Важным объектом, с которым многие ассоциируют город, является Херсонес, ныне музей-заповедник, который так же является знаковым местом, формирующим бренд Севастополя.

В наши дни, разрабатывая и изменяя бренд города, стоит отходить от военной тематики. Необходимо больше внимания уделять культурным, исторически важным элементам и меньше опираться на тему войны, тем самым изменить вектор восприятия города с военной тематики на другие

составляющие образа города. Таким важным культурно-историческим элементом, на который стоит сделать опору, является Херсонес Таврический. Музей-заповедник и сейчас активно развивается, а многие его элементы (такие как мозаика птица и колонны базилики) часто используются для эмблем и других брендовых изображений города. Стоит развивать это направление и подчеркивать связь с античным прошлым данной территории, постепенно меняя русло развития образа Севастополя.

Список литературы

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М. : Азбуковник, 1997. — 900 с.
2. Важенина И. С. Имидж, репутация и бренд территории. — Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2013. — 406 с.
3. Чурак Г. С. Айвазовский — М. : Третьяковская галерея, 2016. — 31 с.
4. Матвеева Т. М. Убранство Русских кораблей. — Л. : «Судостроение», 1979. — 224 с.
5. Россейкин Б. М. Панорама «Оборона Севастополя». Путеводитель. — Изд. 3-е, дополн. — Симферополь : Крымиздат, 1960. — 10 с.
6. Толстой Л. Н. Севастопольские рассказы. — М. : Юрайт, 2020. — 126 с.
7. Сысоев В. П. Александр Дейнека. — М. : Арт-родник, 2010. — 96 с.
8. Архитектурно-художественный совет [Электронный ресурс] // Департамент архитектуры и строительства города Севастополя : [сайт]. — URL: <http://www.севархитектура.рф/news/772> (дата обращения: 20.05.2020)

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РЕШЕНИИ ОБРАЗА ГОРОДА В ИСКУССТВЕ ОМСКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.

Бабикова Т. В.

Омский государственный педагогический
университет

Аннотация. Город выступал героем произведений многих живописцев и графиков Омска. Художественный образ города менялся на протяжении XX в. В изобразительном искусстве Омска сложился цельный и неоднозначный образ города.

Ключевые слова: искусство Омска; XX в.; городской пейзаж; художник; «шестидесятники»; искусство «семидесятников»; художественный образ города.

Любой город является не только средой обитания человека, но и сложным организмом, со своим характером, историей, судьбой. Для каждого живущего в нем город может быть разным, так как совмещаются разные миры и времена. Семантические оттенки понятия город в современной культуре многочисленны [1]. Целостный образ города в искусстве складывается из индивидуального опыта и субъективных ощущений. Художник всегда стремится установить незримые нити и связи, называемые «духом места».

Город — своеобразное зеркало, отражающее перемены, происходящие в жизни общества. В искусстве советской эпохи в эпических панорамах и камерных «пейзажах-настроениях» был представлен социокультурный миф середины

XX в. «Омск — город-сад» [2]. В полотнах ведущих мастеров Омска В. Р. Волкова, Т. П. Козлова, К. Н. Щекотова преобладал образ счастливого города-новостройки, устремленного в будущее.

Тема города в творчестве «патриархов» сибирского пейзажа решалась достаточно опосредованно. В работах Кондратия Петровича Белова жизнь города следовала движению водного пространства и неба, подчиняясь ритмически организованному природному целому. Город, будь то Тара, Тобольск или Соликамск, растворялся в единстве стихий: земли, неба, воды, а жизнь человека мыслилась как естественное продолжение природного бытия. «Пейзажное мышление» преобладало над «урбанистическим» и в творчестве Алексея Николаевича Либерова. Изображение городских будней можно назвать своего рода отчетом о командировке после творческих поездок в страны «социалистического лагеря» (ГДР и Венгрию) в конце 1950-х — 1960-е гг.

В 1960-е гг. городская среда динамично менялась, стремительно обновлялся жизненный уклад. В искусстве следующего поколения, так называемых «шестидесятников», художественный образ города заметно обогатился. Омск представлял как индустриальный центр на полотнах Г. А. Штабнова, в акварелях В. Н. Белана, Р. П. Камкиной.

Город стал ощущаться не только как источник творческих поисков, но и как частица собственного внутреннего мира. Осознать «связь времен» помогал любимый мотив — вид из окна мастерской. Сквер у Дома художника и река Омь, мост и перспективу бывшего Любинского мы видим в работах С. К. Белова, В. В. Кукуйцева, А. Ф. Соловьевой, Ю. А. Овчинникова и др.

Любимой темой омских художников становился непрерывно меняющийся облик города. Контрасты старых деревянных домов и огородов с надвигающейся громадой новостроек можно видеть в работах мастеров различных стилевых тенденций: от лирически-мягкой интонации тонко

нюансированной живописи А. Б. Сапожникова («Левобережье») до интеллектуальной «новой документальности» полотен Г. П. Кичигина («Субботний вечер», 1989).

Прямота подхода к изобразительному мотиву не исключала желания подчеркнуть динамику изображаемого мотива, добиться синтеза конкретности и условности. В 1980-е гг. многие городские пейзажи приобрели заметную «картинность». На полотнах Е. А. Куприянова, Г. А. Штабнова, М. И. Слободина доминировали крупные массы, подчеркивалась ритмика архитектурных форм, динамичная структура образа.

Постепенно образ города трансформировался. Отдаляясь от своей натурной основы, изображаемые предметы и ситуации переходили в область поэтического преображения. Так, с 1960-х гг. в творчестве Н. Я. Третьякова новая художественная реальность выражена музыкально-пластическими средствами. При этом, все более ощутимы мозаичность и противоречивость жизни человека в городской среде.

Образное осмысление городского пространства заметно усилилось. Омск все чаще предстал как воспоминание, мечта, волшебный сон (цикл Н. Я. Третьякова «Городские пейзажи» (1960-е), полотна В. В. Кукуйцева, пастели А. Н. Либера, офорты А. И. Галковского, литографии А. В. Старцева, А. А. Темерева). Порой он сжимается до одного здания или фрагмента улицы («Любимый город» Г. А. Штабнова, «Дом Антона Сорокина», «Домик Врубеля» Г. Г. Пилипенко). Иногда прошлое города выступало в идиллической ретроспекции (1980-е: серии «Старый Омск» В. И. Зайцева, «Омск в прошлом» А. С. Макарова). Безусловно, своеобразными эмблемами, символами Омска в изобразительном искусстве стали такие работы, как «Белый город» Н. Я. Третьякова, «Серебристый день» В. В. Кукуйцева, серии «Кружево Сибири» А. И. Галковского, «Мост через Иртыш» А. В. Старцева и многое другое.

Переживание из глубины своего я «внешнего мира», его субъективное восприятие объясняет столь часто встречающийся мотив окна. В искусстве Омска развитие этого мотива, обозначение границ личностного пространства прослеживается от «Сельского окошка» (1958) Г. А. Штабнова и его же картины «Крыши» с подзаголовком «Вид на мир из моего окна», к сериям «Окна» (1970-е), «Цитируя классиков» (1990-е) Г. П. Кичигина, в которых стекло порой может просто отталкивать своей непроницаемостью.

В искусстве «семидесятников» мир человека оказывался все более хрупким и незащищенным, заметнее рефлексия и поиски истинных ценностей. Город как условно трактованная среда оттенял неуютность существования человека, утратившим цельность мироощущения. Кризис идеальных представлений ощутил в творчестве омичей Н. А. Бабина, А. А. Темерева, А. В. Старцева.

Искусство, сохраняя свою органическую природу, всегда стремилось к постижению современного мира. Разрыв между сознанием и реальностью, углубляющийся конфликт человека и среды можно было выразить, используя язык документа. Фотореализм помог внести документальный мотив в образное целое. Физическая реальность городской среды начинает дробиться. Фрагментарность композиции, искажение пространства, холодная отчетливая манера видения дополняли ощущение города как антисреды обитания. Часто встречалось изображение железнодорожных путей, трасс, магистралей, то есть границы действительности.

Тема «человек и город» особенно остро зазвучала в годы «перестройки». Социокультурные процессы, происходящие в стране в начале 1990-х гг., проявили новые темы и образы. Город оказался индифферентным по отношению к человеку, он стал своеобразной зоной отчуждения. Холсты Г. П. Кичигина, отражающие жизнь родного города ярче всего, демонстрируют сложение новой социальной психологии. В центре внимания оказались задворки и окраины, новостройки,

ставшие долгостроем (Г. П. Кичигин «Еще один день», 1987 г.). Появились «пейзажи без героя». Происходило напластование множества контекстов и смыслов. Не случайно, к концу XX в. часто встречаются определения Омска как «город-дракон», «энергетический вампир», «город-зеро», «город О».

Вместе с тем, в творчестве многих авторов разных поколений, продолжающих традиции натурной живописи — Г. С. Баймуханов, А. А. Шакенов и др., заметно стремление понять сущность окружающего пространства и выявить его закономерности в самом ритме построения композиции, в живописном решении картины. Постепенно происходило обновление живописного языка.

Город выступал героем произведений многих живописцев и графиков. Образ города и его реальное пространство стали многозначными. Из индивидуальных образов, легенд и мифов сложился в искусстве цельный, хотя и неоднозначный образ города, который не всегда отделим от города реального.

Список литературы

1. Каган М. С. Культура города и пути ее изучения // Город и культура. — СПб., 1992. — С. 19–21.
2. Мысливцева Г. Ю. Река и город. О формировании художественного образа Омска в изобразительном искусстве. 1960–1990-е гг. // Первые омские искусствоведческие чтения. Сборник материалов. — Омск, 1996, 1997 — С. 26–28.

ОБРАЗ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В ПРОСТРАНСТВЕ СИМВОЛОВ ОМСКА

Петрова Ю. В.

Омск, региональный центр изучения
творчества Ф. М. Достоевского

Аннотация. В статье проанализирован символ Ф. М. Достоевского как составляющая семиотического пространства города Омска. Рассмотрен актуальный символ, указана и аргументирована необходимость пересмотра символического статуса писателя для Омска.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский; Омск; символ; городское пространство; памятник.

Ф. М. Достоевский является одной из ключевых фигур, образующих смысловое пространство Омска. В Омске есть улица, музей, университет, которые носят имя великого писателя, экскурсионные маршруты, связанные с пребыванием Достоевского в Омске, ему посвящены предметы искусства: городская скульптура, живописные полотна и графические листы. Образ Достоевского сопрягается с образом Омска в сознании каждого человека, интересующегося творчеством мирового классика. Споры о том, какие имена, события, факты образуют символическое пространство Омска, неизбежно касаются имени Достоевского: можно ли назвать Достоевского символом Омска (или его брендом, или гением места, в соответствии с контекстом спора), учитывая, что Достоевский связан с Омском посредством своего каторжного опыта, сам в течение жизни по доброй воле Омск не посещал

и вспоминать о нем не любил. Это спор, касающийся, в том числе, вопроса исторической памяти: хотят ли горожане отречься от каторжного прошлого Омска или готовы его принять и творчески преобразовать.

Говоря о пребывании Достоевского в Омске, прежде всего, имеют ввиду негативный факт биографии писателя, связанный с его пребыванием в Омском каторжном остроге с 1849 по 1853 гг. В связи с этим часто цитируются широко известные строки из письма Ф. М. Достоевского своему брату М. М. Достоевскому, в котором описание Омска лишено положительных оценок: «Омск гадкий городишка. Деревьев почти нет. Летом зной и ветер с песком, зимой буран. Природы я не видал. Городишка грязный, военный и развратный в высшей степени» [1, с. 91]. Опыт Достоевского-арестанта сочетается с широко распространившимся благодаря статьям критика Н. К. Михайловского идеями о особом статусе страдания в жизни и творчестве Достоевского. Одна из статей носит характерное название «Жестокий талант». «Жестокий талант, <...> — уверяет читателя критик, — выберет преимущественно темою для своих произведений страдание и будет заставляя страдать и своих действующих лиц и своих читателей». Омск в биографии писателя, написанной Ю. И. Селезнёвым, воспринимается как место «сибирской Голгофы» [2, с. 156] Достоевского, а сам писатель обретает образа страдальца, мученика. Этот образ воплощен в работах омских скульпторов. «Крест несущий» А. Капралова изображает писателя словно придавленным тяжелым крестом, фигура трагична и сурова. Не менее суров памятник Достоевскому скульптора С. Голованцева и архитектора А. Каримова. Здесь на Голгофу намекает Евангелие в руке писателя, единственная книга, которую было позволено держать на каторге. Словно преодолевая сопротивление незримого вечного ветра, писатель делает шаг, не поднимая головы, не окидывая взглядом расстилающуюся перед ним окрестность Омской крепости и берега Иртыша за ней.

Образ Достоевского в сопряжении со страданием нашел воплощение в графической серии иллюстраций к «Запискам из Мертвого дома» Г. Кичигина. Художественное переосмысление повести не имеет прямого отношения к личности Достоевского, но черты портретного сходства героя некоторых листов этой серии позволяет говорить о том, что и здесь образ Достоевского связан со страданием. Портрет писателя кисти Г. П. Кичигина прямо связан с образом «сибирской Голгофы». Страданием проникнуты посвященные Достоевскому и его творчеству живописные полотна Г. Г. Пилипенко.

Постмодернистская работа Д. Муратова «Н. В. Гоголь и Ф. М. Достоевский в города играют» в ироническом ключе обыгрывает образ Достоевского-каторжанина. На портретном изображении Достоевского нет страдания, это реплика с портрета В. Г. Перова, на котором был изображен уже состоявшийся писатель, автор признанных шедевров русской литературы. Но тонко, через игру, образ Достоевского-классика связан с Омском через каторжный опыт. В этой работе нет моральных оценок, Достоевский не страдает, сидел в Омске и сидел, в некоем вневременном пространстве, где он может играть в города с Гоголем, этот факт не имеет особого значения.

В письме к брату есть слова о людях, встреченных писателем в Сибири: «Скажу только, что участие, живейшая симпатия почти целым счастьем наградили нас. Ссылные старого времени (то есть не они, а жены их) заботились об нас, как об родне. <...> они присылали нам пищу, одежду, утешали и ободряли нас. <...> Если б не нашел здесь людей, я бы погиб совершенно. К. И. И<вано>в был мне как брат родной. Он сделал для меня всё, что мог. Я должен ему деньги. Если он будет в Петербурге, благодари его. <...>. Но чем заплатить за это радушие, всегдашнюю готовность исполнить всякую просьбу, внимание и заботливость как о родном брате. И не один он! Брат, на свете очень много благородных людей» [1, с. 90–91]. Омские краеведы соединяют образ Омска и образ

Достоевского в свете этих сочувственных слов писателя, обращенных к чутким к его судьбе людям. Ниточка, связывающая Омск и Достоевского, не оборвалась с его отъездом из Сибири. Продолжилась переписка, общение со новообретенными друзьями, в письме к одной ободряющей Достоевского душе, к Н. Д. Фонвизиной, писатель сформулировал свой выстраданный символ веры. В этом контексте образ Достоевского несет черты страдальца, а образ Омска — среды, в которой было возможно формирование особого круга сочувствующей «всему передовому» интеллигенции, отнесшейся к Достоевскому с вниманием и заботой.

Совершенно выпал из поля зрения омских краеведов и художников образ позитивного Достоевского. Это нетривиальное отношение к Достоевскому появилось впервые у Оскара фон Шульца в цикле лекций 1931–1932 гг. «Светлый, жизнерадостный Достоевский». Оскар фон Шульц на материале творческого наследия Достоевского и его переписки открывает светлые стороны характера, отношения к жизни и к творчеству у писателя [3]. Сходный посыл нес в себе словарь митрополита Антония Храповицкого «Не должно отчаиваться» [4], сумевшего после революции и вынужденной эмиграции найти в творчестве Достоевского опору для надежды в возрождение России.

Омск — это лучшее место для конструирования образа светлого жизнерадостного Достоевского. Говоря об этом писателе, как правило, имеют в виду его пятикнижие, пять романов, написанных в петербургский период биографии, в которых поднимаются вечные «проклятые» вопросы, за внимание к ним Достоевский повсеместно заслужил репутацию опытного сердцеведа. Знаменательно, что филигранной обработке своего умения видеть сердца людей («вечное сосредоточение в самом себе, куда я убежал от горькой действительности, принесло свои плоды» [1, с. 90]) писатель посвятил четыре года пребывания на омской каторге. «Сибирская тетрадь» и «Записки из Мертвого дома»

непосредственно связаны с каторжным опытом Достоевского. Л. Н. Толстой в письме к Н. Н. Страхову от 26 сентября 1880 г. пишет: «На днях нездоровилось, и я читал «Мертвый дом». Я много забыл, перечитал и не знаю лучше книги из всей новой литературы, включая Пушкина. Не тон, а точка зрения удивительна: искренняя, естественная и христианская. Хорошая, назидательная книга...» [5, с. 85]. Во время пребывания в омском каторжном остроге возник замысел этой жизнеутверждающей повести, повести преодоления, характеры и прототипы для которой подарила омская каторга.

В «Записках» автор описывает пространство вокруг острога, омское пространство как пространство свободы, место земного рая воли, «благословенного края». Достоевский не знал Омск как город. На момент его пребывания в остроге Омск больше похож на «подмосковное село» [6, с. 5]. Для Достоевского не существует омского городского пространства как такового. Всякий раз, описывая внеострожное пространство, в «Записках из Мертвого дома» или в «Преступлении и наказании», писатель говорит о ширине, пустынности, можно сказать, потенциале этого пространства: «<...> работа производилась на берегу Иртыша. Я потому так часто говорю об этом берегу, что единственно только с него и был виден мир божий, чистая, ясная даль, незаселенные, вольные степи, производившие на меня странное впечатление своею пустынностью. <...> смотришь, бывало, в этот необъятный, пустынный простор, точно заключенный из окна своей тюрьмы на свободу. Все для меня было тут дорого и мило: и яркое горячее солнце на бездонном синем небе, и далекая песня киргиза, приносившаяся с киргизского берега». «Раскольников вышел из сарая на самый берег, сел на складенные у сарая бревна и стал глядеть на широкую и пустынную реку. С высокого берега открывалась широкая окрестность. С дальнего другого берега чуть слышно доносилась песня. Там, в облитой солнцем необозримой степи, чуть приметными точками чернелись кочевые юрты. Там была

свобода и жили другие люди, совсем не похожие на здешних, там как бы самое время остановилось, точно не прошли еще века Авраама и стад его».

Достоевский был в Омске заключенным, он страдал, но он сумел творчески преобразить свой опыт, свободно преодолеть свой каторжный опыт, найти простор и свет для проявления творческого духа. В сущности, современный диалог Омска и Достоевского должен выстраиваться через созидание светлого образа писателя, увидевшего потенциал там, где наши современники видят болото.

Список литературы

1. *Достоевский Ф. М.* Письма. 38. М. М. Достоевскому. 30 января — 22 февраля 1854. Омск // Ф. М. Достоевский. Собрание сочинений в 15 т. — СПб. : Наука, 1996. — Т. 15. — С. 85–95.
2. *Селезнев Ю. М.* Достоевский. — 3-е изд. — М. : Мол. Гвардия, 1990. — 541 с.
3. *Шульц О., фон.* Светлый, жизнерадостный Достоевский / отв. ред. В. Н. Захаров. — Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского ун-та, 1999. — 366 с.
4. *Антоний (Храповицкий А. П.)* Словарь к творениям Достоевского. Не должно отчаиваться. — М., 1998. — 191 с.
5. *Акелькина Е. А.* «Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского : формирование поэтики очеркового повествования (1840–1860-е годы). — Омск : Изд-во НОУ ВПО «ОГИ», 2007. — 139 с.
6. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. : в 30 т. — Л. : Наука, 1972. — Т 4. — 326 с.

**РЕКОНСТРУКЦИЯ ЗВУКОВОГО
ОБРАЗА ГОРОДА ВЯТКИ
КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВВ.
НА МАТЕРИАЛЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ
ТЕКСТОВ**

Дождевых С. М.

Киров, Вятский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению звукового портрета города Вятки конца XIX — начала XX вв. Опираясь на литературные источники, автор выделяет звуковые доминанты будничной и праздничной городской действительности, выделяя общее и уникальное в образе Вятки.

Ключевые слова: образ города; звуковой образ; Вятка; дымковская игрушка; Свистунья.

Образ города — это его идеальное измерение, совокупность субъективных представлений, которые складываются под влиянием социокультурных особенностей эпохи, пристрастий конкретного индивида и свойств самого города. В переживание города включается весь телесный и чувственно-эмоциональный аппарат человека, в результате, образ города обладает зрительными, звуковыми, обонятельными и тактильными ощущениями. Бытующий в сознании людей насыщенный образ города транслируется ими посредством разнообразных вербальных и невербальных творческих практик, средствами литературы и изобразительных искусств. Поэтому реконструкция исторического образа города, в частности звукового, основана на освоении множественного эмпирического материала.

Представить сегодня звуковой образ города Вятки рубежа XIX–XX вв. представляется возможным благодаря наличию богатого литературного материала и письменных свидетельств. Локальный или «вятский текст» составляют воспоминания, письма, дневники знаменитых уроженцев (В. М. и А. М. Васнецовы, А. С. Грин, А. А. Рылов, С. А. Лобовиков, Н. А. Чарушин, Н. Н. Хохряков и др.), мемуары рядовых горожан (А. А. Прозоров, В. Н. Шкляев, Б. Г. Сергиев, С. П. Наумов и др.), заметки иностранцев и вятских ссыльных, а также местная пресса и городской фольклор. Локальный текст Вятки образуется совокупностью разнообразных литературных произведений, созданных людьми неодинакового социального статуса, творческого уровня и на разных этапах жизни. Цельный образ города задается совокупностью индивидуальных образов, каждый из которых, по мнению К. Линча, «уникален, т. к. охватывает какое-то содержание, которое никогда или почти никогда не передается другим, но при этом он в большей или меньшей степени совпадает с общественным» [1, с. 50–51]. Постараемся выявить общий образный звуковой каркас города Вятки данного периода, а также его основные доминанты.

Обращение к источникам показало, что образ Вятки конца XIX — начала XX вв. прочитывается в контексте общей традиции восприятия среды русского провинциального города. Так, главной звуковой доминантой будничного акустического портрета Вятки, как и в других провинциях этого периода, выступает колокольный звон. Тема колокольного звона присутствует в большинстве воспоминаний вятских жителей: «С раннего утра раздавался колокольный звон, стаи галок с криком носились над колокольнями. Бряцали железные щеколды калиток: то старики и старушки шли к заутрене или к ранней обедне...» [2, с. 6].

Колокольный звон, без сомнений, был неотъемлемой частью вятского бытия до начала XX в. Сын учителя вятской гимназии, а впоследствии юрисконсульт Совета по делам

религиозных культов при Совете Министров СССР Б. Г. Сергиев, составляя уже в 1950-х гг. свои «Вятские воспоминания», отмечал, что колокольные перезвоны «всегда создавали приподнятое настроение и обострение чувства, это чувство сохранилось на всю жизнь и не зависело от религиозности» [3, с. 268]. В мемуарах Б. Г. Сергиева колокольный звон приобрел символическое, мифологизированное звучание: «На Александровском соборе был довольно большой колокол и много колоколов поменьше. В пасхальные дни, когда церковный звон продолжался почти весь день, звонарь этого собора перекликался звоном с другими церквями и соборами, находившимся в центре Вятки. Особенно приятный звук издавал колокол Спасского собора. Он весил 900 пудов и всегда начинал звон колоколов, приглашающий молящихся к вечерне, ко всенощной, к заутрене, а особенно к обедне, то есть к дневному богослужению. На колокольне женского монастыря были небольшие колокола, и они как бы «поддакивали» большим колоколам Спасского собора и мужского монастыря, также и Кафедрального собора. На колокольне последнего колокол весил 1234 пуда, то есть больше 20 тонн... В г. Вятке была раньше поговорка про эти церковные перезвоны. Колокола женского монастыря будто бы звонили: «К нам, к нам сиротам! К нам, к нам сиротам!», а большие колокола мужского монастыря отвечали: «Будем, будем, не забудем!». На женском монастыре колокола опять звонили: «Хоть теперя, хоть вечеря!». Им в ответ слышалось: «Будем, будем, не забудем!» [3, с. 268].

Как в типичной провинции, в вятской соносфере отсутствует мотив уличного шума, характерного для образа Москвы и Петербурга. Столичному городскому шуму и звукам транспорта противопоставлены в провинции покой и тишина с природным звучанием. Художник Аркадий Рылов писал, что «после Парижа, Дрездена, Вены, после серых солидных домов и готических соборов Вятка мне показалась смешной, пестрой, как вятские игрушки, что продают на свистунье.

(...) Отвык глаз от этого малолюдья. По тропинке к храму идет, размахивая широкими рукавами, поп. По пути остановился перед согнувшейся старушкой, благословил ее и пошел дальше. На углу давно стоит извозчичья долгушка, ждет пассажира. Послышались резкие звуки пастушьего рожка и мычание: стадо коров заполнило всю улицу. Рыжая корова загородила тротуар, пощипывая возле него траву. Проходящая дама со страхом отмахивается зонтиком от рогатой скотины. Стаи галок с криком облепили крышу и колокольню. Вот и все городское оживление в будни» [2, с. 103].

В описании уроженцев вятской земли образ тишины родного провинциального города не угнетающий, а радостный и успокаивающий. Например, из дневника всемирно известного фотографа Сергея Лобовикова: «Когда выйдешь из собора, когда кончилась всенощная и народ выходит, на дворе морозец, светло как день, тихо, тихо, лишь слышится под санями и ногами визг и свист снега; деревья белые, курчавые, кругом окутались кружевом словно шубой... Ах как чуден, как полон мир божий, как хорошо все кругом... как хорошо, как чисто, ясно на душе...» [4, с. 220].

Выбранный хронологический период конец XIX — начало XX вв. интересен тем, что именно в это время начинается процесс стремительного обновления Вятки, город разрастался, включаясь в иную темпорализацию времени и новые жизненные ритмы, что не могло не отразиться на его акустическом образе. Очень ценными в этом смысле выглядят замечания вятского журналиста С. П. Наумова: «Накануне нового XX века город Вятка огласился звуками мощных гудков вновь построенных железнодорожных мастерских, вышедших из недр земли на склоне рощи так называемого Загородного сада. С этого момента городская жизнь стала строиться и измеряться не по ударам колоколов на двух пожарных каланчах, а по гудкам рабочего предприятия» [5, с. 3]. Это был чуждый «промышленный» звук, голос новой индустриальной эпохи, начало пути к преобразованию города.

Повседневный акустический фон города Вятки, обладая такими константами, как колокольный звон и тишина, по сути, показывает его неотличимым от образа других русских городов. Предположим, что уникальное «звучание» города Вятки может быть обнаружено в праздничной городской жизни. На вятской земле родилось два самобытных народных праздника, связанных исключительно с местной историей: Свистунья (Свистопляска) и Великорецкий крестный ход. Главный духовный праздник с шести вековой историей — крестный ход с иконой Николая Чудотворца в село Великорецкое — сопровождается молчанием и молитвой, а вот отбытие из города в XIX — начале XX вв., «как правило, озвучивал “Коль славен...”» [2, с. 8].

Гораздо большую роль акустика имела в праздновании Свистуньи, с характерным звуком было связано само название этого события. Согласно преданию, установление праздника произошло после легендарного побоища между вятчанами и устюжанами в XV в., когда «своя своих не познаша». Свистунья проводилась в конце мая, обычно в четвертую субботу после Пасхи. Празднование состояло из двух контрастных по содержанию и звуковому коду частей. В субботу утром проводилась панихида в часовне на месте битвы, на склоне Раздерихинского оврага. Затем, по словам А. А. Рылова, город «оживал»: «Не только на площади, но по всему городу стоял неумолкаемый свист и дудение. На балкон балагана, украшенного флагами, вылезал шут; он кричал хриплым голосом, махал руками и смешил публику. Человек в голубом трико что есть силы бил в большой барабан или выдувал резкие звуки из медного рожка. Из другого балагана слышался визгливый голос Петрушки...» [2, с. 8].

Главной звуковой доминантой праздника был свист, при этом на Свистунье главенствовало правило, чем громче и звонче, тем лучше. Описание оглушительного звукового фона этого праздника присутствует во многих письменных источниках. В мемуарах В. Н. Шкляев писал: «Каждый

покупал себе свистушку или другой звуковой или шумовой аппарат и издавал оглушительные звуки, нарочью оглушить человека у самого его уха» [6, с. 116]. Эти слова подтверждаются воспоминаниями Б. Г. Сергиева: «Шум от всей этой ярмарочной сутолоки стоял невероятный, и слышен был за версту. Город замолкал только с наступлением темноты, когда балаганы и палатки закрывались на ночь и с территории площади выдворялась публика» [3, с. 35].

По представлениям горожан, свист, выплескивавшийся в праздничный день в городскую среду, вероятно, противостоял темным и злым силам, однажды обманувшим вятчан. Звуковой мир вятской Свистуны, с превалирующим свистом самобытной глиняной дымковской игрушки, стоит признать уникальным явлением. Традиционная для многих провинциальных городов ярмарочная акустика в целом, конечно, схожа по общему звучанию, однако, предлагает многообразие звуков и инструментов.

Как видим, звуковой образ города Вятки представлен будничным и праздничным звукорядом. Акустическими доминантами повседневного вятского бытия были колокольный звон, тишина и природные звуки, что соответствует традиционной звуковой модели провинциального города. Однако будничному размеренному звукокомплексу был противопоставлен в Вятке праздничный оглушительный свист дымковской игрушки, представляющий уникальное звуковое содержание образа города.

Список литературы

1. Линч К. Образ города / пер. с англ. В. Л. Глазычева. — М. : Стройиздат, 1982. — 328 с.
2. Рылов А. А. Воспоминания. — Л. : Художник РСФСР, 1977. — 287 с.

3. Киров. обл. науч. б-ка имени А. И. Герцена. Фонд краевед. отд. Д. 641. Сергиев Б. Г. Вятские воспоминания (1890–1906 гг.). Ч. 2. О быте. — 298 с.
4. Сергей Лобовиков : Русский мастер художественной фотографии. — Киров : Киров. обл. худож. музей имени В. М. и А. М. Васнецовых, 1996. — 236 с.
5. Государственный архив Кировской области. Ф. Р-3702 Оп.1. Д. 95. *Наумов С. П.* Очерки из книги «Начало XX века в Вятке».
6. Киров. обл. науч. б-ка имени А. И. Герцена. Фонд краевед. отд. Д. 453 *Шкляев В. Н.* Моя жизнь. Ч. 1–2. — 456 с.

МУЗЫКАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ САМАРЫ КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

Тимошевская А. С.

Самарский государственный институт культуры

Аннотация. В статье анализируются архитектурные достопримечательности г. Самары, связанные с музыкальной культурой города. Автором отмечается, что городское пространство Самары, обладающее определенным количеством незаурядных музыкальных событий, является неиссякаемым ресурсом развития территории.

Ключевые слова: музыкальное наследие; культурные традиции; музыкальное событие; арт-объект; архитектурные достопримечательности.

Культурное наследие — важная часть жизни каждого народа. Ю. А. Веденин определяет его как систему «материальных и интеллектуально-духовных ценностей, созданных и сбереженных предыдущими поколениями и представляющих исключительную важность для сохранения культурного и природного генофонда Земли и для дальнейшего его развития» [1, с. 4]. «Чем богаче и разнообразней культурный опыт народа или этноса, воплощенный в образе жизни, сохранении традиций, поддержании культурно-исторической памяти, тем более полноценно воплощается он на практике, тем более комфортной для социума и каждого человека становится его культурная среда» [2, с. 6].

Понятие «музыкальное наследие», как часть культурного наследия, включает в себя не только материальные продукты

в виде нотных текстов произведений авторов предыдущих поколений, но и шедевры нематериального культурного наследия. К музыкальному наследию можно отнести, в том числе, и достопримечательности архитектурного, исторического и культурного значения различных уровней, которые тем или иным способом относятся к деятельности известных творческих личностей. В Самаре жили и работали известные композиторы, музыканты и исполнители: Ф. И. Шаляпин, И. А. Шатров, П. И. Чайковский, Л. В. Собинов, А. Н. Скрябин, Д. Д. Шостакович, Д. Г. Шаталов и многие другие. В советский период отмечены имена М. Д. Чумакова, Г. С. Пономаренко, А. Я. Эшпая, Д. Б. Кабалевского, В. В. Высоцкого.

Зарождение культурных традиций в Самаре началось благодаря социальной деятельности купечества в середине XIX в. Активно содействовали продвижению культуры среди самарских жителей К. К. Грот, П. В. Алабин, Г. С. Аксаков, К. П. Головкин. Ярким представителем купечества был Егор Никитич Аннаев. Первые балы и музыкальные вечера проходили в здании Благородного Собрании, размещавшегося в его гостинице. Здание располагалось на Алексеевской площади (современной площади Революции) и считалось единственной гостиницей европейского класса того времени.

Одной из архитектурных достопримечательностей, относящихся к периоду зарождения культурных традиций в Самаре, является особняк Ефима Филипповича Бёма. В его магазине можно было приобрести различные музыкальные инструменты, патефоны, ноты популярных произведений классики и современных авторов. В этом здании в 1887 г. размещалось «Общество любителей музыки и драматического искусства», а в 1906 г. — второй этаж был арендован Самарским отделением Императорского музыкального общества, также здесь размещался Музыкальный техникум с несколькими музыкальными классами. С 1960 г. Музыкальный техникум (ныне музыкальное училище имени Д. Г. Шаталова) переехал на ул. Куйбышева, 102, где продолжает свою работу

по сей день [3, с. 279]. С этого времени здание занимает знаменитый Государственный Волжский русский народный хор имени Петра Милославова, единственный коллектив, который профессионально представляет богатейшее песенное наследие народов Поволжья. Волжский народный хор стал объектом для подражания среди многих народных коллективов [4].

Яркой архитектурной достопримечательностью Самары считается современное здание Самарской государственной филармонии. История филармонии началась 1 декабря 1907 г., когда на углу улиц Саратовской и Москательной (Фрунзе и Л. Толстого) открыл свои двери шедевр русского провинциального модерна — цирк-театр «Олимп», построенный братьями Калининными по проекту архитектора П. В. Шаманского. Здание просуществовало на данном месте до 70-х гг. XX в. 5 апреля 1940 г. к юбилею П. И. Чайковского Куйбышевский облисполком принимает решение о создании на базе гастрольбюро Самарской филармонии. В годы ВОВ в залах филармонии выступали многие известные артисты. 7 декабря 1943 г. в «Олимпе» состоялся первый симфонический концерт объединенного оркестра филармонии, оперного театра и музкомедии [5]. Современное здание Филармонии, которое открылось в 1988 г., находится чуть дальше от перекрестка. Архитектором нового здания был Ю. В. Храмов, который смог сохранить многие архитектурные особенности старого здания «Олимпа».

Многие достопримечательности Самары также являются хранителями национальной и религиозной культуры. Яркий пример — Евангелическо-Лютеранский храм святого Георга (проект архитектора Н. Н. Еремеева, постройка храма — в стиле «неоготика»). Церковь является старейшей в Поволжье, изначально строилась как римско-католическая. Но потом была передана лютеранам. Строительство кирхи было завершено в 1863 г. С 1997 г. в церкви св. Георга наряду с воскресными богослужениями работают детский, молодежный

и женский кружки, детский и церковный хор, проводятся библейские семинары, а также множество различных концертов. С июня 2003 г. здесь появился орган, благодаря чему жители и гости города могут регулярно наслаждаться концертами органной музыки.

Другой культовой архитектурной постройкой Самары считается здание Храма Пресвятого Сердца Иисуса. Многих гостей города и самих горожан привлекают музыкальные перезвоны колоколов Костела. Проект постройки католического храма был рассмотрен строительным отделением Самарского губернского правления 5 марта 1901 г.

История Самары неразрывно связана с замечательными людьми, творческими личностями. Дмитрия Шостакович выступал в филармонии, в драмтеатре, на радио, в музыкальной школе, ездил по госпиталям. В Куйбышеве Д. Шостакович исполнил и свою знаменитую Седьмую симфонию 5 марта 1942 г. в театре оперы и балета. Оркестром ГАБТ СССР управлял дирижер Самуил Самосуд [6, с. 256]. Музыкально-общественная работа Шостаковича в Куйбышеве имела огромное значение для развития творческой жизни и музыкального образования города. В марте 1943 г. композитор возвращается в Москву. В честь юбилея знаменитого музыканта, 25 сентября 2006 г., часть улицы Рабочей, по которой знаменитый композитор ходил в театр оперы и балета, была переименована в улицу Шостаковича.

Бард, актер и поэт Владимир Высоцкий приезжал в Куйбышев дважды — весной и осенью 1967 г. 29 ноября 1967 г на двух концертах Высоцкого во Дворце спорта побывало около 15 тыс. чел. После смерти Владимира Высоцкого в Самаре стали образовываться кружки, товарищества его памяти. С именем любимого исполнителя советской эстрады связано появление в 1984 г. центра-музея имени В. В. Высоцкого, это объясняется тем, что в Самаре начиналась концертная деятельность артиста. На Дворце спорта — мемориальная доска, напоминающая о тех легендарных концертах. В нашем

городе есть улица Высоцкого. В сквере, носящем имя Высоцкого, открыта памятная стела в честь великого барда.

Незабываемой личностью для Самары стал композитор Дмитрий Кабалевский — выдающийся советский композитор, дирижер, пианист, педагог, Народный артист СССР. В 1962 г. по инициативе Городского молодежного клуба ГМК-62 был учрежден конкурс молодых пианистов Поволжья имени Д. Кабалевского, который со временем стал визитной карточкой культуры Самары.

Музыкальные традиции находят продолжение в работе современных учреждений. В настоящее время Самара обладает целой сетью заведений музыкальной культуры: в городе открыто более 20-ти музыкальных школ и школ искусств, Самарский государственный институт культуры готовит кадры для всей России.

Самара — город с уникальными музыкальными традициями, берущими начало в середине XIX в., когда власть, общественность, местное самоуправление много сделала для развития культуры [7, с. 16]. Сегодня эти традиции чтятся, сохраняются и востребуются современной музыкальной культурой. Это подтверждают архитектурные и культурные достопримечательности нашего города, мемориализация памяти об известных личностях, персонах, способствовавших развитию музыкальной культуры Самары. Культурно-исторический аспект зарождения и развития самарских музыкальных традиций может являться основой для исследования и создания интересных творческих арт-проектов, в том числе направленных на развитие и преобразование городской среды.

Список литературы

1. Веденин Ю. А. Современные проблемы сохранения наследия // Культурное и природное наследие в региональной политике : тезисы докл. Республ. науч.-практ. конф. — Ставрополь, 1997. — С. 4–9.

2. Шулепова Э. А. Наследование как реальный процесс сохранения прошлого в культуре // *Фундаментальные проблемы культурологии*. Т. 6 : Культурное наследие: от прошлого — к будущему / отв. редактор Д. Л. Спивак. — М.; СПб. : Новый хронограф, Эйдос, 2009. — С. 5–13.
3. *Алексушина Т. Ф., Алексушин Г. В., Буданова А. А.* Самара, улица Дворянская : иллюстрированная энциклопедия. — Самара : ООО «Офорт», 2008. — 747 с.
4. Государственный Волжский русский народный хор имени П. М. Милославова : [сайт]. — URL: <http://www.volgachoir.ru/ru/page/istoriya>. (дата обращения: 04.04.20).
5. Самарская государственная Филармония : [сайт]. — URL: <http://filarm.ru/about/history/> (дата обращения: 04.04.2020).
6. *Чиркова Н. В.* Седьмая симфония как подвиг композитора : куйбышевский период творчества Д. Д. Шостаковича (1941–1943 гг.) // *Завершение коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны : проблемы исследования и сохранения исторической памяти*. Междунар. науч.-практ. конф. — Оренбург : Оренбургский государственный педагогический университет, 2018. — С. 255–257.
7. *Чирков М. С.* «Возбудить ходатайство» : проекты и инициативы самарского земства в конце XIX — начале XX вв. // *Центр и периферия*. — 2014. — № 4. — С. 16–20.

КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ ВИРТУАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ

Никитина А. В.

Чебоксары, Чувашский государственный
педагогический университет
имени И. Я. Яковлева

*Исследование выполнено при финансовой поддержке
РФФИ в рамках научного проекта 20-012-00553*

Аннотация. Предпринята попытка проанализировать особенности пространственных образов видеоигр. Представляя собой сложную аудиовизуальную нарративную систему, склонную к созданию полной иллюзии другого мира, видеоигры становятся причиной трансформации привычных пространственных образов. В статье описывается, как в видеоиграх посредством архитектурного окружения конструируются видения ландшафтов, городов и образов другого мира.

Ключевые слова: видеоигра; пространство; пространственный образ; кодификация образа.

Маршал Маклюэн полагал, что цифровая среда способна изменить природу человека и изменить его познавательные и мировоззренческие стратегии [1, р. 16]. Сегодня цифровая среда включена в повседневность практически каждого человека, и многие культурно-социальные формы действия и взаимодействия осуществляются посредством цифровых медиа-систем. Видеоигры в данном контексте являются не просто развлекательной игровой практикой,

вписанной в заранее обозначенное поле правил и отношений, но сложной аудиовизуальной нарративной системой, склонной к созданию полной иллюзии другого мира. Видеоигра сегодня — это революционная машина по производству иных пространственных континуумов, жизненных миров, обладающих невероятной силой убеждения в силу своей гибкости и умения мгновенно подстраиваться под человека. Долгое время человечество жило в условиях бинарного пространственного модуса: есть территория, здесь и сейчас бытийствующая, а есть воображаемое и желанное пространство, которое удовлетворяет всем потребностям и желаниям людей. В целом, градостроительные стратегии, урбанистические практики, садово-парковые концепции были своего рода программами совершенствования первых пространств для достижения вторых. Современность предлагает третью искусственно созданную сферу. Видеоигра, которая изначально была развлечением, со временем превратилась в новое воображаемое пространство, которое можно и не воображать, но которое можно осваивать, осмысливать, более того — обживать и подчинять. Современные видеоигры постепенно начинают освобождаться от игрового содержания, не уменьшая при этом доли присутствия человека, но предоставляя ему возможность выбирать движение истории, решать серьезные моральные и этические проблемы. В данной статье мы попытаемся обрисовать специфику пространственных образов новых территорий по другую сторону от реальных.

Специфика пространственных образов видеоигр как образов, прежде всего, состоит в их интерактивности. В сущности, это новый тип образа как такового, распространяемого через видеоигры, перцепция и рецепция которого осуществляется в режиме перформативности. Традиционное искусство предполагает дистанцированный взгляд сквозь раму картины на пространство. Образы видеоигры меняют данное направление: игрок оказывается внутри

художественного мира, таким образом, его восприятие пространства переворачивается от пространства к образу. Аудиовизуальное оформление видеоигр трансформирует внешне отстраненный опыт в осязаемый «здесь и сейчас». Физический опыт устанавливается посредством множества устройств, включая визуальный обзор перспективы, звуки (дыхание, шаги, удары и пр.), «движения взгляда», которые отражают динамику тела.

В традиционном художественном пространстве взгляд зрителя направляют линии и формы, в художественном пространстве современной видеоигры навигация осуществляется свободной волей игрока. Кроме того, практическая каждая видеоигра предлагает игру от первого лица, что предполагает углубление взгляда игрока (он не видит персонажа, но видит его глазами, на основе чего происходит отождествление личности игрока и персонажа). Пространственные образы видеоигр выстраиваются в традиционные перспективные построения, хотя некоторые игры экспериментируют с видами: так, игра «Ghost Recon» (2001 г.) предлагает множественную перспективу: любой игрок может посмотреть глазами другого. Это оказывает огромное влияние на игровое пространство, что формирует интересубъективную множественность точек зрения. Также в 2006 г. Джулиан Оливер выпустил игру со взглядом от второго лица — перспективный вид и место, в рамках которого осуществляется изобразительное взаимодействие: инвертированное управление в игровом процессе позволяет одному игроку воспринимать пространство глазами противника.

Тем не менее, пространственные образы видеоигр во многом выстраиваются благодаря архитектуре, иногда создатели видеоигр привлекают архитекторов для моделирования игрового мира. Архитектурное обрамление видеоигры становится модусом, задающим не только координаты персонажа, но и определенные нормативы, благодаря которым игрок понимает специфику культурного ландшафта игры

и становится частью новой реальности. Видеоигра — мечта архитектора и урбаниста, здесь отсутствуют ограничения физического мира, экономической и политической реальности. В видеоигре архитектор получает возможность воплотить утопические проекты и понять, как они будут функционировать. На смену бумажному проектированию приходят идеальные модели виртуальных миров, вписанных в поле социальных отношений, которые генерируются системой культурных кодов собственно игры. Так, в серии игр «Биошок» предлагаются гетеротопии воплощенных утопий идеальных городов: подводный город Восторг (идеальная мечта персонажа игры), похожий на проекты идеальных городов русских архитекторов нач. 1920-х гг., райский город Колумбия — новый Эдем, противопоставленный земному «Содому-Под-Нами», являющийся отражением утопий Нового света начала XX века.

Архитектурное обрамление пространственных образов становится системой производства смыслов и впечатлений, благодаря ему игрок встраивается в привычные для себя координаты. При разработке игр учитываются все формы действия игрока, чтобы игровое пространство откликалось на них, однако при этом формируются нетипичные формы поведения, когда игрок отказывается от предложенного взаимодействия с игрой и формирует свои собственные способы интерактивности и телесного опыта. Смысловая интерпретация пространственных образов видеоигр является предельно индивидуальной, субъектной. Свободное блуждание игрока, возможность выйти за пределы запрограммированного, заданного картой игры, разрушает логику запрограммированного пространства, но именно сама эта возможность расширяет жизненный мир игрока. Ранние топологии игр напоминали шахматное поле с заранее заданными способами действия. В попытках репрезентировать реальность видеоигра «сломала четвертую стену», вышла за пределы собственного жанра, изменив собственную онтологию.

Пространственные образы в видеоигре строго кодифицированы: каждая пространственная среда, так или иначе ограниченная от другой, фиксирует посредством архитектуры определенные стереотипные культурные коды, зависящие от содержания игры. Кодификация происходит и на уровне границ. Несмотря на название «открытый мир» все же игровое пространство в большинстве случаев ограничено. Разработчики игр формируют разные концепции, объясняющие конечность этого мира без разрушения иллюзии присутствия: так появляются изолированные горами географические пространства, острова, окруженные морями, граница может быть связана с сюжетом игры (искусственный купол) и т. д. Кодификация также предполагает формирование «точек притяжения» игрока. Подлинный игрок обитает по ту сторону экрана, он фланирует по игровому пространству, отзываясь на зовы ориентиров, расставленных по разным местам, либо игнорируя логическую схему игры, выдумывает собственные пути бытования. Подобные тактики в сленге фанатов видеоигр получили название «игровой аутизм». Фланирование по виртуальному городу — разрушение нормативной культурной гегемонии общественных пространств современных городов. Фланирование не предполагает активного включения в игровой сюжет, наоборот, оно его отрицает. В связи с ненормативными тактиками интерактивности сегодня формируется тенденция перехода от концепции «закрытого открытого мира» к «открытому открытому миру», которая объясняется применением цифровых средств процедурной генерации пространственных образов: новые городские формы от студии «Rockstar», неограниченный космос с уникальными планетами от игры «No man's sky». Тем не менее, в целом, пространство видеоигр обнажено, оно не имеет случайностей, уникальных сочетаний, видов, состояний. В той или иной мере они не имеют жизненной основы, они суть культурно-символические подобию, оболочки, внутреннее содержание

которых включается с приходом игрока. Это пространство не-событийное вне субъекта, пока еще не совсем способное к изменениям и трансформациям.

Список литературы

1. *Marshall McLuhan*. Speed of Cultural Change // College Composition and Communication. — 1958. — Vol. 9. — No. 1. — P. 16–20.

ПУБЛИЧНОЕ ИСКУССТВО В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ: ВИЗУАЛЬНЫЙ ОРИЕНТИР ИЛИ КОЛЛЕКТИВНАЯ ТОЧКА ОПОРЫ?

Вильчинская-Бутенко М. Э.

Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна

Аннотация. Рассматривается связь публичного искусства с местной средой в контексте социальной, культурной и пространственной согласованности. На примере объекта паблик-арта анализируются способы, с помощью которых публичное искусство может достичь социальной интеграции. Делается вывод, что, в отличие от советского периода, когда паблик-арт вставлял идеологические послания в эстетический формат, в настоящее время он основывается на социальной вовлеченности аудиторий и более широкой активности местного сообщества, города и общества в целом.

Ключевые слова: публичное искусство; городская среда; визуальный символ; социальная интеграция искусства.

Нет сомнений в том, что нынешний процесс глобализации и повышения конкурентоспособности городов в значительной степени влияет на соотношение паблик-арта и городского развития. Публичное искусство в этом отношении часто рассматривается как инструмент, который может подчеркнуть самобытность, уникальность и привлекательность городов и, следовательно, обеспечить точку опоры для местной экономики.

Под термином публичное искусство мы понимаем любые доступные для всех произведения искусства, выполненные с определенным намерением быть размещенными в физическом общественном пространстве (обычно внешнем).

Как паблик-арт должен пересекаться с городскими пространствами и новыми художественными тенденциями, которые включают перформанс-арт, концептуальное искусство, искусство инсталляции, лэнд-арт, специфическое искусство места и многие новые элементы (городская мебель, освещение, мультимедиа, граффити и даже коммерческое искусство) — это сложный вопрос. Новые художественные тенденции и художественные инновации постоянно пытаются претендовать на статус публичного искусства, передающего экзистенциальный смысл и символы, которые индивиды способны воспринимать и понимать через акт идентификации. То, как индивид, то есть аудитория, воспринимает публичное искусство, в этом смысле имеет решающее значение.

Артефакты известных художников можно найти в любой точке мира, но не все они способны установить связь с местной средой и произвести социальную, культурную, историческую и пространственную согласованность. Фрески и мозаичные панно городов СССР были предназначены для изображения культурной истории народа. Они прославляли «нового человека», иллюстрировали сцены героизма, труда и промышленного развития, которые были неотъемлемой частью основания и строительства города и страны в целом. Действительная история города и общественное воображение находили прямую связь с сюжетами каждой фрески и идеалами прогресса, в которые были вплетены эти образы. Фрески и мозаики были образцами публичного искусства, отражающими сознание времени и места. То, что великий рассказ о советской истории и прогрессе теперь оспаривается и критикуется, не имеет никакого значения. Важно то, что, когда эти фрески были созданы и показаны публике, они отражали идеалы гражданской активности, которые сегодня уже не очевидны.

То, как индивидуумы воспринимают произведение искусства или, лучше сказать, насколько сильно различные аудитории интегрируются с современным публичным искусством, А. Янухта-Шостак описывает как разницу между «визуальным ориентиром» и «коллективной точкой опоры» [1, с. 82]. В то время как первая может развлекать, стимулировать чрезмерный интерес и обеспечивать временную вовлеченность человека, вторая производит ментальное принятие и обеспечивает социальную идентификацию с произведением искусства. Коллективные точки опоры создают глубокую интеграцию внутри сознания индивидов и становятся частью их «ментальной карты» города. Благодаря своему широко распространенному характеру такое публичное искусство часто становится символом города и пересекается с различными аудиториями, которые варьируются от жителей до обычных туристов.

Различные типы постоянных и временных произведений искусства могут стать коллективными точками опоры. Вопреки старомодному представлению о том, что только постоянные произведения искусства могут представлять реальное публичное искусство, в настоящее время общепризнано, что временные выставки и события могут рассматриваться индивидами как постоянный ориентир и устойчивая коллективная точка опоры. В этом смысле также кратковременные, но повторяющиеся и интенсивные события могут обеспечить социальную интеграцию, и, подобно физическим артефактам, локализовать ее в конкретных городских пространствах.

А. Янухта-Шостак выделяет три способа, с помощью которых публичное искусство может достичь социальной интеграции: 1) коллективное участие в памятных мероприятиях; 2) пространственное расположение интерактивных произведений искусства, способствующее межличностным отношениям; 3) социальная вовлеченность и сотрудничество в культурных проектах [1, с. 83]. Благодаря этому объяснению

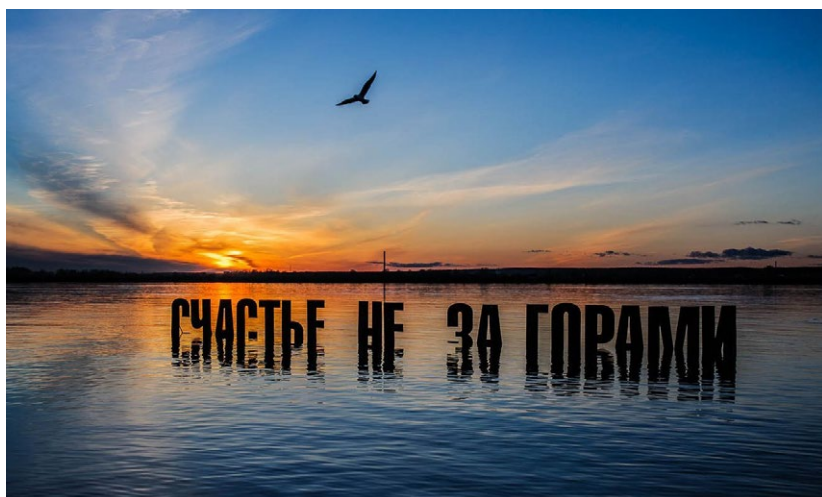

Рис. 1. «Счастье не за горами», Б. Матросов (Пермь)

публичное искусство может быть найдено в любой форме, в любом месте и в любом случае, где происходит эта связь между искусством и актом идентификации, который соответственно придает смысл индивидуальному существованию. Паблик-арт, таким образом, включает в себя измерение «темпоральности» (как долго происходит его бытование в городе) и «эмпатии» (какая социальная интеграция достигается между паблик-артом и различными пользователями города). Отсюда мы приходим к неизбежному вопросу. Должен ли паблик-арт по определению быть «специфичным для места» и включать в себя вовлечение горожан или же должен обращаться к различным аудиториям без ссылок на местное сообщество? Истина находится где-то посередине, поскольку все города мира переживают определенный уровень культурной глобализации, которая постоянно вносит новые культурные элементы в городское пространство.

Рассмотрим один из наиболее «раскрученных» объектов паблик-арта — «Счастье не за горами» московского художника Бориса Матросова. Выполненный для подмосковного фестиваля «АртПоле», этот объект в 2009 году был установлен на набережной Камы в рамках пермского

паблик-арт-проекта «Музей в городе», и за эти годы, благодаря использованию его в клипе, фильме и сериале, стал наиболее узнаваемым символом Перми, известным широкой аудитории не только в России, но и за рубежом (Рис. 1).

Следуя позиции А. Янухта-Шостак о социальной интеграции объекта публичного искусства, в отношении «Счастья...» можем констатировать, что объект обеспечивает: коллективное участие в памятных мероприятиях (служит привлекательным местом для фотосессий молодоженов, выпускников, тургрупп); интеракцию, способствующую межличностным отношениям (селфи, фотографирование для аккаунтов в соцсетях); социальную вовлеченность и сотрудничество (до постановки на баланс арт-объект неоднократно подвергался вандальным актам и случайной порче, но всякий раз восстанавливался на общественные деньги); идентификацию с территорией (автор «Счастья...» даже готовил иск к пермским производителям, использующим арт-объект для рекламы своих товаров). Другими словами, «Счастье...» может рассматриваться одновременно и как «визуальный ориентир», и как устойчивая коллективная точка опоры. Объект не «специфичен для места» (выполнялся не для Перми), коммуницирует с различными аудиториями, способствует обеспечению социальной идентификации горожан, в судьбе объекта участвуют местные сообщества.

На данном примере мы видим не просто превращение объекта из преимущественно экспрессивного в эстетический (преобразование визуального ориентира в социальном и локальном контексте в коллективную точку опоры), но — шире — наблюдаем изменение способа восприятия публичного искусства. В отличие от советского периода, когда паблик-арт вставлял идеологические послания в эстетический формат, в настоящее время он основывается на социальной вовлеченности («эмпатии») аудиторий и более широкой «проактивной роли» местного сообщества, города и общества в целом.

Список литературы

1. *Januchta-Szostak A.* (2010). The Role of Public Visual Art in Urban Space Recognition // *Cognitive Maps: K. Perusich (ed.)*. — Rijeka : InTech, 2010. — P. 75–101.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андриянова Татьяна Владимировна — доцент кафедры социологии Курского государственного университета, кандидат социологических наук, доцент.

andriyanova.tv@gmail.com

Аншакова Анастасия Алексеевна — студентка факультета культурологии, социально-культурных и информационных технологий Самарского государственного института культуры (научный руководитель — доцент Н. В. Чиркова).

nastyia200100000@mail.ru

Бабикова Татьяна Васильевна — доцент кафедры изобразительного искусства и методики его преподавания Омского государственного педагогического университета, кандидат искусствоведения, доцент.

babikova-t@yandex.ru

Бастров Илья Алексеевич — научный сотрудник Национальной галереи Республики Коми (Сыктывкар).

bastrov2490@mail.ru

Бахтурин Виталий Валерьевич — магистрант исторического факультета Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского».

bakhturin1997@mail.ru

Безродная Ольга Анатольевна — директор Бюджетного учреждения культуры Омской области «Музейно-выставочный комплекс «Моя история», кандидат исторических наук.

kab7@mail.ru

Беляева Надежда Жоржевна — заведующая отделом современного искусства Национальной галереи Республики Коми (Сыктывкар).

genddel@yandex.ru

Бережнова Марина Леонидовна — доцент Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского, старший научный сотрудник Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Омск), кандидат исторических наук, доцент.

berezh@bk.ru

Бордюгова Юлия Александровна — студентка Липецкого государственного технического университета.

alabysheva.ylia@icloud.com

Васина Светлана Михайловна — заведующая кафедрой сервиса и туризма Поволжского государственного технологического университета, кандидат исторических наук, доцент.

vasinasm@volgatech.net

Вильчинская-Бутенко Марина Эдуардовна — заведующая кафедрой истории и теории дизайна и медиакоммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, кандидат педагогических наук, доцент.

marina.gutd@gmail.com

Виниченко Анастасия Андреевна — студентка факультета культурологии, социально-культурных и информационных технологий Самарского государственного института культуры (научный руководитель — доцент Н. В. Чиркова).

vinichenco2011@list.ru

Воробьёва Ольга Борисовна — доцент кафедры философии и истории науки Самарского государственного университета путей сообщения, кандидат философских наук, доцент.
filosofivorobeveva999@gmail.com

Высоцкая Наталья Васильевна — доцент кафедры архитектурно-конструктивного проектирования Омского государственного автомобильно-дорожного университета.
visockayanat@mail.ru

Генова Нина Михайловна — заведующая кафедрой театрального искусства и социокультурных процессов Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского, доктор культурологии, профессор.
kafedra.tiam@mail.ru

Горелова Юлия Робертовна — ученый секретарь, старший научный сотрудник Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Омск), кандидат исторических наук, доцент.
gorelovaj@mail.ru

Горнов Владимир Анатольевич — проректор по научной деятельности Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина, кандидат исторических наук, доцент.
v.gornov@365.rsu.edu.ru

Гороховская Лариса Георгиевна — доцент департамента искусств и дизайна Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, кандидат исторических наук, доцент.
gorohovskaya@mail.ru

Демьянов Кирилл Владимирович — младший научный сотрудник, специалист по развитию научных журналов Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского, магистрант исторического факультета.
acdemyanovc@gmail.com

Дергачёва Анастасия Владимировна — студентка департамента архитектуры, строительства и урбанистики Института развития города Севастопольского государственного университета (научный руководитель — ассистент Е. А. Дикарева).
nastya.dergacheva.02@mail.ru

Дикарева Екатерина Александровна — аспирант Института архитектуры и строительства Волгоградского государственного технического университета.
ea.dikareva@gmail.com

Дождевых Светлана Михайловна — доцент кафедры культурологии, социологии и философии Вятского государственного университета (Киров), кандидат культурологии.
doghdik_sv@mail.ru

Ефимова Светлана Геннадьевна — доцент кафедры культурологии Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета, кандидат философских наук.
bolinova@list.ru

Карнакова Наталья Борисовна — оперативный дежурный отдела мониторинга, моделирования и организации проведения превентивных мероприятий ГУ МЧС России по Республике Бурятия (Улан-Удэ).
karnakova82@mail.ru

Карпов Денис Валерьевич — студент факультета изобразительного искусства и народных ремесел Московского государственного областного университета (Мытищи).

k-denis1998@yandex.ru

Красильникова Екатерина Ивановна — профессор кафедры истории и политологии Новосибирского государственного технического университета, доктор исторических наук, доцент.

katrina97@yandex.ru

Крушлинский Валерий Иванович — профессор кафедры архитектурного проектирования Института архитектуры и дизайна Сибирского федерального университета, доктор архитектуры, профессор, почетный член РААСН.

krushlinskiy42@mail.ru

Кукушкина Вера Анатольевна — доцент кафедры дизайна и художественной обработки материалов Липецкого государственного технического университета.

alabysheva.ylia@icloud.com

Львова Наталья Сергеевна — доцент кафедры среднего дизайна Московского государственного областного университета (Мытищи), член Союза дизайнеров России.

n.a.home@mail.ru

Маркова Татьяна Борисовна — заведующая сектором библиоковедения научно-исследовательского отдела библиографии и библиоковедения Библиотеки Российской академии наук (Санкт-Петербург).

tatjana.marko2016@yandex.ru

Меньшова Светлана Васильевна — заместитель директора библиотеки Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета, магистрант кафедры культурологии.

svmen@mail.ru

Митин Иван Игоревич — доцент Высшей школы урбанистики имени А. А. Высоковского Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва), кандидат географических наук.

imitin@hse.ru

Москаленко Анжелика Владимировна — студентка Уральского государственного архитектурно-художественного университета (Екатеринбург) (научный руководитель — старший преподаватель Ж. Э. Уморина).

umorina87@yandex.ru

Мохов Илья Эдуардович — студент Уральского государственного архитектурно-художественного университета (Екатеринбург) (научный руководитель — старший преподаватель Ж. Э. Уморина).

mphovil@yandex.ru

Мясникова Дарья Денисовна — студентка Уральского государственного архитектурно-художественный университета (Екатеринбург) (научный руководитель — старший преподаватель Ж. Э. Уморина).

dolm77@mail.ru

Наливайко Ксения Владимировна — студентка факультета современного искусства и художественных коммуникаций Самарского государственного института культуры (научный руководитель — доцент Н. В. Чиркова).

nalivayko.97@mail.ru

Наумов Сергей Сергеевич — аспирант кафедры отечественной истории и политологии Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского.

naumov_s_s@mail.ru

Никитина Александра Валерьевна — доцент кафедры литературы и культурологии Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева (Чебоксары), кандидат философских наук.

dddasa@mail.ru

Ольхин Юрий Васильевич — доцент кафедры технологии и организации лесного комплекса Петрозаводского государственного университета, кандидат биологических наук, доцент.

yuri_olkhin@mail.ru

Охотина Наталья Михайловна — доцент кафедры сервиса и туризма Поволжского государственного технологического университета (Йошкар-Ола), кандидат исторических наук.

ohotinanm@volgatech.net

Павлова Оксана Сергеевна — доцент кафедры истории Отечества и методики преподавания истории Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, кандидат исторических наук.

oksana. s.pavlova@mail.ru

Петрова Юлия Владимировна — старший лаборант Омского регионального центра изучения творчества Ф. М. Достоевского при Омском государственном университете.

fmdostocentr@yandex.ru

Пиляк Сергей Александрович — директор музея «Смоленская крепостная стена» (Смоленск), кандидат архитектуры.

s.pilyak@mail.ru

Прищепа Александр Иванович — профессор кафедры истории России Сургутского государственного университета, доктор исторических наук, профессор.

aiprishepa@yandex.ru

Путрик Юрий Степанович — руководитель Центра социокультурных и туристских программ Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Москва), профессор Российского государственного гуманитарного университета (Москва), доктор исторических наук, кандидат географических наук.

putrik@list.ru

Самченко Елена Александровна — студентка факультета архитектуры Уральского государственного архитектурно-художественного университета (научный руководитель — старший преподаватель Ж. Э. Уморина).

alenasamchenko@mail.ru

Селиверстов Александр Анатольевич — доцент кафедры транспортных и технологических машин и оборудования Петрозаводского государственного университета, кандидат технических наук, доцент.

alexander@petrsu.ru

Смирнова Марина Александровна — старший преподаватель кафедры гуманитарных наук Северного государственного медицинского университета (Архангельск), кандидат исторических наук.

ma.al.smirnova@mail.ru

Тетюцкая Евгения Александровна — студентка кафедры архитектурного проектирования Уральского государственного архитектурно-художественного университета (Екатеринбург) (научный руководитель — старший преподаватель Ж. Э. Уморина).

tetyutskaya.e@gmail.com

Тимошевская Анастасия Сергеевна — студентка факультета современного искусства и художественных коммуникаций Самарского государственного института культуры (научный руководитель — доц. Н. В. Чиркова).

nastj2222@yandex.ru

Уморина Жанна Эдуардовна — старший преподаватель кафедры основ архитектурного проектирования Уральского государственного архитектурно-художественного университета (Екатеринбург).

umorina87@yandex.ru

Фельдт Ирина Николаевна — доцент кафедры культурологии и религиоведения Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова (Архангельск), кандидат исторических наук, доцент.

irina.feldt@gmail.com

Филиппов Иван Сергеевич — студент Самарского государственного университета путей сообщения (научный руководитель — доцент О. В. Воробьева).

ivanfilippov357@gmail.com

Хилько Николай Федорович — старший научный сотрудник Сибирского филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Омск), доктор педагогических наук, доцент.

fedorovich59@mail.ru

Хлыщева Елена Владиславовна — заведующая кафедрой культурологии Астраханского государственного университета, доктор философских наук, профессор.
culture_mar@mail.ru

Хусанбаева Эльмира Рашидовна — аспирант Московской государственной художественно-промышленной академии имени С. Г. Строганова (Москва).
elmirax.design@yandex.ru

Чашкина Анна Михайловна — студентка факультета современного искусства и художественных коммуникаций Самарского государственного института культуры (научный руководитель — доцент Н. В. Чиркова).
79193390416@yandex.ru

Чиркова Наталья Владимировна — доцент кафедры теории и истории культуры Самарского государственного института культуры, кандидат исторических наук.
nat.chirk@mail.ru

Шарманова Татьяна Викторовна — учитель истории обществознания и МХК Челябинской православной гимназии и физико-математического лицея № 31 г. Челябинска.
tatiana_sharm1701@mail.ru

Шевчук Иван Владимирович — студент департамента архитектуры, строительства и урбанистики Института развития города Севастопольского государственного университета (научный руководитель — ассистент Е. А. Дикарева).
shewchuk.ivan1304@yandex.ru

Щекотуров Александр Вячеславович — заведующий социологической лабораторией анализа, моделирования и прогнозирования рисков Балтийского федерального университета имени И. Канта (Калининград), кандидат социологических наук.

ashchekoturov@kantiana.ru

Научное издание

**ОБРАЗНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ
КАК РЕСУРС РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ**

**Материалы Всероссийской
научно-практической конференции
(Омск, 1 октября 2020 г.)**

*Ответственность за аутентичность и точность цитат,
имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение
законов об интеллектуальной собственности
несут авторы публикуемых материалов*

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2
E-mail: info@heritage-institute.ru